

СЕМИНАР
«КУЛЬТУРА ИМЕЕТ
ЗНАЧЕНИЕ»

19 – 20 СЕНТЯБРЯ 2015 Г.

«Будущее должно быть заложено в настоящем»

Георг Кристоф Лихтенберг

ПРОГРАММА СЕМИНАРА

Суббота, 19 сентября 2015 г.

- 10:00–12:00** Сессия:
**«Школа оскорбленных чувств.
Почему линия политического разлома проходит сейчас по культуре»**
Александр Николаевич АРХАНГЕЛЬСКИЙ,
кандидат филологических наук, руководитель департамента журналистики факультета медиа коммуникаций НИУ ВШЭ, член Академии Российского Телевидения, автор, ведущий и руководитель информационно-аналитической программы телеканала «Культура» «Тем временем»
- 12:00–12:30** **Кофейная пауза**
- 12:30–14:10** Сессия:
«Симфония: биография одного жанра»
Ляля КАНДАУРОВА,
музыкант, выпускница Московской консерватории и аспирантуры, журналист издания Seasons, ведущая авторского курса по истории классической музыки.
- 14:10–14:50** **Обед**
- 14:50–15:40** Мастер-класс:
«Весь мир театр, а люди в нем...?»
Сергей Викторович КАРПОВ,
Народный артист России
Валерий Викторович ПОТАНИН,
Народный артист России
- 15:40–15:50** **Перерыв**
- 15:50–17:20** Мастер-класс:
«Один текст, три прочтения», репетиция
Елена Ивановна ГЛАДЫШЕВА
заслуженная артистка России
Сергей Викторович КАРПОВ,
народный артист России
Валерий Викторович ПОТАНИН
народный артист России
- 17:20–17:40** **Кофейная пауза**
- 17:40–18:40** Мастер-класс:
«Один текст, три прочтения», репетиция
Елена Ивановна ГЛАДЫШЕВА
заслуженная артистка России
Сергей Викторович КАРПОВ,
народный артист России
Валерий Викторович ПОТАНИН
народный артист России
- 18:40–19:15** Показ:
«Один текст, три прочтения»
Елена Ивановна ГЛАДЫШЕВА
заслуженная артистка России
Сергей Викторович КАРПОВ,
народный артист России
Валерий Викторович ПОТАНИН

Воскресенье, 20 сентября 2015 г.

- 10:00-12:00** Сессия:
«Культура как образование. Образование как культура»
Александр Иванович НЕКЛЕССА,
руководитель группы «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия», председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН, заведующий Лабораторией «Север-Юг» ИАФРАН
- 12:00–12:30** **Кофейная пауза**
- 12:30–14:00** Сессия-мастер-класс:
«ART AS LIFESTYLE: как искусство стало частью нашей жизни?»
Денис Александрович БЕЛЬКЕВИЧ,
консультант по инвестированию в искусство и менеджменту коллекций, управляющий директор Ukrainian Cultural Group, руководитель британской компании Red Art Galleries автор цикла образовательных программ по экономике искусства и современному арт-маркетингу
- 14:00– 14:45** **Обед**
- 14:45-16:15** Сессия-мастер-класс:
«ART AS LIFESTYLE: как искусство стало частью нашей жизни?»
Денис Александрович БЕЛЬКЕВИЧ,
консультант по инвестированию в искусство и менеджменту коллекций, управляющий директор Ukrainian Cultural Group, руководитель британской компании Red Art Galleries автор цикла образовательных программ по экономике искусства и современному арт-маркетингу
- 16:15–16:45** **Кофе-пауза**
- 16:45–18:15** Презентация:
«И это все о»
Мини-презентация слушателей Школы о себе
- 18:15 - 18:45** **Подведение итогов. Закрытие семинара**

Речь Иосифа Бродского

перед выпускниками Мичиганского университета в Энн-Арборе, (декабрь 1988 года)

«... Старайтесь не выделяться, старайтесь быть скромными. Уже и сейчас нас слишком много, и очень скоро будет много больше. Это карабканье на место под солнцем обязательно происходит за счет других, которые не станут карабкаться. То, что вам приходится наступать кому-то на ноги, не означает, что вы должны стоять на их плечах. К тому же, все, что вы увидите с этой точки — человеческое море плюс тех, кто подобно вам занял сходную позицию — видную, но при этом очень ненадежную: тех, кого называют богатыми и знаменитыми. Вообще-то, всегда есть что-то неприятное в том, чтобы быть благополучнее тебе подобных, особенно когда этих подобных миллиарды. К этому следует добавить, что богатых и знаменитых в наши дни тоже толпы и что там, наверху, очень тесно. Так что, если вы хотите стать богатыми или знаменитыми или и тем и другим, в добрый час, но не отдавайтесь этому целиком. Жажда чего-то, что имеет кто-то другой, означает утрату собственной уникальности; с другой стороны, это, конечно, стимулирует массовое производство. Но, поскольку вы проживаете жизнь единожды, было бы разумно избегать наиболее очевидных клише, включая подарочные издания. Сознание собственной исключительности, имейте в виду, также подрывает вашу уникальность, не говоря о том, что оно сужает ваше чувство реальности до уже достигнутого. Толкаться среди тех, кто, учитывая их доход и внешность, представляет — по крайней мере теоретически — неограниченный потенциал, много лучше членства в любом клубе. Старайтесь быть больше похожими на них, чем на тех, кто на них не похож; старайтесь носить серое. Мимикрия есть защита индивидуальности, а не отказ от нее.

Я посоветовал бы вам также говорить потише, но, боюсь, вы сочтете, что я зашел слишком далеко. Однако помните, что рядом с вами и всегда кто-то есть: ближний. Никто не просит вас любить его, но старайтесь не слишком его беспокоить и не делать ему больно; старайтесь наступать ему на ноги осторожно; и, если случится, что вы пожелаете его жену, помните по крайней мере, что это свидетельствует о недостатке вашего воображения, вашем неверии в безграничные возможности жизни или незнании их. На худой конец, постарайтесь вспомнить, из какого далека — от звезд, из глубин вселенной, возможно, с ее противоположного конца — пришла просьба не делать этого, равно как и идея возлюбить ближнего как самого себя. По-видимому, звезды знают больше о силе тяготения, а также и об одиночестве, чем вы; ибо они — глаза желания.

Всячески избегайте приписывать себе статус жертвы. Из всех частей тела наиболее бдительно следите за вашим указательным пальцем, ибо он жаждет обличать. Указующий перст есть признак жертвы — в противоположность поднятым в знаке Victoria среднему и указательному пальцам, он является синонимом капитуляции. Каким бы отвратительным ни было ваше положение, старайтесь не винить в этом внешние силы: историю, государство, начальство, расу, родителей, фазу луны, детство, несвоевременную высадку на горшок и т. д. Меню обширное и скучное, и сами его обширность и скука достаточно оскорбительны, чтобы восстановить разум против пользования им. В момент, когда вы возлагаете вину на что-то, вы подрываете собственную решимость что-нибудь изменить; можно даже утверждать, что жаждущий обличения перст мечется так неистово, потому что эта решимость не была достаточно твердой. В конце концов, статус жертвы не лишен своей привлекательности. Он вызывает сочувствие, наделяет отличием, и целые страны и континенты нежатся в сумраке ментальных скидок, преподносимых как сознание жертвы. Существует целая культура жертвы, простирающаяся от личных адвокатов до международных займов. Невзирая на заявленную цель этой системы, чистый результат ее деятельности — заведомое снижение ожиданий, когда жалкое преимущество воспринимается или провозглашается крупным достижением. Конечно, это терапевтично и, учитывая скудость мировых ресурсов, возможно, даже гигиенично, так что за неимением лучшего материала можно удовлетвориться таким — но старайтесь этому сопротивляться. Какой бы исчерпывающей и неопровержимой ни была очевидность вашего проигрыша, отрицайте его, покуда ваш рассудок при вас, покуда ваши губы могут произносить «нет».

Вообще, старайтесь уважать жизнь не только за ее прелести, но и за ее трудности. Они составляют часть игры, и хорошо в них то, что они не являются обманом. Всякий раз, когда вы в отчаянии или на грани отчаяния, когда у вас неприятности или затруднения, помните: это жизнь

говорит с вами на единственном хорошо ей известном языке. Иными словами, старайтесь быть немного мазохистами: без привкуса мазохизма смысл жизни неполон. Если это вам как-то поможет, старайтесь помнить, что человеческое достоинство — понятие абсолютное, а не разменное; что оно несовместимо с особыми просьбами, что оно держится на отрицании очевидного. Если вы найдете этот довод несколько опрометчивым, подумайте, по крайней мере, что, считая себя жертвой, вы лишь увеличиваете вакуум безответственности, который так любят заполнять демоны и демагоги, ибо парализованная воля — не радость для ангелов.

Мир, в который вы собираетесь вступить, не имеет хорошей репутации. Он лучше с географической, нежели с исторической точки зрения; он все еще гораздо привлекательней визуально, нежели социально. Это не милое местечко, как вы вскоре обнаружите, и я сомневаюсь, что оно станет намного приятнее к тому времени, когда вы его покинете. Однако это единственный мир, имеющийся в наличии: альтернативы не существует, а если бы она и существовала, то нет гарантии, что она была бы намного лучше этой. Там, снаружи — джунгли, а также пустыня, скользкий склон, болото и т. д. — буквально — но, что хуже, и метафорически. Однако, как сказал Роберт Фрост: «Лучший выход — всегда насквозь». И еще он сказал, правда, в другом стихотворении, что «жить в обществе значит прощать».

Несколькими замечаниями как раз об этом деле прохождения насквозь я хотел бы закончить. Старайтесь не обращать внимания на тех, кто попытается сделать вашу жизнь несчастной. Таких будет много — как в официальной должности, так и самоназначенных. Терпите их, если вы не можете их избежать, но как только вы избавитесь от них, забудьте о них немедленно. Прежде всего, старайтесь не рассказывать историй о несправедливом обращении, которое вы от них претерпели; избегайте этого, сколь бы сочувственной ни была ваша аудитория. Рассказни такого рода продлевают существование ваших противников: весьма вероятно, они рассчитывают на то, что вы словоохотливы и сообщите о вашем опыте другим. Сам по себе ни один индивидуум не стоит упражнения в несправедливости (или даже в справедливости). Отношение один к одному не оправдывает усилия: ценно только эхо. Это главный принцип любого притеснителя, спонсируется ли он государством, или руководствуется собственным я. Поэтому гоните или глушите эхо, не позволяйте событию, каким бы неприятным или значительным оно ни было, занимать больше времени, чем ему потребовалось, чтобы произойти. То, что делают ваши неприятели, приобретает свое значение или важность оттого, как вы на это реагируете. Поэтому промчитесь сквозь или мимо них, как если бы они были желтым, а не красным светом. Не задерживайтесь на них мысленно или вербально; не гордитесь тем, что вы простили или забыли их, — на худой конец, первым делом забудьте. Так вы избавите клетки вашего мозга от бесполезного возбуждения; так, возможно, вы даже можете спасти этих тупиц от самих себя, ибо перспектива быть забытым короче перспективы быть прощенным. Переключите канал: вы не можете прекратить вещание этой сети, но в ваших силах, по крайней мере, уменьшить ее рейтинг.

Это решение вряд ли понравится ангелам, но оно непременно нанесет удар по демонам, а в данный момент это самое важное....»

Иосиф Александрович Бродский

русский поэт, прозаик, эссеист, переводчик.

Родился в Ленинграде 24 мая 1940 года. Не был принят на родине в России. В 1972 году уехал за границу, жил в Европе, потом переехал в США, где начал работать в должности приглашенного профессора на кафедре славистики Мичиганского университета в городе Энн-Арбор: преподавал историю русской литературы, русской поэзии XX века, теорию стиха. С 1979 г. Иосиф Бродский - член Американской академии искусств и литературы. В 1987 г. Бродский стал лауреатом Нобелевской премии по литературе. Он получил широкое признание в научных и литературных кругах США и Великобритании, был удостоен Ордена Почетного легиона во Франции, являлся лауреатом стипендии Макартура, в 1987 г. стал лауреатом Национальной премии поэзии США, а в марте 1955 - престижной литературной премии Италии "Золотой флорин". Являлся Почетным доктором Силезского университета (1993, Польша). В 1995 г. Бродскому было присвоено звание Почетного гражданина Санкт-Петербурга. Иосиф Бродский умер 28 января 1996 г. в Нью-Йорке.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Замостьянов</i>	Что вы знаете о букваре Василия Бурцова	9
<i>И.Костенко</i>	Почему в Израиле учатся по старым советским учебникам	12
<i>А. Неклесса</i>	Неопознанная культура	18
<i>Г. Померанц</i>	К незримому кругу гармонии...	37
<i>Г. Померанц</i>	Религия и культура в становлении личности и культурного круга	39
<i>А. Архангельский</i>	Между гарантией и шансом	42
<i>А. Архангельский</i>	Мир управляется не одними только интересами	45
<i>Д. Дондурей</i>	О так называемых российских культурных матрицах	49
<i>С. Эрлих</i>	Число зверя. Эничность как человеческая форма животного состояния	56
<i>П. Лунгин</i>	Культура снимает с людей скафандры одиночества	65
<i>М.Соколов</i>	Культурный капитал	68

Что вы знаете о букваре Василия Бурцова?

Арсений Замостьянов

20 августа 1634 года вышел в свет букварь Василия Бурцова – книга-эпоха!

В XX веке Россию будут называть литературоцентричной цивилизацией – и не без оснований. А всему начало – первый массовый букварь, изданный на Московском печатном дворе. XXI век пристрастился к рейтингам – так подбросим масла в огонь: для века XVII то была книга номер один на Руси.



Это случилось во времена царя Михаила Фёдоровича – первого Романова, 380 лет назад. Отметим, что в истории русского просвещения – как церковного, так и светского, а также в истории искусств и ремёсел ключевую роль сыграло сотрудничество разделённых феодальными границами восточнославянских народов с древнерусскими корнями.

Иван Фёдоров трудился во Львове, архимандрит Игнатий и Симеон Полоцкий родились в Великом княжестве Литовском, а как выглядела бы наша история без Киево-Могилянской академии? Это прописные истины,

но в последнее время всех нас – в России, на Украине, в Белоруссии – пытаются отучить от ощущения братства, единства. Многим это выгодно, только не нам.

Василий Фёдорович Бурцов (Бурцев)-Протопопов – увы, полузабытый наш просветитель. Многому он научился у белорусского печатника Спиридона Соболя, который был надёжным помощником, а во многом – и наставником Василия Фёдоровича. Правда, в самом конце 1630-х двух печатников поссорили – дело закончилось тем, что Бурцов обвинил Соболя в приверженности унии.

Спиридона Мироновича задержали на границе, в Вязьме, и не пустили на территорию Московского государства. Пришлось ему возвращаться в Речь Посполиту. Могилёвский печатник принял постриг в Киево-Печерской лавре, а младший сын Спиридона Мироновича Соболя стал почтенным толмачом в Москве. Этот сюжет мы напомним, чтобы засвидетельствовать: история – это не сплошь кружевное сусальное золото. При ближайшем рассмотрении любая ситуация высвечивает слабость человеческую. Игры честолюбия, интриги, распри.

В 1630-е годы Русь Московская всё ещё залечивала раны смутного времени. Восстанавливалась система власти, в которой Церковь занимала доминирующее положение – в особенности в краях, отдалённых от столицы. Это продлится недолго – примерно вплоть до раскола и низвержения патриарха Никона.

Талантливым, вдумчивым администратором показал себя патриарх Филарет – далеко не идеальный предстоятель Церкви, но незаурядный государственный деятель. Патриарх Филарет действительно поддерживал книгопечатание, и таких просветителей, как Бурцов, ценил на вес золота. Руси тогда отчаянно не хватало и благородного металла, и грамотных печатников.

Патриарх (которого неспроста называли Великим Государем – как монарха) умер за год до выхода в свет бурцовского Букваря. В это время Василий Фёдорович руководил строительством здания для новой типографии, работы вели на средства Патриаршего разрядного приказа. Преемник

Филарета, святейший патриарх Иоасаф I в Бурцево не сомневался, не препятствовал его инициативам.

В 1634-м на реке Поляновке в селе Семлёве русские и польские вельможи заключили вечный мир, прервавший затянувшееся, изнурительное противостояние славянских народов и двухлетнюю кровопролитную Смоленскую войну. В том же году в Пыскоре, что в Пермском крае, открыли первый казённый медеплавильный завод – это ещё одно начинание патриарха Филарета, плодов которого он не увидел. Русь пыталась преодолеть индустриальное отставание. Издание букваря (а затем – и Псалтири, и Часовников) – событие одного ряда с подписанием мира после не слишком удачной войны, с основанием промышленности.

Букварь Бурцова стал «вратами учёности» для многих русских людей того времени ещё и потому, что сработан был с любовью. Бурцов знал толк в малоформатных книжках, которые удобно и читать, и хранить. Поневоле залюбуешься цветными буквами и знаками, изысканными, продуманными шрифтами.

Именно бурцовская книга приучила к самому понятию «букварь» – как к спутнику начального образования. Бурцовский букварь – это и азбука (буква за буквой), и книга для чтения, своеобразная хрестоматия. Там публиковались молитвы, притчи, наставления – всё в авторской обработке. Во втором издании появилось даже «Сказание о письменах» черноризца Храбра – основа основ славянской письменности, свидетельство о подвиге Кирилла, создателя азбуки.

Для многих эта книга оставалась единственной на всю жизнь – и тут, конечно, умиляться нечему. Но просветитель пытался создать у читателя целостную картину словесного мира, показать, для чего нужна грамотность. Имелось в виду не просто вы зубривание букв и слогов, а инструмент для постижения мудрости, а главное – для постижения Священного Писания. «Начальное учение человека, хотящим разумети Божественного писания» – гласил заголовок.

Букварь Бурцова

Долгое время считалось, что Василий Фёдорович был лишь талантливым резчиком и организатором работы, отвечавшим за техническую сторону дела, а «справщиками» – редакторами и авторами – были другие. С ним и впрямь сотрудничали литературно одарённые монахи, но и сам книгопечатник писательствовал. Бурцов – одарённый литератор, открывший для многих красоту русского слова. Букварь начинается со стихотворного обращения к читателям – прежде всего, к самым молодым, постигающим науки. Печатник не афишировал своего авторства, но, скорее всего, он и сочинил эти стихи:



Сия зримая малая книжица,
По реченному алфавитица
Напечатана бысть по царскому велению
Вам, младым детям, к научению.
Ты же, благоумное отроча, сему внимай,
От нижния степени на вышнюю восступай
И не леностне и не нерадиве учися,
И дидаскала своего всегда блюдиися,
И не сопротивляйся ему в добрых ни в чем,
Найпаче преклони ему выю во всем.
Потом научишия от него Божественному Писанию
И все людие воздвигатся твоему к нему повиновению.
И тако достигнеша мудрых совета
И будеша истинный сын света.
Ничто же убо вящи Божественного повеления,

Также ничто же дражае добрастного учения.
 Паче же сего словесней наши души
 Ты же, малый отроче, крепко сему внуши.
 К мягкому воску чисто печать воображается,
 Тако же учение во младости крепце вкореняется.
 Сего ради во младых ногтех учению прилежи
 И всякое детское мудрование от себя отложи.
 Аще научиши себя во младости,
 То будет ти покой и честь во старости.
 И тако хвалим будешь ти от всех,
 Да и будут словеса твои аки мед во устех.
 И тем Творца своего и Бога воспрославивши
 И душу свою честну пред Ним предпоставивши.

Первое русское стихотворение, появившееся в печати – не шутка. В этих складных строках – смысл бурцовского служения, его программа. Разумеется, он не отделял себя от Церкви (предположительно, Бурцов-Протопопов был сыном священника), хотя консерваторы глядели на его деятельность с опаской. Многие, как известно, вообще не признавали печатных книг, видели в них святотатство, отказ от благочестия.

Букварь предназначался не только для начального образования, там содержались по тем временам почти полные сведения по грамматике: склонения, спряжения, приёмы орфографии. Рядом со стихами Бурцов поместил гравюру «Училище»: отроки, сидя за столом жадно читают, а одного – нерадивого – учитель воспитывает розгой. Первая русская светская печатная иллюстрация!



Стоил букварь одну копейку – ни много ни мало.

В печатном дворе

Букварь снискал высокую оценку царя и патриарха. На волне успеха Бурцов внёс в казну определённую сумму – и получил право со своей типографией отделиться от Печатного двора. Его типография стала участной.

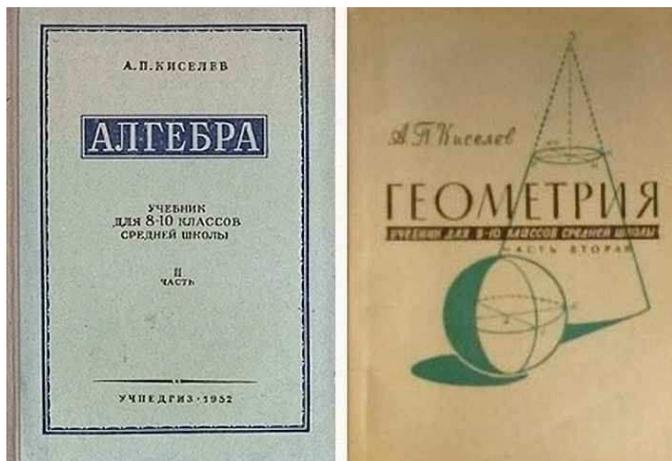
За восемь лет в типографии Бурцова вышло в свет более двадцати книг: по меркам тогдашнего Московского государства – целая библиотека. Мастеру не хватало смирения: он любил указывать на изданиях свою фамилию, чем, конечно, нервировал противников. «Труды и тщания многогрешного Василия Федорова сына Бурцева и прочих сработников» – значится на «Букваре».

Всё закончилось после смерти патриарха Иоасафа I, который не был по духу строгим цензором. А вот его преемник – патриарх Иосиф – сразу принялся «мести по-новому». Противники Бурцова торжествовали. Печатник отошёл в тень, но его долго не могли превзойти. Нам неизвестна даже дата смерти просветителя (не говоря уж о дате рождения, к которой в те времена вообще относились невнимательно). А Букварь переиздавался многократно.

Московскому государству требовались грамотные подданные. Патриоты мечтали о появлении церковных книг на русском языке, подумывали и об издании сочинений по истории. А может быть, и о занимательных романах...

В XX веке Россию будут называть литературоцентричной цивилизацией – и не без оснований. А всему начало – первый массовый букварь, изданный на Московском печатном дворе.

Почему в Израиле учатся по старым советским учебникам?



В начале 30-х годов прошлого века лучшие в мире учебники по Математике «устаревшего» «дореволюционного» Киселёва, возвращенные социалистическим детям, мгновенно подняли качество знаний и оздоровили их психику. И только в 70-х годах иудеям удалось поменять «отличное» на «плохое».

Справка:

Принято считать, что известную реформу математики 1970-1978 гг. («реформа-70») придумал и осуществил академик А.Н. Колмогоров. Это заблуждение. А.Н. Колмогоров

был поставлен во главе реформы-70 уже на последнем этапе ее подготовки в 1967 г., за три года до ее начала. Его вклад сильно преувеличен, — он лишь конкретизировал известные реформаторские установки (теоретико-множественное наполнение, аксиоматика, обобщающие понятия, строгость и др.) тех лет. Ему предназначалась роль стать «крайним». Забыто, что всю подготовительную к реформе работу вел в течение более 20 лет неформальный коллектив единомышленников, образовавшийся еще в 1930-х гг., в 1950—1960-х гг. окрепший и расширившийся. Во главе коллектива в 1950-х гг. был поставлен академик А.И. Маркушевич, добросовестно, настойчиво и эффективно выполнявший программу, намеченную в 1930-х гг. математиками: Л.Г. Шнирельманом, Л.А. Люстерником, Г.М. Фихтенгольцем, П.С. Александровым, Н.Ф. Четверухиным, С.Л. Соболевым, А.Я. Хинчиным и др. [2. С. 55—84]. Как математики очень способные, они совершенно не знали школы, не имели опыта обучения детей, не знали детской психологии, и поэтому проблема повышения «уровня» математического образования казалась им простой, а методы преподавания, которые они предлагали, не вызывали сомнений. К тому же они были самоуверенны и пренебрежительно относились к предостережениям опытных педагогов.

«Я бы вернулся к Киселеву». Академик В. И. Арнольд

Призыв «вернуться к Киселеву» раздается вот уже 30 лет. Возник он сразу после реформы-70, изгнавшей из школы прекрасные учебники и запустившей процесс прогрессивной деградации образования. Почему не утихает этот призыв?

Кое-кто объясняет это «ностальгией» [1, с. 5]. Неуместность такого объяснения очевидна, если вспомнить, что первый, кто еще в 1980 г., по свежим следам реформы, призвал вернуться к опыту и учебникам русской школы, был академик Л. С. Понтрягин. Профессионально проанализировав новые учебники, он убедительно, на примерах объяснил, — почему это надо сделать [2, с. 99-112].

Потому что все новые учебники ориентированы на Науку, а точнее, на наукообразие и полностью игнорируют Ученика, психологию его восприятия, которую умели учитывать старые учебники. Именно «высокий теоретический уровень» современных учебников — коренная причина катастрофического падения качества обучения и знаний. Причина эта действует более тридцати лет, не позволяя хоть как-то исправить ситуацию.

Сегодня усваивают математику около 20% учащихся (геометрию — 1%) [3, с. 14], [4, с. 63]. В 40-х годах (сразу после войны!) полноценно усваивали все разделы математики 80% школьников, учившихся «по Киселеву» [3, с. 14]. Это ли не аргумент за его возвращение детям?

В 80-х годах призыв этот был проигнорирован министерством (М. А. Прокофьев) под предлогом, что «надо совершенствовать новые учебники». Сегодня мы видим, что 40 лет «совершенствования» плохих учебников так и не породили хорошего. И не могли породить.

Хороший учебник не «пишется» в один-два года по заказу министерства или для конкурса. Он не будет «написан» даже в десять лет. Он вырабатывается талантливым педагогом-практиком вместе с учащимися в течение всей педагогической жизни (а не профессором математики или академиком за письменным столом).

Педагогический талант редок, — гораздо реже собственно математического (хороших математиков тьма, авторов хороших учебников — единицы). Главное свойство педагогического таланта — способность сочувствия с учеником, которая позволяет правильно понять ход его мысли и причины затруднений. Только при этом субъективном условии могут быть найдены верные методические решения. И они должны быть еще проверены, скорректированы и доведены до результата долгим практическим опытом, — внимательными, педантичными наблюдениями за многочисленными ошибками учащихся, вдумчивым их анализом.

Именно так в течение более сорока лет (первое издание в 1884 г.) создавал свои замечательные, уникальные учебники учитель Воронежского реального училища А. П. Киселев. Его высшей целью было понимание предмета учащимися. И он знал, как эта цель достигается. Поэтому так легко было учиться по его книгам.

Свои педагогические принципы А. П. Киселев выразил очень кратко: «Автор... прежде всего ставил себе целью достигнуть трех качеств хорошего учебника: точности (!) в формулировке и установлении понятий, простоты (!) в рассуждениях и сжатости (!) в изложении» [5, с. 3].

Глубокая педагогическая значительность этих слов как-то теряется за их простотой. Но эти простые слова стоят тысяч современных диссертаций. Давайте задумаемся.

Современные авторы, следуя наказу А. Н. Колмогорова, стремятся «к более строгому (зачем? — И.К.) с логической стороны построению школьного курса математики» [6, с. 98]. Киселев заботился не о «строгости», а о точности (!) формулировок, которая обеспечивает их правильное понимание, адекватное науке. Точность — это соответствие смыслу. Пресловутая формальная «строгость» ведет к отдалению от смысла и, в конце концов, полностью уничтожает его.

Киселев даже не употребляет слова «логика» и говорит не о «логичных доказательствах», вроде бы неотъемлемо свойственных математике, а о «простых рассуждениях». В них, в этих «рассуждениях», разумеется, присутствует логика, но она занимает подчиненное положение и служит педагогической цели — понятности и убедительности (!) рассуждений для учащегося (а не для академика).

Наконец, сжатость. Обратите внимание, — не краткость, а сжатость! Как тонко чувствовал Андрей Петрович тайный смысл слов! Краткость предполагает сокращение, выбрасывание чего-то, может быть, и существенного. Сжатость — сжимание без потерь. Отсекается только лишнее, — отвлекающее, засоряющее, мешающее сосредоточению на смыслах. Цель краткости — уменьшение объема. Цель сжатости — чистота сути! Этот комплимент в адрес Киселева прозвучал на конференции «Математика и общество» (Дубна) в 2000 г.: «Какая чистота!»

Замечательный Воронежский математик Ю. В. Покорный, «болеющий школой», установил, что методическая архитектура учебников Киселева наиболее согласована с психолого-генетическими законами и формами развития юного интеллекта (Пиаже-Выготский), восходящими к Аристотелевой «лестнице форм души». «Там (в учебнике геометрии Киселева — И.К.), если кто помнит, изначально изложение нацелено на сенсо-моторное мышление (наложим, т.к. отрезки или углы равны, другой конец или другая сторона совпадают и т.д.).

Затем отработанные схемы действий, обеспечивающие начальную (по Выготскому и Пиаже) геометрическую интуицию, комбинациями приводят к возможности догадок (инсайту, ага-переживанию). При этом наращивается аргументация в форме силлогизмов. Аксиомы появляются лишь в конце планиметрии, после чего возможны более строгие дедуктивные рассуждения. Не зря в когдатонские времена именно геометрия по Киселеву прививала школьникам навыки формально-логических рассуждений. И делала это достаточно успешно» [7, с. 81-82].

Вот где еще одна тайна чудесной педагогической силы Киселева! Он не только психологически правильно подает каждую тему, но строит свои учебники (от младших классов к старшим) и выбирает методы соответственно возрастным формам мышления и возможностям понимания детей, неторопливо и основательно развивая их. Высший уровень педагогического мышления, недоступный современным дипломированным методистам и преуспевающим авторам учебников.

А теперь хочу поделиться одним личным впечатлением. Преподавая во втузе теорию вероятностей, я всегда испытывал дискомфорт при разъяснении студентам понятий и формул комбинаторики. Студенты не понимали выводов, путались в выборе формул сочетаний, размещений, перестановок. Долго не удавалось внести ясность, пока не осенила мысль обратиться за помощью к Киселеву, — я помнил, что в школе эти вопросы не вызывали никаких затруднений и даже были интересны. Сейчас этот раздел выброшен из программы средней школы, — таким путем Минпрос пытался решить созданную им самим проблему перегрузки.

Так вот, прочитав изложение Киселева, я был изумлен, когда нашел у него решение конкретной методической проблемы, которая долго не удавалась мне. Возникла волнующая связь времен и душ, — оказалось, что А. П. Киселев знал о моей проблеме, думал над ней и решил ее давным-давно! Решение состояло в умеренной конкретизации и психологически правильном построении фраз, когда они не только верно отражают суть, а учитывают ход мысли ученика и направляют ее. И надо было изрядно помучиться в многолетнем решении методической задачи, чтобы оценить искусство А. П. Киселева. Очень незаметное, очень тонкое и редкостное педагогическое искусство. Редкостное! Современным ученым педагогам и авторам коммерческих учебников следовало бы заняться исследованиями учебников учителя гимназии А. П. Киселева.

А. М. Абрамов (один из реформаторов-70, — он, по его признанию [8, с. 13], участвовал в написании «Геометрии» Колмогорова) честно признает, что только после многолетнего изучения и анализа учебников Киселева стал немного понимать скрытые педагогические «тайны» этих книг и «глубочайшую педагогическую культуру» их автора, учебники которого — «национальное достояние» (!) России [8, с. 12-13].

И не только России, — в школах Израиля все это время без комплексов пользуются учебниками Киселева. Этот факт подтверждает директор Пушкинского Дома академик Н. Скатов: «Сейчас все чаще специалисты утверждают, что, оказывается, учебник Щербы по русскому языку все-таки перекрывает все новейшие учебники, и, кажется, пока мы (?) бесшабашно (?) предавались математическим экспериментам, умные израильтяне обучали алгебре по нашему хрестоматийному Киселеву.» [9, с. 75]. {реформируют то они советскую школу для гоев а не для себя!}

У нас же все время придумываются препятствия. Главный аргумент: «Киселев устарел». Но что это значит?

В науке термин «устарел» применяется к теориям, ошибочность или неполнота которых установлена их дальнейшим развитием. Что же «устарело» у Киселева? Теорема Пифагора или что-то еще из содержания его учебников? Может быть, в эпоху быстродействующих калькуляторов устарели правила действий с числами, которых не знают многие современные выпускники школ (не умеют складывать дроби)?

Наш лучший современный математик, академик В. И. Арнольд почему-то не считает Киселева «устаревшим». Очевидно, в его учебниках нет ничего не верного, не научного в современном смысле. Но есть та высочайшая педагогическая и методическая культура и добросовестность, которые утрачены нашей педагогикой и до которой нам никогда больше не дотянуться. Никогда!

Термин «устарел» — всего лишь лукавый прием, характерный для модернизаторов всех времен. Прием, воздействующий на подсознание. Ничто подлинно ценное не устаревает, — оно вечно. И его не удастся «сбросить с парохода современности», как не удалось сбросить «устаревшего» Пушкина РАППовским модернизаторам русской культуры в 20-х годах. Никогда не устареет, не будет забыт и Киселев.

Другой аргумент: возвращение невозможно из-за изменения программы и слияния тригонометрии с геометрией [10, с. 5]. Довод не убедительный — программу можно еще раз изменить, а

тригонометрию разъединить с геометрией и, главное, с алгеброй. Более того, указанное «соединение» (как и соединение алгебры с анализом) является еще одной грубой ошибкой реформаторов-70, оно нарушает фундаментальное методическое правило — трудности разъединять, а не соединять.

Классическое обучение «по Киселеву» предполагало изучение тригонометрических функций и аппарата их преобразований в виде отдельной дисциплины в X классе, а в конце — приложение усвоенного к решению треугольников и к решению стереометрических задач. Последние темы были замечательно методически проработаны с помощью последовательности типовых задач. Стереометрическая задача «по геометрии с применением тригонометрии» была обязательным элементом выпускных экзаменов на аттестат зрелости. Учащиеся хорошо справлялись с этими задачами. А сегодня? Абитуриенты МГУ не могут решить простую планиметрическую задачу!

Наконец, еще один убийственный аргумент, — «у Киселева есть ошибки» (проф. Н. Х. Розов). Интересно, какие же? Оказывается, — пропуски логических шагов в доказательствах.

Но это же не ошибки, это сознательные, педагогически оправданные пропуски, облегчающие понимание. Это — классический методический принцип русской педагогики: «не следует стремиться сразу к строго логическому обоснованию того или иного математического факта. Для школы вполне приемлемы «логические скачки через интуицию», обеспечивающие необходимую доступность учебного материала» (из выступления видного методиста Д. Мордухай-Болтовского на Втором Всероссийском съезде преподавателей математики в 1913 г.).

Модернизаторы-70 заменили этот принцип антипедагогическим псевдонаучным принципом «строгого» изложения. Именно он уничтожил методику, породил непонимание и отвращение учащихся к математике. Приведу пример педагогических уродств, к которым ведет этот принцип.

Вспоминает старый новочеркасский учитель В. К. Совайленко. «25 августа 1977 г. проходило заседание УМСа МП СССР, на котором академик А. Н. Колмогоров анализировал учебники математики с 4-го по 10-й классы и рассмотрение каждого учебника заканчивал фразой: «После некоторой корректировки это будет прекрасный учебник, и если вы правильно понимаете этот вопрос, то вы одобрите этот учебник». Присутствовавший на заседании учитель из Казани с сожалением сказал рядом сидящим: «Это же надо, гений в математике — профан в педагогике. Он не понимает, что это не учебники, а уроды, и он их хвалит».

В прениях выступил московский учитель Вайцман: «я прочитаю из действующего учебника геометрии определение многогранника». Колмогоров, выслушав определение, сказал: «Верно, все верно!». Учитель ему ответил: «В научном отношении все верно, а в педагогическом — вопиющая безграмотность. Это определение напечатано жирным шрифтом, значит, для обязательного заучивания, и занимает полстраницы. Так разве суть школьной математики в том, чтобы миллионы школьников зубрили определения в полстраницы учебника? В то время, как у Киселева это определение дано для выпуклого многогранника и занимает менее двух строк. Это и научно, и педагогически грамотно.»

О том же говорили в своих выступлениях и другие учителя. Подводя итоги, А. Н. Колмогоров сказал: «К сожалению, как и прежде, продолжалось ненужное критиканство вместо делового разговора. Вы меня не поддержали. Но это не имеет значения, т. к. я договорился с министром Прокофьевым и он меня полностью поддерживает.» Данный факт изложен В. К. Совайленко в официальном письме в адрес ФЭС от 25.09.1994 г.

Еще один интересный пример профанации педагогики специалистами-математиками. Пример, неожиданно приоткрывший одну поистине «тайну» Киселевских книг. Лет десять назад присутствовал я на лекции крупного нашего математика. Лекция посвящалась школьной математике. В конце задал лектору вопрос, — как он относится к учебникам Киселева? Ответ: «Учебники хорошие, но они устарели». Ответ банален, но интересно было продолжение, — в качестве примера лектор нарисовал Киселевский чертеж к признаку параллельности двух плоскостей. На этом чертеже плоскости резко изгибались для того, чтобы пересечься. И я подумал: «Действительно, какой нелепый чертеж! Нарисовано то, чего быть не может!» И вдруг отчетливо вспомнил подлинный чертеж и даже его положение на странице (внизу-слева) в учебнике, по которому учился почти сорок лет назад. И почувствовал связанное с чертежом

ощущение мускульного напряжения, — будто пытаюсь насильственно соединить две непересекающиеся плоскости. Сама-собой возникла из памяти четкая формулировка: «Если две пересекающиеся прямые «одной плоскости параллельны -..», а вслед за ней и все короткое доказательство «от противного». Я был потрясен. Оказывается, Киселев запечатлел в моем сознании этот осмысленный математический факт навечно (!).

Наконец, пример непревзойденного искусства Киселева сравнительно с современными авторами. Держу в руках учебник для 9-го класса «Алгебра-9», изданный в 1990 году. Автор — Ю. Н. Макарычев и К0, и между прочим, именно учебники Макарычева, а также Виленкина, приводил в качестве примера «недоброкачественных, ... безграмотно выполненных» Л. С. Понтрягин [2, с. 106]. Первые страницы: §1. «Функция. Область определения и область значений функции».

В заголовке указана цель — разъяснить ученику три взаимосвязанных математических понятия. Как же решается эта педагогическая задача? Вначале даются формальные определения, потом множество разношерстных абстрактных примеров, затем множество хаотичных упражнений, не имеющих рациональной педагогической цели. Налицо перегрузка и абстрактность. Изложение занимает семь страниц. Форма изложения, когда начинают с невесть откуда взявшихся «строгих» определений и затем «иллюстрируют» их примерами, трафаретна для современных научных монографий и статей.

Сравним изложение той же темы А. П. Киселевым (Алгебра, ч. 2. М.: Учпедгиз. 1957). Методика обратная. Начинается тема с двух примеров — бытового и геометрического, эти примеры хорошо знакомы ученику. Примеры подаются так, что естественно приводят к понятиям переменной величины, аргумента и функции. После этого даются определения и еще 4 примера с очень краткими пояснениями, их цель — проверить понимание ученика, придать ему уверенности. Последние примеры тоже близки ученику, они взяты из геометрии и школьной физики. Изложение занимает две (!) страницы. Ни перегрузки, ни абстрактности! Пример «психологического изложения», по выражению Ф. Клейна.

Показательно сравнение объемов книг. Учебник Макарычева для 9 класса содержит 223 страницы (без учета исторических сведений и ответов). Учебник Киселева содержит 224 страницы, но рассчитан на три года обучения — для 8-10 классов. Объем увеличился в три раза!

Сегодня очередные реформаторы стремятся уменьшить перегрузку и «гуманизировать» обучение, якобы заботясь о здоровье школьников. Слова, слова... На самом же деле, вместо того, чтобы сделать математику понятной, они уничтожают ее основное содержание. Сначала, в 70-х гг. «подняли теоретический уровень», подорвав психику детей, а теперь «опускают» этот уровень примитивным методом выбрасывания «ненужных» разделов (логарифмы, геометрия и др.) и сокращением учебных часов [11, с. 39-44].

Подлинной гуманизацией было бы именно возвращение к Киселеву. Он сделал бы математику вновь понятной детям и любимой. И этому есть прецедент в нашей истории: в начале 30-х годов прошлого века «устаревший» «дореволюционный» Киселев, возвращенный «социалистическим» детям, мгновенно поднял качество знаний и оздоровил их психику. И, может быть, помог одержать победу в Великой войне.

Главным препятствием являются не аргументы, а кланы, контролирующие Федеральный комплект учебников и выгодно размножающие свою учебную продукцию. Такие деятели «народного просвещения», как недавний председатель ФЭС Г. В. Дорофеев, который поставил свое имя уже, наверное, на сотне учебных книг, выпущенных «Дрофой», Л. Г. Петерсон [12, с. 102-106], И. И. Аргинская, Е. П. Бененсон, А. В. Шевкин (см. сайт «www.shvkin.ru»), и пр., и пр. Оцените, к примеру, современный педагогический шедевр, нацеленный на «развитие» третьеклассника:

«Задача 329. Для определения значений трех сложных выражений учеником выполнены такие действия: $320-3$, $318+507$, $169-3$, $248:4$, $256+248$, $231-3$, $960-295$, $62+169$, $504:4$, $256+62$, $126+169$, $256+693$. 1. Выполни все указанные действия. 2. Восстанови сложные выражения, если одно из действий встречается в двух из них (??). 3. Предложи свое продолжение задания.» [13].

Но Киселев вернется! В разных городах уже есть учителя, которые работают «по Киселеву». Начиная издаваться его учебники. Возвращение незримо грядет! И вспоминаются слова: «Да здравствует солнце! Да скроется тьма!»

Литература

1. Математика (приложение к газете «Первое сентября»). 1999, №11.
2. Понтрягин Л. С. О математике и качестве ее преподавания // Коммунист. 1980, №14.
3. Учительская газета. 2001, №44.
4. Математика в школе. 2002, №2.
5. Орловский университет. 2002, №7.
6. На путях обновления школьного курса математики. М.; Просвещение, 1978.
7. Покорный Ю. В. Унижение математикой. Воронеж, 2006.
8. Учительская газета. 1994, №6.
9. Математика в школе. 2003, №2.
10. Математика в школе. 2000, №1.
11. Образование, которое мы можем потерять. М. 2002, с. 39-44.



В 1938 году Андрей Петрович Киселёв сказал:

Я счастлив, что дожил до дней, когда математика стала достоянием широчайших масс. Разве можно сравнить мизерные тиражи дореволюционного времени с нынешними. Да и не удивительно. Ведь сейчас учится вся страна. Я рад, что и на старости лет могу быть полезным своей великой Родине

Моргулис А. и Тростников В. «Законодатель школьной математики» // «Наука и жизнь» с.122

Учебники:

- «Систематический курс арифметики для средних учебных заведений» (1884)[12];
- «Элементарная алгебра» (1888)[13];
- «Элементарная геометрия» (1892—1893)[14];
- «Дополнительные статьи алгебры» — курс 7-го класса реальных училищ (1893);
- «Краткая арифметика для городских училищ» (1895);
- «Краткая алгебра для женских гимназий и духовных семинарий» (1896);
- «Элементарная физика для средних учебных заведений со многими упражнениями и задачами» (1902; выдержала 13 изданий)[5];
- «Физика» (две части) (1908);
- «Начала дифференциального и интегрального исчисления» (1908);
- «Начальное учение о производных для 7-го класса реальных училищ» (1911);
- «Графическое изображение некоторых функций, рассматриваемых в элементарной алгебре» (1911);
- «О таких вопросах элементарной геометрии, которые решаются обыкновенно с помощью пределов» (1916);
- «Краткая алгебра» (1917);
- «Краткая арифметика для городских уездных училищ» (1918);
- «Иррациональные числа, рассматриваемые как бесконечные непериодические дроби» (1923);
- «Элементы алгебры и анализа» (чч. 1—2, 1930—1931).

Источник: <http://www.portal-slovo.ru/impressionism/36366.php>

Статья печатается в журнале «Математическое образование» Костенко И. П.

НЕОПОЗНАННАЯ КУЛЬТУРА

ГНОСТИЧЕСКИЕ КОРНИ ПОСТСОВРЕМЕННОСТИ*

Александр Иванович Неклесса

председатель Комиссии по социокультурным проблемам глобализации при Президиуме Российской Академии наук (РАН). Профессор кафедры геоэкономики Академии геополитических проблем. Руководитель Группы ИНТЕЛПРОС, член Совета Школы РЕПНОЕ

*Tua res agitur***

*You've heard about clash of civilizations,
But what is the sound of one-civilization clash?*

Перейдя невидимый Рубикон, мы, наконец, вдохнули воздух нового века, вопрос лишь в масштабах перемен, а не в их наличии. Не думаю, однако, что суть происходящих на планете драматичных событий может быть исчерпывающе объяснена борьбой между хорошо известными идеологиями, религиями, цивилизациями; скорее, это столкновение с прорастающим сквозь плоть современного мира будущим, с непознанным пока Новым миром, противопоставившим себя уходящей в Лету культуре. На исторических подмостках кризису и нисхождению двухтысячелетней цивилизации, ее «немой борьбе» с безликими, неотчетливыми персонажами, противостоят попытка нового прочтения ее начал и одновременно – кристаллизация совсем иной системы ценностей.

Кризис культуры Большого Модерна назревал не один год и не одно десятилетие, весь XX век прошел под знаком поиска нового миропорядка. При этом, однако, триада социальных проектов века – коммунизм, фашизм, глобализм, – заменивших религиозные ереси и конфликты былых столетий, по мере своего развертывания проявляли внутреннюю ущербность, трансформируясь из утопий в антиутопии. Символом же конца современной цивилизации либо ее фундаментальной метаморфозы стали трагические события 11 сентября 2001 г. Социальная организация в ее нынешней версии, проявив перед лицом анонимной агрессии сначала впечатляющую беспомощность, а затем, предприняв гипертрофированную акцию возмездия, продемонстрировала неадекватность всего корпуса идеологем, институтов, систем управления и безопасности характеру возникающей реальности и исходящих от нее угроз. Мировой андеграунд, многоликий и многомерный, эффектный и неукротимый, постепенно стал влиятельным участником игр на глобальной шахматной доске. Системный терроризм – это своего рода стиль жизни, освобожденной от пут прежней культуры и морали; его субстрат – конгломерат фрустрированных, испытавших культурный шок персонажей и организационных компонентов прежнего мира, прямо и косвенно управляемых представителями новой культуры. Дальнейшее развитие данного феномена стимулирует применение широкого спектра репрессалий в международной практике и становление новой, нестационарной системы международных отношений.

Социальная механика Старого мира, реализовав проект создания на земле – пусть в ограниченном масштабе – «позолоченного века», потерпела, тем не менее, фиаско, оказавшись не в состоянии разрешить центральный вопрос: о человеческой свободе и ее горизонтах. И как результат – не смогла предложить обществу путь обеспечения безопасности, не превращающий членов этого общества в заложников той или иной тоталитарной тенденции. Дилемма свободы стала ключевой проблемой нового века: оказалось, что механизмы безопасности равно зависят как от технического совершенства инструментов и процедур, так и от мировоззрения активно действующей личности, от состояния человеческой психики и морали. Секуляризация общества и сознания, – расколдовав мир, – обернулась вместе с тем стерилизацией прежнего мироощущения, культурных начал христианской цивилизации. Ее логика с неизбежностью предопределяла легализацию иных кодов бытия, в том числе, заметно отличных от господствующей культуры по степени пассионарности и формам социальной активности. В итоге, вместо оптимистичного сценария благостного конца истории или пессимистичного – планетарного («горизонтального») столкновения цивилизаций, мы воочию наблюдаем смещение времен и «вертикальный» (диахронный) цивилизационный надлом, через трещину которого проглядывает новый мир, с иными законами социального бытия и собственной шкалой ценностей.

За пределом конца истории

*Ощущение возможной реальности
следует ставить выше ощущения реальных возможностей.*

Р. Музиль

Популярная граница нового миллениума – 2000 год, была задолго до ее пересечения окружена шлейфом эйфорических ожиданий, невнятных опасений, конспирологических пророчеств, эффектных и нередко фантазийных прогнозов. Равно как и не слишком уж хитрых, но порою остроумных коммерческих проектов, наиболее успешным из которых стала, пожалуй, «проблема 2000 года». К этой черте истории тянулись, по ней мерили многочисленные внятные и невнятные сценарии, сравнивали расчеты, строили планы. Как и в начале XX столетия рубеж эпох естественно и плавно сместился на год – общественная психея и магия круглых цифр оказались сильнее трезвых аргументов историков, и обогнувшая глобус красочная встреча миллениума прошла с той же упорной аберрацией математической логики, что и за век до этого. В конце концов, сроки исполняются людьми, подчас – не слишком прилежно.

Впрочем, при желании отсчет канунов можно было смело сдвигать еще дальше – вплоть до 1992 г., обладавшего собственной полновесной магией смыслов. Да и 1989 год, отпраздновавший сдвоенный юбилей – два столетия эры «свободы, равенства и братства», не прошел бесследно, поразив воображение современников категоричностью образа занавеса истории. На этом динамичном фоне официальный рубеж третьего тысячелетия – наступление года 2001-го (помеченного в свое время гениальным Стэнли Кубриком) – выглядело достаточно скромной и формальной вехой в ряду прожитых человечеством лет. И встреча его прошла, в целом, тихо и незаметно. Начало века, а заодно и новой эпохи было перенесено на осень.

С приметам исторической новизны мы соприкасаемся повсеместно и постоянно, причем обостренно ощущают это свойство времени уже не только жители постсоветского пространства. Кризис формулы цивилизации, мировоззренческая революция, социальная и экономическая реформация, поиск нового миропорядка, – все было содержанием ушедшего века, однако век новый не слишком медлил добавить к данному перечню свои специфические черты и нелепые сюрпризы.

Между тем, сталкиваясь с радикальностью происходящих на планете изменений, тем более с их динамичным горизонтом, невольно немеешь, ощущая скудость речи из-за отсутствия адекватных названий, ярлыков, определений для подспудно или взрывчато возникающей феноменологии. Потому, наверное, так плодились в последние десятилетия частицы «пост», «нео», «анти», фиксирующие новизну, но, в сущности, ничего не говорящие о ее характере. Даже привычный «джентльменский набор»: постиндустриальное и информационное общество, социальный постмодерн, конец истории, столкновение цивилизаций, новый мировой порядок, – напоминает сейчас скорее ярмарку тщеславия, чем пророческий дар.

В этом ряду, однако, существует понятие, которое, с каждым годом набирая очки, становилось все более многогранным, полифоничным, неоднозначным. Имя ему – *глобализация*. Лишь с недавних пор осознается различие между глобализацией как тенденцией, определяемой мощью цивилизации, ее способностью эффективно проецировать себя в планетарном масштабе, и глобализмом как определенным цивилизационным стандартом^[1], мировоззрением, имеющим свои темные стороны и порождающим собственную антитезу – антитоталитарный порыв, отстаивающий право на альтернативное прочтение будущего, – идеологию и движение антиглобализма. Общественное сознание, кажется, уяснило для себя реальность этого последнего мазка кисти века, уже балансируя на грани эпох.

Несмотря на суженный и частично окарикатуренный в СМИ образ, антиглобализм стремительно заполняет некий социальный и идеологический вакуум, доставшийся ему в наследство от прежних популяций антифашизма и антикоммунизма, хотя сам феномен вроде бы восходит на дрожжах многоликого левого движения. Правда, в новых пространствах прежние оппозиции ощутимо смещаются: в ряде акций последних лет, например, совместно участвовали такие непримиримые прежде враги, как анархисты и бритоголовые. Все же мегаломаничность и недружественность по отношению к человеку конструкций глобального капитализма чаще, скорее, ощущается (или прозревается), чем осознается и просчитывается, свидетельство тому – именно пестрый характер и состав этого карнавального движения протеста.

Интеллектуальный и политический круг детей Сиэтла представляют сегодня прославленный сокрушитель одного, отдельно взятого «Макдональдса» французский фермер Жозе Бове и его соотечественница-соратница Сьюзен Джордж, автор культового в данной среде романа-антиутопии «Рапорт Лугано»; словенский философ Славой Жижек и бельгиец Ноель Годен, зачинщик «торговой войны», а также создатель ее теоретического обоснования «Торт и наказание»; мексиканский партизан субкоманданте «Тата» Маркос, творец трактата о «Четвертой мировой войне», и знаменитый «шестидесятник» Режи Дебре... Из «симпатизантов» можно назвать экономистов Фредерика Джеймсона и лауреата нобелевской премии Джеймса Тобина, инициатора знаменитого «проекта Тобина», предлагающего обложить налогом все финансовые трансакции; писателя Габриеля Гарсиа Маркеса и кинорежиссера Оливера Стоуна; актрис Сьюзен Сарадон и Тим Роббинс. Основные организации современных антиглобалистов: «Глобальное движение людей» (400 филиалов), «Аттак», «Черный блок» («Антикапиталистический блок»), «Ябаста», хакерское движение «Хактивист», а также система электронного обмена информацией «Индимедиа».

Антиглобализм все же не совсем то, что предполагает его карнавальный образ, предстающий с экранов TV, со страниц газет и глянцевого журналов. Правда и в этом случае, после событий в Генуе в июле 2001 г. антиглобализм уже не воспринимался просто как хэппенинг, как праздничное действо анархистов и маргиналов, но, скорее, – как спонтанный, эмоциональный ответ части общества на культурный шок нового мира, на вызревание в нем определенных тенденций, ответ, в котором присутствует свое «второе дно». Тем более что на протяжении всего десятилетия, пусть менее зрелищно и громко, развивался правый антиглобализм, вершина айсберга которого представлена так называемой «милицией» (*militia, vigilantes*) в США и политическим усилением ультраправых консерваторов в Европе (наиболее яркий пример чему – Австрия). Да и первое, породившее традицию антиглобалистское действо осенью 1999 г. в Сиэтле, в значительной мере было организовано и спонсировано отнюдь не радикалами, а профсоюзными организациями Америки – традиционным оплотом консерватизма.

Влиятельная, хоть и оказавшаяся за рамкой фокуса СМИ, часть движения антиглобализма, – религиозные лидеры и организации, обостреннее других ощутившие глубины цивилизационного кризиса. О распространении в мире «культуры смерти», подрывающей основы цивилизации и грозящей обществу новым тоталитаризмом, предупреждал в конце прошлого века папа Иоанн Павел II. Выступая против ряда тревожных аспектов глобализации, ее «структурных корней» и кодов социальной несправедливости, понтифик заявлял: «Поскольку... глобализация руководствуется законами рынка в интересах наиболее могущественных, ее последствия могут быть только негативными. Таковы, к примеру, подход к экономике как к абсолютной ценности; безработица; упадок многих общественных служб; разрушение окружающей среды, природы; рост разрыва между бедными и богатыми; несправедливая конкуренция, ставящая бедные нации в положение еще большей униженности».^[2]

Идеология и практика глобального капитализма, особенно в его нынешней форме «вашингтонского консенсуса» неоднозначно воспринимается большинством лидеров Третьего мира, диапазон настойчивых критиков – от руководителей Ирана до премьер-министра Малайзии Махатхира. Помимо претензий на мировую гегемонию критикуются также результаты двадцатилетнего эксперимента по применению программ структурной адаптации и финансовой стабилизации, разработанных МВФ и Мировым банком. Широко пропагандировавшиеся в развивающихся странах, эти программы оказались в конечном счете более, чем двусмысленными, приведя к созданию устойчивого механизма форсированного изъятия природных ресурсов по низким ценам, в то время как доходы от экспорта шли не на внутреннее потребление, а на выплату неубывающего долга.

Однако параллельно с легальным протестом Третьего мира против гримас глобализма, на «диффузных пространствах» мирового андеграунда – архипелага Глубокого Юга и квази-Севера – процветает иной формат антиглобалистской риторики и энергичной, агрессивной практики. Исходящие из этой социальной бездны флюиды питают сейчас новое поколение антицивилизационных идеологов и террористических организаций, провоцирующих в свою очередь нарастающее применение репрессалий и легализацию обновленного, жесткого формата международных отношений.

В настоящее время ряд фактов и положений, связанных с привычным образом глобализации, не вызывавших ранее ни вопросов, ни возражений, начинает восприниматься явно по-иному, вызывая уже и серьезные вопросы, и не менее серьезные контрположения. Многозначный и многомерный в своем естестве антиглобализм – часть какого-то гораздо более широкого

феномена, мутант и пионер новой, непознанной культуры, его корни в «молодом, незнакомом» племени Нового мира – плеяде разнообразных сетевых организаций. Пионеры эклектичного племени напоминают пока неуклюжего ребенка, обучающегося ходить, однако эти дети могут стать культурными героями наступившего века, сражающимися с очередным обличьем гидры тоталитаризма. Либо сами обратиться в разновидность многоликого дракона, пожирающего цивилизацию и воцаряющегося затем в мире неоархаики. Пируэты монструозного глобализма и балансирующего на грани терроризма антиглобализма порой напоминают затейливые па «нанайских борцов», скрывающих под своими пестрыми одеждами некую темную тайну XXI в.; секрет губительный для современной цивилизации, шаг за шагом сходящей с исторической сцены в маргинальное небытие. Однако именно ощущение свежей крови и будущего мейнстрима привлекает сейчас в сетевую культуру самые разные силы, стремящиеся активно влиять на судьбу крикливого малыша.

Образ Нового мира, его социальный статус остаются, тем не менее, загадкой, которая, наподобие знаменитых чань-буддийских коанов, не имеет однозначного ответа. Как прочитывается история за пределами своего продекларированного конца? Глобализм, равно как и антиглобализм, демонстрируют подчас совершенно неожиданные конфигурации прежних сил и течений, объединяя, казалось бы, несоединимое и разводя близкое. Тайна этой причудливой геометрии подвижных берегов истории связана с какой-то иной, нежели привычная для нас, системой мировых координат. Вопрос остается открытым: что находится в фокусе инстинктивной, столь неровной, какофоничной реакции на реалии и эманации глобализма, что вообще скрывается под этим простым и звучным определением?

Постсовременная цивилизация

*При демократии власть – это влияние.
...Но в чистой форме такое влияние
может заключаться просто в тихом совете...*

Фредерик Форсайт

В наши дни разговор о постсовременной цивилизации (*postmodern civilization*) или же более общее и менее обязывающее обсуждение нового цивилизационного контекста могут оказаться как тривиальной данью духу перемен, так и чрезвычайно взрывчатой, революционной темой. Вся соль, по-видимому, в том, что понимать под этой формулировкой. Если расшифровать ее просто как очередное обновление христианской, все еще – по своим культурным основам – христианской цивилизации, то подобные процессы уже не раз и не два происходили на протяжении последних двух тысячелетий. Если же в это словосочетание вкладывать буквальный смысл появления на Земле признаков какой-то иной цивилизации, то мы, конечно, присутствуем при революционном и вполне драматичном явлении.

Мое понимание проблемы, меж тем, именно таково. Более того, речь, по-видимому, идет о зарождении новой цивилизации не только в том широком смысле, который был привнесен в данное понятие в конце XIX в. – как тема культурно-исторических типов обществ, что позволило, например, Арнольду Тойнби насчитать 22 цивилизации, – но и в русле гораздо более узкого, хотя и универсального словоупотребления этого термина, идущего от Мирабо. Правда, здесь мы вплотную приближаемся к парадоксу, неизбежно трансцендируя и переосмысливая прежнее значение термина, безнадежно запертое в триаде *дикость – варварство – цивилизация*, предполагая возможность некоего таинственного *четвертого состояния* общества.

С подобной реформированной точки зрения, всю историю, в конечном счете, можно свести к двум гигантским шагам. Один – возникновение и развитие рафинированных культур Древнего мира, причем как восточных, так и античных, всего того разнообразия, которое можно объединить понятием *традиционная цивилизация* (традиционная культура). И второй тип цивилизации – или группы, семейства цивилизаций, если все-таки рассматривать их как культурно-исторические типы, – это *христианская цивилизация* (культура Большого Модерна). Именно данная форма человеческого общежития пребывает сейчас в состоянии системного кризиса и трансмутации.

Христианская цивилизация развивалась, отвечая особому статусу человека, расширяя спектр его возможностей, создавая соответствующую среду действия. В то же время новое мироощущение, дух – оплодотворив прежнюю Ойкумену и впечатляюще трансформировав ее, затем не раз и не два срывались в долгий, затяжной кризис. В результате вектор развития цивилизации –

обретаемая человеком свобода – все чаще оказывался двусмысленной шкалой формального могущества. Кризис культуры, несовпадение траектории внутреннего мира человека с техническими возможностями и горизонтами развития предопределили разрыв социальной ткани, одновременно усилив предчувствие исторической метаморфозы.

Анализ глобальной трансформации составляет в настоящее время одно из основных направлений социогуманитарных наук, тем более что коррозия цивилизационного контекста грозит превратить мир в хаотизированный калейдоскоп, мятущийся в поисках нового порядка. Дело не только в открывающихся горизонтах и столкновении социальных моделей: надо ли особо отмечать, что с ростом мощи цивилизации повышается уровень и разнообразие сопутствующих ей рисков, а элементы высокоорганизованной системы особенно опасны в момент кризиса? При этом многообразная, порой слишком многообразная и турбулентная феноменология перемен, кажется, вполне способна растворить в массе ярких, но второстепенных деталей свое типологическое своеобразие. А оно, между тем, несомненно. В начале III миллениума мы видим присутствие на планете двух сопоставимых по своим возможностям смыслообразующих клише, двух кодов управления, их конкуренцию и симбиоз.

Одна система, привычная и явная, связана с публичной политикой и национально-государственным устройством. Ее можно было бы назвать политической, но лучше, наверное, определить как власть легитимную или административно-политическую, ибо любые системы управления глобального масштаба в конечном счете политические. И второй тип мирового управления – находящаяся в становлении, обезличенная транснациональная система разнообразных НПО и ТНК – которую по аналогии можно бы назвать экономической, но тут нужен какой-то семантический сдвиг, и мне привычнее слова экономистическая или геоэкономическая, поскольку мы имеем дело именно с системой управления и властью организаций, а не просто с хозяйственной деятельностью. То есть рассматриваем нечто, что содержит властные функции, далеко выходящие за рамки самых сложных производственных и рыночных связей, относясь к политической стороне жизни общества. Или же – есть еще и такое, значительное и масштабное по своему смыслу определение – «денежный строй».

Все это, однако, общая схема, внутри которой существуют специфические коллизии. К примеру, международные организации весьма неоднородны: коррозия национально-государственной системы захватывает также интернациональные бюрократические структуры, особенно первого, послевоенного, поколения, наподобие ООН и связанных с нею учреждений. Одновременно дает о себе знать сложный характер экономической среды, ее фактическая «двухрусность». Это уже гораздо менее отрефлексированная коллизия. В XX в. отчетливо проявилась тенденция к слиянию политических проблем с экономическими, стремление установить перманентный контроль над хозяйственной деятельностью, реализовав в этой сфере тот или иной грандиозный управленческий проект. Методы при этом существенно различались: от явных, грубых форм администрирования, свойственных социалистической и корпоративной моделям государственности, до гораздо более гибких форм косвенного управления, «институционального капитализма» – проклюнувшихся в административных амбициях международных институтов развития, в системах финансового контроля или в некоторых типологических особенностях деятельности ТНК. Так что, наряду с очевидным конфликтом прошлого столетия между «социализмом» и «капитализмом», развивался гораздо менее очевидный, но, пожалуй, более универсальный процесс подавления экономического многоголосья, компрометации экономического либерализма, введения в эту сферу разнообразных форм контроля и управления.

Выстраиваемый таким образом миропорядок обладает заметной жесткостью, представляя – вполне в русле просвещенческой парадигмы – скорее, *механизм*, чем *организм*. Между тем в реальном мире – и в экономике, и в политике – все более заметную роль играет альтернативная генерация организационных схем и методов управления – то, что может быть определено как «сетевая культура» (*net culture*). В новом веке ощутимо, подчас агрессивно, начинают действовать разнообразные неформальные, анонимные, но влиятельные центры силы и действия. Непубличная власть, хорошо владея сложными схемами полифункционального организационного и хозяйственного управления, постоянно наращивая изощренность и мощь привычных ей финансово-правовых кодов, проделала впечатляющую эволюцию от господства над материальными объектами к управлению объектами социальными (субъектами), сливаясь, таким образом, с более привычным контуром власти, причем чрезвычайного уровня компетенции. Сейчас уже кажется тривиальным фактом, что на определенном уровне власть экономическая и политическая сливаются.

В настоящее время дихотомия, расщепленность пронизывает всю социальную феноменологию – политическую, экономическую, правовую – подчеркивая тем самым ее транзитный характер. Мы можем без особых усилий составить обширный реестр близких по своему предмету, но различных по содержанию диад, связанных с жизнью современного человека, прямо указующих на соприсутствие в социальной ткани достаточно несхожих реальностей. Скажем, гражданское общество и общество массовое; демократия представительная и управляемая; либерализм, понимаемый как свобода и полнота прав личности, и неолиберализм, то есть универсальность ценностей рынка, акцентирующая функциональный аспект индивида (фактический субъект неолиберализма не личность, а предприятие); национальный суверенитет и складывающаяся на иных принципах транспарентная система международных связей и т.п. В экономике же проявился за последние десятилетия столь широкий спектр характерных новаций, объединяемых, например, понятием «новая экономика», что сложно даже пытаться их перечислить. Но к экономике мы еще вернемся.

Серьезные трансформационные процессы развиваются в сфере культуры, чьи непосредственные потенции, кажется, иссякают. Ее прежние плоды все чаще рассматриваются как особый интеллектуальный ресурс, своеобразное сырье для информационных и коммерческих проектов. Основное внимание при этом уделяется не трансценденции бытия, но аранжированию разнородного материала, стратегическая же цель видится не в познании смысла жизни, а в ее системной организации. Соответственно и усилия индивида также направлены не на обретение полноты личности, а на расширение пространства собственной актуализации. В результате культурное наследие человечества превращается в компоненты эклектичного трансформера *à la Lego*, текущие штудии – в бесконечную «игру в бисер» или массовую поп-культуру, и, как следствие, в мире распространяется феномен фрагментарного, «клипового» сознания. Так что читать толстые романы теперь не то, чтобы не модно, но порой становится «почти физически» затруднительно. Иначе говоря, происходит декомпозиция культуры с последующей экстенсивной эксплуатацией ее достижений (*элементов*), их произвольной реконструкцией и оптимизацией в соответствии с той или иной конкретной задачей, случается, противоположного свойства. К тому же создатель культурного объекта (или *продюсер*) нередко заранее учитывают маркетинговую стратегию, встраивая ее компоненты непосредственно в художественную ткань произведения. Последний, хотя может быть и не самый яркий, пример тому – две версии фильма «Перл-Харбор»: для мировой аудитории и отдельно, для японской, исходя из интересов проката.

Подобные изменения в социальной и культурной жизни можно, конечно же, объяснять усиливающейся прагматизацией бытия современного человека. Действительно, нередко приходится сталкиваться со следующей точкой зрения: долгое время в мире доминировали *ценности*, а сейчас начинают превалировать *интересы*, то есть происходит движение от сущности к видимости или, в конечном счете, простое уплощение привычной цивилизации. На первый взгляд дела обстоят именно таким образом. Однако можно ли всю феноменологию перемен объять подобной рационализацией? Пожалуй, нет, это было бы поверхностным прочтением ситуации: помимо очевидного упрощения и даже примитивизации ряда сторон жизни мы имеем дело с интенсивным процессом социального творчества, со сменой социальных и культурных ожиданий, с многообразным проявлением некоего энергичного и специфического мироощущения, оригинальным переосмыслением системы взаимоотношений в рамках триады «человек – мир – Бог».

Попробуем еще раз перечислить реалии современного мироустройства: феномен массового общества, неолиберализм, управляемая демократия, поствестфальская система международных отношений, унификация и транспарентность национальных правовых систем, элементы глобального управления, сетевые организации, финансовая экономика, виртуальная реальность... А также – ряд достаточно специфичных явлений, связанных с кодексом политкорректности: от феминизма, утверждения полноты прав сексуальных и любых других меньшинств, права на контроль над собственным телом (аборты, фетальная терапия, новые репродуктивные технологии, смена пола, генетические манипуляции, в перспективе – клонирование) до начавшейся легализации эвтаназии, легких наркотиков и т.п. В этом пестром собрании просматривается комплекс понятий, ломающий ровный горизонт идеалов христианской секуляризации. Комплекс, который базируется не на плоских интересах, а скорее на разветвленной, глубокой системе *других ценностей*, пусть неотчетливой, укрытой инерцией жизни и эклектикой повседневности.

Что же все это означает? Быть может, дело в том, что обретенная на пике христианской культуры универсальная свобода предопределила, в конце концов, наступление исторического момента

легализации иных кодов бытия. И то, что мы лицемерим сегодня, есть не что иное, как неизбежное смещение времен, смешение цивилизации и одичания (но это уже не прежняя цивилизация, как и не прежняя дикость), плавильный тигель действительно нового, синкретичного состояния общества – *альтернативной квазицивилизации*, где человеку будет дано распорядится своей свободой как никогда и одновременно испытать небывалое угнетение (тут, кстати, отчетливо видна двойственность понятия «произвол»). Складывается вообще парадоксальная на первый взгляд ситуация, когда дальнейшие материальные успехи человечества с точки зрения прежней логики истории постепенно лишаются смысла...

Вглядевшись же в этот калейдоскоп еще пристальней, мы начинаем различать, как сквозь расплывающийся фон привычных реалий проступает облик некой *неопознанной культуры*, и нам остается лишь распознавать ее, в том числе за сухими политическими и экономическими феноменами.

Правда, при этом возникают проблемы, – исследователи с некоторых пор в большинстве своем инстинктивно избегают делать широкие обобщения, а социальные явления предпочитают рассматривать в функциональном ключе, по возможности, отдельно от общих тем мировоззрения и культуры. В свою очередь короткий горизонт рефлексии, утрата вкуса к большим смыслам бытия (в немалой степени поддерживавшегося традицией богословия) приводит к тому, что действующие в недрах социума политические и экономические закономерности начинают восприниматься как самостоятельные универсалии, незыблемые в своих основах для всех культур и на все времена. А происходящие в обществе изменения – в качестве их прямых следствий, чуть ли не как механический результат этих процессов. Поэтому, чтобы увидеть и прочесть новый социальный текст, опознать его скрытую культурную традицию приходится отступать на шаг, вспоминая некоторые распространенные мнения и положения той поры, когда в обществе еще царила любовь к широким теоретическим обобщениям.

Но тут мне становится тесно в веберовской шинели. Макс Вебер, как слишком хорошо известно, затрагивая данную тему, уверенно говорил о протестантских корнях капитализма. Если мы внимательно прочтем строки его работ, то сможем сделать, пожалуй, лишь одно уточнение – речь идет не столько о протестантских корнях вообще, сколько о корнях кальвинистских (да еще о влиянии американских пуританских сект). Разница на первый взгляд никакая, но все же фиксирующая определенный вектор, позволяющий, следуя ему и приложив определенные усилия, отыскать неопознанное «второе дно» современного мира. Ибо феноменология социального постмодерна, по-видимому, есть реальный пунктир нового значимого контекста, претендующего на роль исторической альтернативы христианской цивилизации. Эта возводимая в недрах современного общества антропологическая и социальная конструкция имеет весьма глубокий, гораздо более древний, чем протестантизм, мировоззренческий фундамент, который принадлежит гностицизму. Соответственно, прорисовывающийся постхристианский универсум, чей контур с каждым годом становится все четче, может быть определен – с точки зрения его начал и постулатов – как *гностический*.

NOVUS ORDO

*С Богом можно встретится везде – даже в аду...
Есть только один род места, где встреча с Богом
заведомо невозможна по определению
– это место воображаемое.*

С.С. Аверинцев

Что есть гностицизм, его внутренняя картография применительно к данному кругу проблем, то есть к общественному мироустройству, экономической и политической практике, основам поведения человека в мире? Каким видится влияние идей и шире – присущего ему мироощущения – на начала культуры и практическую жизнь? Какова наиболее соответствующая его духу модель практики и социального универсума?

Отличительной чертой гностицизма является особый статус материального мира, как области несовершенного, случайного; как пространства «плохо сделанного» земного и человеческого космоса, для которых естественны произвол, инволюция и самоотчуждение. Бог обособляется

здесь от чуждого ему творения, трансформируясь по сути в аристотелев перводвижитель; миру же присущ тот же механицизм, что и у язычников, нет лишь страха и пиетета перед ним. Характерны также абсолютизация роли зла, презумпция отдаленности и неучастия «светлых сил» в земных делах при близости и активном соучастии в них «сил темных», а также вытекающий из данной прискорбной ситуации деятельный пессимизм.

Кроме того, гностицизму свойствен глубокий, порой онтологичный дуализм, который предопределил специфическую антропологию (к чему мы еще вернемся). Речь идет не о сложных кодах соединения разнородного, как скажем в дохалкидонской полемике о сочетании двух природ в Богочеловеке, но о двух породах людей, о двух жестко разделенных слоях в человечестве: высшем, и низшем – избранных и отверженных – являя собой радикальный, обостренный элитаризм. Другой «родовой признак» – эзотеризм, эволюция степеней посвящения и практика создания особых структур управления, скрытой власти, действующей параллельно власти официальной, но невидимой для нее; структур, применяемых и используемых также во вполне прагматичных целях. Еще одно немаловажное свойство – это, конечно же, специфическое, абстрактное, системное мышление, любовь к строительству бесконечных миров, числовых, нумерологических систем и т.п.

Иначе говоря, гностицизм серьезно подошел к проблеме зла, решив ее, однако, совершенно по-своему, через призму негативного восприятия вселенной и его умопомраченного творца. Пытаясь отыскать простое (*линейное*) и понятное (*рациональное*) решение этой тайны, adeпты учения усложняют по форме, но упрощают по сути и модель мира, и саму проблему, и ее решение, придавая им какой-то, скорее, механистичный, нежели метафизический привкус дурной бесконечности. И тем самым вольно или невольно творят представление о творце и творении редуцированном, жестком, неблагом. Я бы рискнул сказать, что гностицизм – своего рода «упрощенное христианство», что влечет, однако, совсем не простые следствия. Но как раз этой своей стороной данное мировоззрение наиболее близко современному человеку, развращенному потребительской логикой, эманациями поп-культуры и обожающему именно эффективные упрощения, для понимания которых достаточно поверхностного усилия разума. Особенно если есть возможность заменить реальное усилие души необременительными и бесконечными квазимистическими спекуляциями ума (имеющими к тому же, – как и всякое средство для повышения комфорта, в данном случае душевного, – коммерческую перспективу[3]). Искушение – это призрак головокружительных возможностей для людских слабостей; гностицизм же в своей основе есть действенная иллюзия и безнадежная попытка достижения истины и свободы без обретения любви.

Порой создается впечатление, что наиболее характерная черта данного мироощущения – присущая только ему удивительная смесь элитаризма и вульгарности (вполне, кстати, отражающая *Zeitgeist* современной эпохи уплощения цивилизации и освобождающейся дикости). Отклонение от начал реализма, свободы и любви обнаруживается в распространении парадоксального на первый взгляд сочетания спиритуализма и материализма, безликости и деспотизма, эгоцентризма и похоти. Двойственный же характер представления о тварном мире проявился в разделении людей на настоящих, обладающих гнозисом, что бы под этим не подразумевалось, и ненастоящих, имеющих лишь обличье человека, но являющихся, по существу, разумными животными. Гностический универсум, таким образом, делится на виртуальную сферу настоящих свойств (сакральный Север) и низкий, материальный мир поделок (десакрализованный Юг).

И, наконец, главное. Если мир и большинство его обитателей не вполне настоящие (*механические объекты*), то и действия в отношении них лишены реального груза моральной ответственности. Высшее состояние этой юдоли зла – «ночь творения», грядущий распад и аннигиляция, освобождающие избранные души от власти материи.

Наверное, нельзя не упомянуть также об одной слишком очевидной и потому неотчетливой черте гностицизма – о его тяге к христианству (особенно к наиболее напряженной и интенсивной форме последнего – исихазму), о его двойничестве-оборотничестве, соприсутствию с христианским космосом на одной территории «абсолютной религии» (которая выше религии), подчас в одних и тех же душах и умах. Гностицизм по-своему весьма близок христианству как основной, органичный его оппонент, «близнец»; в некоторых случаях различие кажется столь «узким», словно из сферы субстанции оно переходит в область акцентов. В Древнем мире гнозис вообще стал своеобразным провозвестником христианского века, зачинателем «осевого времени», будучи метафизически глубже и деятельнее язычества традиционных культур. Он свидетельствует о христианстве, как полноценная тень свидетельствует о светиле, он что-то *знает* о христианской

истине, но по слишком многим причинам предпочитает дать собственный ответ, в котором оказывается разъятой органичная триада свободы, любви и реализма. Гностик – это безумец, несчастливо соприкоснувшийся с отраженной истиной, став пленником ее зазеркалья.

Адепты «лжеименного» учения неизменно подменяют личное и жертвенное сочетание свободы и любви в реальном мире на соединение свободы и универсалистского, но безличного знания в мире иллюзий. Их бог – скорее маска, чем личность, ибо гностическим даром, «утешеньем» можно уверенно обладать и обогащаться, управляя словно аморфной силой, что подчас сближает гностицизм с магией. Различие двух ответов на тайну бытия проявляется также в отношении к несовершенствам жизни: гностицизм, копя в сердце нигилизм, отрицает жизнь и, тяготея к силе искусств, «изобретает несуществующее», в то время как христианство приходит в падший мир, чтобы попытаться его спасти.^[4] Проще говоря, гностицизм склонен уничтожать несовершенное, а не исцелять. Но оба они – и гностицизм, и христианство – пребывают в трансцендентности к обыденности, постоянно сталкиваются в метафизических пространствах и деятельных душах. Хотя, конечно же, земное пространство распространения гностицизма, универсалистский дух которого проклевывается еще в буддийском нигилизме и зороастрийском дуализме, не ограничено иудео-христианским миром.

Оставим все же за пределами нашего рассмотрения времена появления мандеев и ессеев, фрагменты учений Симона Мага и Саторнила, Василида и Валентина, офитов и каинитов, сифиан и архонтиков и даже столь важные для избранной темы фигуры как Маркион и Мани. А также весь пестрый калейдоскоп околумусульманской мистики и иудейской каббалистики, имевших, пожалуй, большие возможности для полулегального существования в космосе средневековой Европы, образуя подчас симбиотические конструкции с привычными структурами повседневности. Если же попытаться сжать время и выделить какую-то отправную точку для дискурса, момент, когда многовековой подспудный процесс выходит наружу и значимо социализируется, я бы выбрал, пожалуй, предыдущий перелом тысячелетий, точнее говоря, первые века второго миллениума христианской эры.

Тогда, после тектонического раскола универсального пространства спасения в XI-XII вв., на волне массового перемещения людей и ценностей в ходе крестовых походов, в Европе так же, как и сейчас, велись разговоры о новом мировом порядке, даже словосочетание употреблялось то же: *Novus Ordo*.^[5] В XIII в. стало явственно истощение прежнего духовного порыва и ожиданий, связанных с половодьем движения крестоносцев, сопровождавшегося, кстати, также обратной волной культурной экспансии, культурной диффузией, привнесением в европейский круг «восточного наследства». То же относится и к Реконките и к обретению Западной Европой в начале XIII в. «наследства византийского». В этот период, наряду с утверждением в качестве центрального субъекта исторического действия *христианского мира*, цивилизации универсалистской и прозелитической, к древу истории прививается иной побег, произраставший из зерен антропоцентризма протозорождения и гностических ересей. Эта ветвь, разросшись и укрепившись, произвела со временем мутацию могучего европейского организма, породив современный нам *экономистичный универсум*.

В дальнейшем амальгама западноевропейского ума, эффективно соединила стремление к ясности и демифологизации мира с механицизмом его формального прочтения, что проявилось, в частности, в новом дискурсивном пространстве схоластики, а затем в феномене естественнонаучного мышления, развитии технических, социальных и гуманитарных дисциплин, породив характерные для современной цивилизации феномены и предопределив ее энергичную экспансию.

Но что же такое «новый порядок» в социально-политических реалиях того переходного времени? Это фактический распад прежней, импероцентричной государственной системы и своеобразная «приватизация власти», что нашло выражение в феномене кастелянства; затем – аграрная революция, сопровождавшаяся устойчивым демографическим ростом, а чуть позже – взрыв урбанистический. Начиналась эпоха географических открытий, усиливались миграция, колониальная экспансия, менялись торговые и финансовые схемы и т.п. В сущности, уже тогда возникают первые сполохи зари Реформации, происходит пассионарный толчок, направленный, в том числе, против эксцессов и духовного оскудения Рима, складывается новая, динамичная социальная общность.

Распад прежнего мироустройства привел позже к формированию системы суверенных национальных государств, в которых закат идеала *христианского народа* и его *единого царства* выразился в альтернативном чувстве земного патриотизма. Впоследствии идеалы вселенской социальной общности в практическом плане рассматривались уже в новой системе

координат: сначала как движение к «союзу наций», а затем – как преодоление национальной власти и государственной суверенности на пути к миру, реально управляемому иной универсалией – союзом «международного права и свободной экономики».

Кстати говоря, *Novus Ordo* переводится не только как «новый порядок», но и как «новое сословие» (сословие и порядок одно и то же слово на многозначной латыни). Проблема эта столь глубока и многомерна, что осознавалась и схоластически осмысливалась уже в период великого перелома первых веков II тысячелетия, иначе говоря, у самых истоков современной фазы западной цивилизации. Мы хорошо знакомы со стереотипом трех сословий, но гораздо хуже осведомлены о полемике вокруг сословия четвертого. А такая полемика велась, к тому же не один век. В концепции «четвертого сословия» проявилась сама квинтэссенция нового, динамичного состояния мира, смены, ломки мировоззрения человека Средневековья. Контур нового класса, равно как и изменившегося статуса мира проступал в дерзких исканиях мысли, в нетрадиционных торговых схемах, в пересечении всех и всяческих норм и границ, географических и нравственных, в области идеологии и практики. Диапазон его представителей – от ростовщиков и купцов до фокусников и алхимиков. Так, в немецкой поэме XII в. утверждалось, что «четвертое сословие» – это класс ростовщиков (*Wucher*), который управляет тремя остальными. А в английской проповеди XIV в. провозглашалось, что Бог создал клириков, дворян и крестьян, дьявол же – бюргеров и ростовщиков.

Здесь мы вплотную подходим к загадке капитализма. В этой области обитает много химер и мифологем. Капитализм – не просто форма эффективной хозяйственной деятельности, естественным образом возникающая в лоне рыночной экономики. В определенном смысле – это выход за пределы экономики, психологический и социальный прорыв, недоступный человеку традиционной культуры (язычнику). От рынка капитализм, впрочем, отличается не столько объектом деятельности, сколько ее масштаб и цели. Это не рынок *per se*, но его особая организация. Фернан Бродель, описывая это непростое явление, назвал его «противорынком», поскольку его суть «в явно другой деятельности», «в неэквивалентных обменах, в которых конкуренция, являющаяся основным законом так называемой рыночной экономики, не занимает подходящего места». Арнольд Тойнби выразился еще резче: «Я полагаю, что во всех странах, где максимальная частная прибыль выступает как мотив производства, частнопредпринимательская система перестанет функционировать. Когда это случится, социализм в конечном итоге будет навязан диктаторским режимом».

Загадка капитализма

*Правление народа, посредством народа и для народа
не должно исчезнуть с лица земли*

Авраам Линкольн

Субстанция капитализма – это, по сути, энергичная социальная стратегия, целостная идеология и одновременно далеко идущая схема специфического мироустройства, уже упомянутого выше *денежного строя*, субстанцией которого является не само производство или торговые операции, но операции системные, направленные на контроль над рынком и имеющие целью перманентное извлечение системной прибыли (устойчивой сверхприбыли).^[6] Капитализм обретает универсальную власть главным образом не через административные, национальные структуры, а посредством хозяйственных, интернациональных механизмов. Такая власть по самой своей природе не ограничена государственной границей и распространяется далеко за ее пределы, рассматривая всю доступную Ойкумену как единое пространство для своей деятельности, единую метасистему. В конечном счете, параллельно проекту создания на земле универсального пространства спасения *Universum Christianum* этот мир-двойник создает собственный амбициозный глобальный проект – построения вселенского *Pax Oeconomica*.

Питательная среда капитализма, его магнитное поле и силовые линии складываются в контексте финансовых схем и трофейной экономики крестовых походов, преимущественно в приморских ареалах Европы (исключение – сухопутный порт ярмарок в Шампани). Его родовые гнезда – это, прежде всего, Север Италии: Ломбардия, Тоскана, Венеция, Генуя; а также побережье Северного моря: города Ганзейского союза, Антверпен, позже – Амстердам. Духовным же источником капитализма стали, по-видимому, «разноконфессиональные», но единые в своей основе гностические ереси (как ветви некой параллельной христианству, полифоничной «абсолютной религии»), уже тогда прямо и косвенно оплодотворившие семена будущего бунта Реформации

против Рима. В этот период секты и ереси активно распространяются в европейском регионе: от павликиан и богомилов к патаренам и альбигойской ереси, то есть к общинам катаров и вальденсов. Это также тамплиеры, активно занимавшиеся финансовой деятельностью, сама система организации которых является впечатляющим прообразом будущих ТНБ, ТНК и виртуальных сообществ-«государств».

Особенно интересны для нас в данном контексте вальденсы, определение которых различными авторами разнится от «еретической секты манихейского толка» до «дореформационной протестантской конфессии», но, возможно, тут и нет никакого противоречия. В годы гонений, последовавших за альбигойскими войнами, вальденсы разделились, причем наиболее радикальная их часть, отказавшаяся принести покаяние, переселяется в германоязычные страны, в Нидерланды, Богемию, Пьемонт, в Западные и Южные Альпы, где, по некоторым сведениям, уже существовали общины, ушедшие от «государственного христианства» еще в IV веке. Здесь в труднодоступной местности, в суровых условиях борьбы за выживание формируется «дух протестантизма», отмеченный особым отношением к труду, личным аскетизмом, самоотречением, честностью и скрупулезностью, корпоративизмом, экономией, строгостью нравов. Развивается также институт «тайного прозелитизма», охвативший со временем едва ли не всю Европу, вплоть до Скандинавии и Тартарии-Руси. Бывшие «лионские бедняки» активно внедряются при этом в оптовую и розничную торговлю, что позволяет им свободно перемещаться и устанавливать множественные связи. Контакты с вальденсами приписываются практически всем значимым фигурам «дореформационного протестантизма»: от Джона Уиклифа до Яна Гуса...

Изгнанные из легального мира, вынужденные жить в нем «в масках», общаться между собой непрямой образ сектанты вскоре обнаружили, что именно вследствие данных обстоятельств обладают серьезными конкурентными преимуществами и великолепно подготовлены для «системных операций»; иначе говоря, владеют готовым механизмом для успешной реализации сговора и контроля над той или иной ситуацией, для разработки и проведения в жизнь сложных, многоступенчатых проектов, крупных (суммарных, коллективных) капиталовложений, доверительных соглашений, требующих долгого оборота средств и одновременного, деятельного соприсутствия в разных точках земли и т.п. То есть для формирования и деятельности структур энергичного *private market* в рамках гораздо более аморфного *public market*. Эффективность подобного механизма была впоследствии подтверждена сохранением и даже развитием его рудиментов и модификаций, а также появлением различных его аналогов уже во времена торжества секулярного общества, когда прежние причины для этих форм поведения перестали существовать.

В XIV и XV вв. происходит разделение ересей в социальном отношении. Во-первых, плебейские ереси («народные религии») – эдакий крестьянский *New Age* с хилиастическими ожиданиями и социалистической перспективой – получившие собственную историческую реализацию, в том числе и в XX в. И, во-вторых, – ереси бюргерские («городские», «буржуазные»), ставшие закваской радикальной трансформации западноевропейского мира, равно как и ереси «университетские» или «интеллектуальные». Вся же гамма данного спектра, его *системная реализация* проявилась к концу второго тысячелетия в таких на первый взгляд различных политических и идеологических конструкциях как коммунизм, нацизм, глобализм (странным образом напоминая о знаменитых трех искушениях[7]). Однако и по сей день разрозненные фрагменты мозаики уверенно контролируемого мира все еще не сошлись воедино.

В XVI в. «буржуазная религия» окончательно выходит на поверхность в феномене Реформации, этой – по выражению того времени – «второй схизмы» христианской Ойкумены[8]. Реформация по-своему легитимизирует ряд еретических течений, включая их в западно-христианский круг, образуя с ними специфический симбиоз в форме скрытого синкретизма протестантских сект. «Когда-то Евангелие вызвало к жизни новую человеческую расу, – писал Эразм Роттердамский. – О том, что зарождается сейчас, я бы предпочел умолчать». В этом контексте для нас особенно интересен генезис гугенотов и кальвинизма. Не менее плодотворным является анализ зарождения и истории тайных обществ (а также тайных торговых и финансовых соглашений) эпохи Нового времени, чье мировоззрение и практика прямо противопоставляется вполне определенному «вероучению толпы».

В результате серьезно меняются принципы взаимодействия человека с материальным миром, утверждается новый тип мироощущения. Важнейшей оказывается такая характерная черта кальвинизма, и в той или иной степени протестантизма в целом, как «деятельный фатализм», рассматривающий земное богатство как доказательство призвания, а успех как признак харизмы. (Ранее в средневековой Европе доминировала совершенно иная логика: при обязательности труда

принципиальное противопоставление необходимого */necessitas/* – избыточному */superbia/*, с соответствующей моральной оценкой.) Как известно, основания подобной трактовки пространства свободы были заложены еще блаженным Августином. В сущности, центральный вопрос здесь – принадлежит ли человеческая свобода вечности или времени; от характера ответа напрямую зависит открытость и живая драматичность текста бытия, либо прочтение судьбы как книги с заранее известным концом.

Для человека подобных взглядов деньги имеют, прежде всего, символическое значение: они не столько богатство или средство платежа, сколько символ статуса и орудие действия в этом не вполне реальном мире, инструмент управления им. Экономика сама по себе имеет для него иллюзорный характер, это расчерченная доска иных схем и планов, психологически гораздо ближе ему оказывается стилистически рафинированная и отвлеченная аристотелева хрематистика, но облагороженная и очищенная от низкой алчбы. Горизонт планирования отодвигается, что позволяет развернуть совершенно иное поколение соответствующих технологий. Подобное мироощущение, однако, провоцирует постоянное искушение, сближая с еретиками и адептами тайных наук, ибо романтика цифр незаметно сливается здесь с кабалистикой и алхимией: финансовые формулы наделены силой, обладающей несомненной властью в этом мире, в том числе и над душами людей.

Отрицая возможность подвига преображения – освобождения человека от греха собственными усилиями, протестантизм превращает личность в индивида, активно практикующего ту или иную социальную функцию ради достижения максимального результата – зримого доказательства собственной избранности. Таким образом, личный труд по преодолению испорченной природы человека обесмысливается и подменяется деятельным гаданием, в результате чего индивид попадает в беличье колесо фетишизации успеха. Мир оказывается расколотым, и для определения своего статуса в вечности, принадлежности к спасенным или проклятым, к избранному народу *Übermensch* или сонмищу *Untermensch*, человеку требуется не восходить лестницей духа, но постоянно испытывать собственную профессиональную состоятельность, а «милость к падшим» при этом сменяется почти ритуальным их презрением.

Погружаясь в эти неблаголе пространства, испытываешь порой тягостное ощущение, что в их жестких, эсхатологических проекциях, пусть в отраженной (*искаженной*) форме, все же присутствует некая значимая для человеческой души реальность: предчувствие не столько сущего, сколько грядущего (*послесудебного*) вселенского разделения и отдельные черты будущей космогонии огненного мира отверженных, лишенного реальной сотериологии. Так порой, читая о тех или иных ужасах Средневековья, невольно задаешься вопросом: а какой была бы «европейская ночь» темных веков после великого переселения народов, если бы в ней не сияла звезда Рождества, то есть отсутствовал бы христианский вектор истории?

Учение о предопределении – сердце новой веры. Именно здесь наиболее ощутимо присутствие своеобразного дуализма (проявляющегося, например, у Лютера в его рассуждении о двойной воле Бога), жесткость и механистичность всей новой антропологии, формирующей в обществе собственную аристократию житейского успеха. Уже в этих конструктах можно различить истоки современного состояния мира, когда происходит «постепенное формирование все более контролируемого и направляемого общества, в котором будет господствовать элита... Освобожденная от сдерживающего влияния традиционных либеральных ценностей, эта элита не будет колебаться при достижении своих политических целей, применяя новейшие достижения современных технологий для воздействия на поведение общества и удержания его под строгим надзором и контролем» (З. Бжезинский)...

Но вернемся к непростым перипетиям генезиса капитализма. Его зарождение, первую, *торгово-финансовую* фазу обычно связывают с XV-XVIII вв., хотя по ряду параметров эти истоки можно датировать более ранним временем, что, правда, нередко и делается с использованием понятия «протокапитализм». Расцвет данной фазы был тесно связан с эпохой географических открытий, кардинально изменившей экономическую картографию, сместив центр тяжести из средиземноморского в атлантический мир. Одновременно растущий поток материальных ценностей и драгоценных металлов вызывал к жизни все более изощренные формы кредитно-денежных отношений, сдвигая вектор активности в виртуальный космос финансовых операций, рождая такие эпохальные изобретения, как, например, центральный банк или ассигнация. Закат же торгово-финансовой фазы совпал с упрочением на исторической арене национального государства, которое забирает себе наиболее прибыльную часть всей этой деятельности – кредитование правителей, начав само финансировать собственные нужды, путем выпуска государственных ценных бумаг и эмиссии национальной валюты, особенно в форме банкнот.

Капитализм, однако же, успешно преодолевает кризис, занимая и одновременно формируя новую нишу деятельности, иногда прямо отождествляемую с ним (что порождает ряд аберраций и иллюзий), – *индустриальное промышленное производство*. Эта сфера хозяйственной активности развивается в тот период по стремительно восходящей линии, с лихвой оправдывая практически любые капиталовложения (именно с лихвой в том значении, которое заложено в этом слове), создавая на основе столь характерных для христианской цивилизации радикальных инноваций и перманентного технического прогресса все более обильный прибавочный продукт. От подобного стратегического союза получало свою долю и государство, чьи инфляционные и эмиссионные риски, как правило, уверенно оправдывались интенсивным промышленным развитием, ростом национальной экономики. В общем энтузиазме эпохи – обретении рыночной конкуренцией второго дыхания и звездном часе либерализма – временно растворяются, отходят на второй план многие специфические черты денежного строя. Здесь, кажется, особенности капитализма, действующего в христианском обществе, принимаются за черты самого общества и наоборот. Однако в завершающем второе тысячелетие веке индустриализм пережил как стремительный взлет, так и серьезный кризис.

Промышленное производство на протяжении всего последнего столетия испытало на себе действие ряда фундаментальных факторов, препятствующих дальнейшему динамичному росту промышленности, ведущих к падению нормы прибыли в ее традиционных отраслях. Во-первых, – это ограниченность платежеспособного спроса по сравнению с экспансией производственных возможностей и, как следствие, необходимость вовлечения в процесс расширенного потребления все новых групп населения, или развития новых, порой искусственных потребностей у платежеспособной его части, либо же – создания механизмов отрицания и целенаправленной деструкции ранее созданных материальных ценностей. Во-вторых, – отчетливо обозначившиеся границы хозяйственной емкости биосферы, перспектива серьезного ухудшения ее качества, а также исчерпания критически важных видов природного сырья. В-третьих, – усложнение отношений с научно-техническим прогрессом, в частности, из-за его двусмысленного воздействия на норму прибыли, учитывая необходимость перманентного перевооружения основных фондов вследствие их быстрого морального устаревания. А также из-за потенциальной способности неконтролируемых инноваций, «открывающих» и «закрывающих» технологий выбивать почву из-под ног у сложившихся хозяйственных организмов и даже целых отраслей. Произошли, кроме того, серьезные изменения в направлении реализации творческого дара, в характере инновационной динамики и, пожалуй, в диапазоне ее возможностей.

Последнее утверждение, впрочем, – наиболее спорная часть триады. Однако если мы сравним состояние инновационной сферы в начале XXI в. и, скажем, века XX, перечисляя конкретные прорывные достижения, то с удивлением обнаружим, что инновационный подъем в последнее время не возрастает, а скорее затухает, правда не равномерно, хотя и достаточно заметно, начиная примерно с 1980-х годов. При общем росте значения интеллектуальных технологий фундаментальные открытия – *radical innovations* сменяются и размываются многочисленными, эффектными рационализациями этих открытий – *progressive innovations*, происходит универсальная технологизация науки. Переживают расцвет информационные и финансово-экономические технологии (оптимизационные по своей природе), социальные инновации, другие «мягкие» инновации и технологии.

Завершающее столетие второго миллениума стало, таким образом, пограничной территорией, на которой кристаллизовались различные стратегические замыслы конкурирующих в обществе сил. Наметилась трансформация социального дизайна цивилизации, распад прежних смыслов, разрушение сложившегося ранее контекста. С этого же времени интересы капитализма и промышленного производства, индустриальной цивилизации больше не совпадают.

Глобализм и сетевая культура

К. прибыл поздно вечером.

Франц Кафка

Момент истины XX века, это, пожалуй, 1968–1973 годы. Нижняя граница периода была охарактеризована как «вступление в фазу новой метаморфозы всей человеческой истории» (З. Бжезинский), «великий перелом» (Р. Диес-Хохлайтнер), «мировая революция» (И. Валлерстайн). В то время, в условиях «позолоченного века» – материального изобилия цивилизации и раскрепощения человека от многих тягот природных и социальных ограничений –

в мире происходят серьезные системные изменения. На поверхность выходит феномен «сетевой культуры», проявившейся в новых формах социальной организации и экономической деятельности, в своеобразной культурной революции – в частности, в становлении «нового класса» в США. Постепенно преобразуется также структура международных связей, принимаются энергичные меры для осмысления открывшихся перспектив, формируются механизмы для воплощения идеалов долгосрочного планирования и глобального управления. Иначе говоря, стержнем исторического вектора становится практическая реализация масштабного проекта глобализации.

В 1966 г., в ситуации нарастания кризиса – в разгар бомбардировок Северного Вьетнама, серьезных разногласий с европейскими союзниками (прежде всего с Францией), в преддверии наметившихся валютных неурядиц, – президент Джонсон начинает постепенно разворачивать громоздкий двухпалубный корабль; американский президент, в частности, выступает с заявлением о необходимости «поскорее наладить связи между Западом и Востоком». Создается рабочая группа на базе Совета национальной безопасности во главе с Френсисом Бейтором, Белый дом и влиятельнейший Совет по международным отношениям инициируют серию дискуссий и консультаций по новой «дальней границе» (*high frontier*) американской и мировой истории, к которым привлекается, в числе других, будущий создатель Римского клуба Аурелио Печчеи. Весной следующего года в Европу и СССР с соответствующей миссией отправляется Макджордж Банди, а уже осенью происходит инициированная им встреча американского президента и советского премьера А.Н. Косыгина в Гласборо.^[9] Дальнейшее развитие событий идет как по линии государственных контактов, приведших к реализации политики детанта, так и создания многоступенчатой системы неправительственных организаций, занятых поиском новой формулы мироустройства.

Интеллектуальное пространство данной проблематики фиксируется при помощи понятия «глобальных проблем человечества». Под эгидой этого тезиса на рубеже 60-70-х гг. инициируется появление ряда интеллектуальных центров и международных неправительственных организаций, среди которых привлекает внимание тот же Римский клуб (1968), созданный во многом благодаря подвижническим усилиям Аурелио Печчеи и Александра Кинга. Одновременно на основе «Нобелевского симпозиума» формируется Международная федерация институтов перспективных исследований (IFIAS, 1972), а в результате переговоров по линии «Запад – Восток» создается междисциплинарный Международный институт прикладного системного анализа (IIASA, 1972), в чьей деятельности участвуют ученые противостоящих политических блоков. Идея мониторинга будущего, необходимости «искать пути понимания нового мира со множеством до сих пор скрытых граней, а также познавать... как управлять новым миром» кристаллизуется в виде задачи «создания принципов мирового планирования с позиций общей теории систем».

Вскоре появляется на свет Трехсторонняя комиссия, объединившая влиятельных лиц, перспективных политиков и ведущих интеллектуалов США, Европы, Японии (1973), а затем, после вашингтонского совещания министров финансов крупнейших стран (1973), рождается и такой влиятельный институт наших дней, как ежегодные совещания Большой семерки (1975).

Выделю, по традиции, три фактора, играющих ключевую роль в становлении глобального капитализма как универсальной системы. Во-первых, это появление «новых денег» (логическое завершение многовекового процесса «порчи монеты»), превратившихся на практике из средства платежа в универсальную меру стоимости и инструмент управления. Доллар, фактическая мировая резервная валюта, окончательно утратив рудименты золотого стандарта (1971-73), позволяет проявиться феномену ничем, в сущности, не обеспеченного – кроме умелого управления – алхимического кредита последней инстанции. Во-вторых, – это масштабные финансовые технологии. Нефтяной кризис 1973 г. стал пусковым механизмом их практической реализации, ведя к образованию перманентного глобального долга. А с момента выхода ситуации за некоторые пределы и балансирования на грани глобальной нестабильности, развивается параллельная система управления рисками, которая, кажется, претендует сейчас на то, чтобы сменить кредитный замысел в качестве камертона неэкономической практики XXI века. Наконец, в-третьих, в те же годы разворачивается революция в микроэлектронике и средствах телекоммуникации, продуцируя активно осваиваемые и практически неограниченные физическими параметрами информационные пространства. Появляются сеть APRANET(1968) – прообраз Интернета и системы глобальной биржи, спутники связи, микрочип (1971), персональный компьютер, а также универсальные коды UPC-A и EAN-13 (1973) – основа будущего глобального каталога товаров и людей, трансформирующего субъекта в объект.

Специфику новой – глобальной – формулы экономики можно описать следующим образом: если до некоторого момента мировая экономика представляла сумму экономик национальных, – самостоятельных субъектов, действовавших на глобальном поле, – то теперь ситуация переворачивается. Появляется глобальный субъект, «штабная экономика», которая при посредстве системы ТНК и ТНБ уверенно действует на национальных площадках, превращая их в универсальный объект. Утверждается единый тип хозяйствования, имеющий свод регуляций, формируется геоэкономический мир как система долгосрочного планирования и перераспределения – посредством финансово-правовых технологий – мировых ресурсов и дохода.

Синтезируя все эти тенденции, а также ряд других, на планете постепенно очерчивается контур третьей фазы капиталистической мир-экономики: *геоэкономической*, современниками которой мы и являемся. Ее базовый механизм – получение системной прибыли уже не столько за счет теряющего былую привлекательность промышленного производства (как когда-то произошло с торгово-финансовыми операциями), сколько в результате развития многообразных форм контроля над хозяйственной практикой в целом, наиболее простым, хотя и частным, примером которых служат хорошо известные «ножницы цен». Новые финансовые технологии и организационные схемы вскоре придадут этому процессу глобальный размах и второе дыхание.

В некотором смысле происходит возврат как раз к алгоритмам первой, торгово-финансовой фазы, но уже на ином, глобальном уровне, позволяющем осуществлять как широкие системные операции в экономике, так и практиковать коды управления социальными процессами в масштабе планеты. И здесь социалистический эксперимент XX века может получить неожиданную перспективу. Опыт коммунистического постмодерна можно в этом случае рассматривать как футуристическое (забегающее в будущее) отрицание *публичной власти* ради полуанонимной, законодательно нечетко фиксированной, но фактически тотальной *власти организации* – треста или госкорпорации, которая посредством системы назначаемых ею управляющих (номенклатуры) контролирует пространство страны (группы стран, а в идеале – весь мир). Положение вещей, когда крупная транснациональная корпорация, контролирует и направляет деятельность марионеточного правительства небольшой страны Третьего мира может тут сослужить роль своеобразной лабораторной реторты.

Создавшаяся ситуация есть своего рода завершение гегелевской триады становления глобального капитализма, где роль антитезы сыграл его временный союз с христианской инновационной динамикой и промышленной революцией. Институциональные же формы третьей фазы могут со временем свести воедино все проклюнувшиеся ранее версии социального постмодерна (запечатлев торжество безбрежной конвергенции), проявив тем самым их столь неочевидную поверхностному взгляду типологическую родственность. Сохранится ли при этом отмирающий ярлык «капитализм»? И стоит ли подчеркивать, что мировоззренческая основа его «высшей стадии» выходит далеко за пределы протестантской этики, вскрывая гораздо более интригующие истоки рукотворного универсума? Это, впрочем, отмечал и сам Вебер, предупреждая, что результаты его анализа не распространяются на реалии XX века.[\[10\]](#)

Моделью архитектоники проектируемого геоэкономического мироустройства (*геокона*) – своеобразного аналога *гебдомады* гностического космоса – может служить известный многоярусный «китайский шар».[\[11\]](#) Геокон последовательно соединяет хозяйственные диады – *сизигии* – в единую сложноподчиненную конструкцию экономистичного универсума. На «нижнем», географически локализуемом уровне, это добыча природных ископаемых и их использование природозатратной экономикой; другой, более «высокий» локус – производство сырья интеллектуального и его освоение высокотехнологичным производством. На транснациональном ярусе – это производство финансовых ресурсов и применение технологий универсальной процентной дани в качестве механизма управления индустриальными объектами (в свою очередь плодящими потребность в данных ресурсах). Но транснациональна также изнанка, «подполье» геоэкономической конструкции – сдерживаемый цивилизацией порыв к инволюционному, хищническому использованию ее потенциала с целью извлечения краткосрочной прибыли, а также контроль над различными видами асоциальной практики. Отсюда в легальный сектор продвигаются правила игры, в которых правовой, а тем более моральный контекст утрачивает свое бывшее значение. Наконец, на высшем этаже, это находящаяся в становлении паутина «штабной экономики» – система глобального управления метаэкономикой, движущаяся в направлении унификации источника легальных платежных средств, тотального контроля над их движением и выстраивания единой, диверсифицированной системы налоговых платежей, превращающих со временем весь геоэкономический универсум в плодородную ниву Нового мира – волшебный источник специфической квазиенты.

Торжество денежного строя, его влияние и амбиции стать основной мерой человеческой практики и устремлений, очевидным образом свидетельствуют об истощении энергии христианской нити кальвинистского вектора; другая же его компонента, напротив, усиливается и начинает доминировать, причем уже лишенная параферналии «призвания» и «предопределенности к спасению», по крайней мере в прежнем смысле. Идеалы заметно меняются: современные строители уходящего в дурную бесконечность универсума говорят теперь на едином для всех стран и народов языке финансовых операций, на глазах обретающих смысл и жесткость «естественных законов» бытия, а социальная анатомия все чаще демонстрирует принципы и цели, в недавнем прошлом плохо различимые под флером христианской культуры. Прежние ценности при этом переживают не только девальвацию, но и семантическую коррупцию, выступая в роли своеобразных симулякров, под ветхими одеждами скрывающих новые смыслы.

Впрочем, семантическое двоевластие, по-видимому, продлится не так уж и долго: «...в отношении христианина к Новому времени оставалась постоянная неуверенность. Повсюду обнаруживал он идеи и ценности, несомненно, христианского происхождения, но объявленные всеобщим достоянием. Повсюду он сталкивался с тем, что было изначально присуще христианству, а теперь обращено против него. Откуда было ему взять уверенности и упования? Теперь, однако, двусмысленности приходит конец. Там, где грядущее обратится против христианства, оно сделает это всерьез. Секуляризованные заимствования из христианства оно объявит пустыми сантиментами...», писал еще в середине прошлого века немецкий теолог и философ Романо Гвардини. Так, к примеру, в сфере неэкономии откровенно спекулятивный характер финансовой деятельности, переворачивая с ног на голову прежнюю архитектуру хозяйственной пирамиды, повергает в прах и логическую эквилибристику Кальвина, обосновывавшую легитимность взимания процентов, равно как и оговорку Адама Смита по поводу «законов справедливости», ограничивающих действие механизмов конкуренции.

Финансовый успех – уже не просто признак благодати, но сама благодать, истекающая из единого центра – квазиплеромы кредита последней инстанции, активно перераспределяемая нисходящими божествами, управляющими средне- и краткосрочными сценариями и рисками, при этом нижние божества используют ее в самых низменных и преступных целях. В круговороте этой совсем не призрачной жизни цифр и множеств, тщательно взвешенных устремлений и просчитанных порывов финансовые ресурсы, заменив собой харизму, действительно определяют статус индивида, его положение в обществе, спектр возможностей в Новом мире, становясь творческими энергиями – источником созидания и уничтожения. Финансовый успех в качестве мерила значения и ценностей здесь универсален, но по-настоящему крупный успех действительно все чаще оказывается выше личных усилий, труда и морали, являясь признаком особой благосклонности воплощенного Абрахаса.

В сущности, по крайней мере в эстетических категориях, все это напоминает то ли планомерное строительство химеры вселенского лабиринта, то ли кропотливое воссоздание мистифицированного кафкианского Замка: кодовым же ключом к подобной сборной конструкции земных иерархий является, пожалуй, нехитрая модель политкорректного Севера (*мировой град*) в обрамлении проклятых стран остального мира (*мировая деревня*) с их в общем-то не вполне легитимной, с точки зрения новой ситуации, и «подведомственной» властью.

Реализация столь радикальных целей требует не менее радикальных действий по изменению существующего миропорядка. Наши представления о глобализме пребывают, однако, под влиянием социо-политических стереотипов, меж тем как вероятность реализации мегаломаничного проекта в прежней логике социальных связей, вызывает серьезные сомнения. Новый статус мира, вектор его транснационализации, экспансия сетевых организаций, возросшая степень рисков подталкивают систему к переходу на другой, гораздо более широкий «протокол» контроля: введение режима глобальной безопасности, осуществление тотального, мобильного надзора, построение планетарного каталога ландшафтов, ценностей и людей. В рамках существующей социальной конструкции все это вряд ли осуществимо – ни характер политических институтов, ни мировоззренческая мотивация не позволяют эффективно управлять динамичной реальностью транснациональных сетей сотрудничества. Привычная типология антиутопии предлагала простой и моральный в своей основе конфликт тоталитарного зла и жертвенного, гуманистического протеста. Гораздо менее познанной оказалась ситуация прямой конкуренции различных логик управления – к примеру, противостояние институтов «гуманитарного тоталитаризма» и «террористического индивидуализма».

Новые организационные коды преобразуют общественные институты и методы их работы. Основа обновления – активная, пассионарная личность, деятельное, подчас агрессивное целеполагание

(проект), динамичная «виртуальная иерархия». Старая среда – формальна, институциональна, новая – турбулентна, субъективна, подчас иррациональна (по крайней мере может выглядеть и восприниматься как таковая). Для нее характерны гибкость, мобильность, высокая степень разделения рисков, кластерные, синергетичные формы организации. Новая культура, подобно вирусам, может сосуществовать во плоти прежних институтов и социальных организмов, в недрах которых прочерчиваются свои рубежи новоявленного «столкновения цивилизаций» – конфликта между централизованной иерархией и сетевой культурой, между администратором и творцом, между центристскими и центробежными тенденциями. В экономике это выражается, к примеру, в расхождении (подчас значительном) оценки совокупных основных фондов корпорации и уровнем ее капитализации, в резком повышении роли человеческого капитала, широком распространении аутсорсинга и т.д. [12]

В меняющемся контексте возникает принципиально иной класс угроз и вызовов. Это борьба интеллекта, финансов, организационных принципов, технических возможностей и технологических решений, но, прежде всего, – борьба мировоззрений, борьба кодекса поведения прежней цивилизации и моральных начал новой культуры. Трансформация социальной среды все чаще напоминает историческую ситуацию поздней Античности – синкретизм и размывание культурных горизонтов, снижение уровня морали, глобальное распространение идеологии «общества потребления», сжимание цивилизации «новым варварством»... В этих условиях на планете выстраивается своего рода глобальный *Undernet*, эксплуатирующий открывшиеся возможности для иллегальных организаций и не скованных моральными ограничениями форм деятельности, где неформальность, гибкость подобных организмов оказывается их существенным преимуществом...

В пространстве исторического действия возник новый субъект, творящий собственную реальность, – свободно действующая личность, отсеченная от прежних культурных корней. Этот энергичный человек, вдохновленный открывающимися горизонтами и ощущая себя – независимо от форм включенности в прежнюю систему – элитой Нового мира, способен безжалостно распорядиться своей и чужой свободой, действуя как «с той», так и «с другой» стороны социальной иерархии. При этом диалог подобных индивидов и пассионарных групп различных толков ведется «через головы» других людей, психологически воспринимаемых как безликий хор статистов. Гибкость и неподконтрольность, принципиальная непубличность действий неформальной, но влиятельной элиты, не нуждающейся в институционализации своих социальных претензий (по крайней мере, в прежнем смысле этого понятия), проявляется во внешней иррациональности, анонимности, эзотеричности семантики социальных связей. Субъекты этих взаимоотношений, действующие поверх прежних социальных конструкций, подвергаются обвинениям в произвольном толковании закона и прямом пренебрежении им, в гегемонизме и терроризме; однако они не столько подавляют, сколько игнорируют институты публичной политики и демократии, утрачивающие прежнее значение, обретая черты маргинальности в меняющейся социальной среде.

На сегодняшний день прочерчиваются, пожалуй, два стратегических сценария дальнейшего развития событий на планете. Одна логическая траектория, чей дизайн достаточно внятен, – мирное завершение строительства геоэкономического каркаса Нового мира, или, проще говоря, создание глобальной и тотальной налоговой системы. Однако если наметившаяся каталогизация мира все-таки споткнется о ряд возникающих противоречий и ограничений, то произойдет нечто иное: введение в качестве нормы нестационарной, динамичной системы управления социальными процессами (в русле типологии контролируемого хаоса) вместо статичных схем международных отношений. Результатом станет реализация перманентного силового контроля, новых форм конфликтов и путей их урегулирования, отчуждение прав владения от режима пользования, масштабное перераспределение объектов собственности, ресурсов и энергии – и еще, пожалуй, радикальное изменение структуры цен, – в том числе, за счет целенаправленно взорванного мыльного пузыря финансов...

И все-таки, то, что мы наблюдаем сегодня, это лишь «социальный постмодерн», предместье призрачной цивилизации – полярного града освобожденного Франкенштейна – симбиоз разнородных, плохо сшитых меж собою систем, подчас, как и всякая химера, весьма причудливого свойства. Однако даже первые картинки волшебного калейдоскопа – распад СССР и Балканский кризис, «новая экономика» и виртуальная реальность, гиньоль на тему «золотого миллиарда» и карнавал антиглобализма, экзотические сетевые организации и системный терроризм, – заметно изменили наши представления о мире, обществе, человеке. История, нанося ощутимые удары, творя прорывы и зигзаги, ускорения и перестройки, расплачивается по счетам особой, но вполне полновесной валютой – опытом. Исследователь же открывающихся горизонтов, вычерчивая картографию постсовременного глобуса, рано или поздно задумывается над

ключевым в данной ситуации вопросом: что сулит человечеству торжество новых начал и каковыми окажутся радикально обновленные на их основе правила игры на планете?

Культурный шок вызывает обостренное ощущение утрачиваемых ценностей, подчас сопровождаемое ностальгией по прежнему миропорядку. Шок, травма, кризис – в качестве лицевой стороны медали – дают шанс на преодоление социальной инерции, на радикальное обновление и решение давно назревших, но не решаемых в привычной для нас системе координат проблем. Однако результатом потрясений подчас становятся также надлом, инволюция, гибель. Через пятьсот лет после открытия Нового Света люди обнаружили порог и медные врата Нового мира. Его символические сторожевые башни – геркулесовы столбы игр современности, – сейчас повергнуты в прах. Растиражированная картография пространств и горизонтов нового века обрывочна и неточна, порой прямо ошибочна. И все же, в этой зыбкой, турбулентной среде цивилизация должна удержать свои начала, обретая новую кожу, либо раствориться в стихии иного порядка вещей. Перейдя из мира, совершавшего чудовищные ошибки, но стремившегося вознести цену человека, к многолюдному обществу, где человеческая жизнь будет цениться дешевле, чем в невольничьих империях древности, – она просто не будет стоить ничего.

Завершая данный экскурс, посвященный поиску корней Нового мира, начал его аксиологии, но также и его горизонтов, его «дальней границы» – экскурс, нитью которого было, в сущности, *искусство землемера*: скорее, стремление очертить проблемные поля, нежели попытка дать уверенные ответы, – я бы заметил в качестве последней ремарки (отталкиваясь от формулы Чеслава Милоша о причинах и свершениях) – временами слишком пристальный взгляд, брошенный в прошлое, рискует рассмотреть фрагменты невероятного будущего.

* Статья написана на основании доклада, прочитанного 30 октября 2001 г. на заседании Научного Совета по проблеме мировой культуры при Президиуме РАН. Публикуется в рамках проекта РГНФ «Геоэкономическая система мироустройства» (проект № 00-02-00215а).

** «Твои дела говорят за тебя» (лат.)

[1] Типология продвижения этого цивилизационного стандарта в окружающий мир косвенно напоминает методы христианизации планеты в предшествующее тысячелетие, процесса, приведшего, в конце концов, к образованию у христианской Ойкумены «внешнего кольца» колонизированного Юга.

[2] В 2000 г., объявленном Римско-католической церковью юбилейным годом, в акциях антиглобалистов заметным компонентом был призыв к прощению долгов беднейшим странам (в соответствии с библейскими нормами отпущения рабов и долгов). О «неподконтрольной народам и правительствам и не знающей пределов власти», сосредоточенной в транснациональных финансовых и экономических структурах, упоминается в концепции социальной доктрины РПЦ. Вообще, в документах, принятых за последнее время на международных встречах религиозных деятелей, отмечается драматичное изменение природы власти, утрата демократически избранными правительствами контроля над ситуацией, а сама «глобальная власть» противопоставляется так и не сложившемуся на планете «глобальному гражданскому обществу».

[3] Кстати, проекты именно класса «*à la* интеллектуальный поп-арт», ориентированные на поддержание иллюзии принадлежности к престижной высокой культуре (“*houtculture*”) или на своего рода духовный материализм и поиск специфического душевного утешения, считаются сейчас весьма перспективными.

[4] Смысл и результат христианского творчества все-таки не спиритуалистичен, а реалистичен, конкретен и даже персоналистичен – его цель не искусство как апогей бесконечного процесса, а спасение как торжество результата. Не идеальный проект здесь отделяется от какофонии случайного, но человеческая личность отъединяется от греха и его последствий (искажений), так что объект творчества охватывает, в конечном счете, своей рамкой весь мир, не предрешая, однако, при этом результат, но воплощая его в соответствии с милосердием и свободой икономии спасения. Бог создал человека свободным и уязвимым, чтобы, утратив совершенство, он мог приобрести его вновь.

[5] Так, сентенции «Есть многое на свете, друг Горацио...» противостоит почти банальное в своем скептическом реализме «Ничто не вечно под луною...».

[6] Некоторым не слишком приглядным аналогом тут может служить деятельность мафии в «классическом» смысле этого понятия, – т.е. не как преступность сама по себе, а скорее как система управления этим «сумеречным миром», контроля над ним, взимания дани.

[7] Любопытно совпадение привычных «мест обитания» данных идеологий с ареалами преимущественного распространения определенных христианских конфессий (конечно же, не со стопроцентной точностью): коммунизм – православные страны, фашизм – католические, глобализм – протестантские.

[8] В исторической ретроспективе это все же третье потрясение христианского мира, если помнить об отпадении Восточных православных церквей в V-VI вв.

[9] Тогда же, к середине 60-х годов, в России-СССР также ощущается, если до конца и не осознается, стратегический характер создавшейся ситуации, необходимость введения каких-то новых принципов социального и экономического управления, обновления политики. Однако после исторического 1968 г., процесс реформ ставится «на реверс» и консенсус достигается в русле предложенной стратегии детанта. (Эта извилистая тема все еще ждет своего внимательного исследователя.)

[10] «...в настоящее время действительно не может быть и речи о какой-либо обязательной связи между... «хрематистическим» образом жизни и каким-либо целостным мировоззрением» и ниже «...капитализм, одержав победу, отбрасывает ненужную ему больше опору» (М. Вебер. Избранные произведения. – М., 1990, С.91).

[11] Подробнее о структуре геоконата см.: А.И. Неклесса. Вступление в постсовременный мир III тысячелетия. Размышления об истории, о цивилизации и прогрессе. – Восток (Oriens). 2001, №4.

[12] Мне уже приходилось на страницах журнала «Восток» приводить символический диалог между Дэвидом Паккардом, одним из основателей империи Хьюлетт-Паккард, и Джоном Гейджем, управляющим высшего звена уверенно развивающейся корпорации Сан-Майкросистемс, произошедший в 1995 г. в Сан-Франциско, в знаменитом отеле «Фермонт», где тогда состоялась встреча 500 ведущих политиков, предпринимателей, ученых планеты. «Сколько служащих вам на самом деле нужно, Джон?», так сформулировал Паккард ключевой вопрос. «Шесть, может быть – восемь», – отвечает Гейдж. Ведущий дискуссии профессор Рустум Рой обостряет ситуацию: «А сколько человек в настоящее время работает на Сан-системс?». Следует молниеносный ответ Гейджа: «Шестнадцать тысяч. Но все они, кроме небольшого меньшинства, являются резервом для рационализации».

«К незримому кругу гармонии...»

От редакции

Нижеследующий материал был прислан нам Григорием Соломоновичем Померанцем с предложением напечатать его ("если найдется место") в память о томском журнале, не сумевшем выжить в пучине нашего дикого рынка. То, что прочтет читатель, — лишь предварительные наброски к несостоявшемуся интервью двухгодичной давности. Однако и вопросы, заданные поэтом и публицистом Владимиром Пшеничным, и мысли, которые были высказаны в ответ Г. Померанцем, настолько, на наш взгляд, актуальны, содержательны и достойны самого серьезного внимания, что "место" для них на страницах "Континента" просто не могло "не найтись". Охотно выполняем просьбу нашего замечательного философа, постоянного и давнего нашего автора.

Григорий ПОМЕРАНЦ

«К незримому кругу гармонии...» Диалог с журналом "Новый век" (Томск)

Вопросы

1. Нам представляется, что современное человечество переживает ныне не просто некий системный (а значит — очередной, а значит — он может быть проходным...) кризис, но вплотную подошло к ощутимой гуманитарной катастрофе. Нарастает грандиозное агрессивное взаимонепонимание представителей различных культурно-цивилизационных формаций, а сами понятия Цивилизация и Культура соотносятся теперь как едва ли не взаимоисключающие. Путь, пройденный человечеством от "Восстания масс" до "Деволуции человека", смотрится как эсхатологический маршрут, выводящий нас к трагической потере человеком РОДОВЫХ своих свойств. Речь идет о принципиальном обмелении духовной и душевной жизни, фактическом прекращении Диалога с Традицией, утратой ощущения Большого Времени культуры (выражаясь по-бахтински), роковом падении авторитета книги — и на этом фоне процветании суррогатов, подделок всех уровней, имитаций и еще раз имитаций...

"История закончилась, осталась длимая современность".

Разделяете ли Вы нашу тревогу, в чем Вы видите главные угрозы человечеству, находите ли место для надежды, есть ли у Вас, с ВАШЕЙ БИОГРАФИЕЙ, основания полагать, что лекарства от расчеловечивания могут быть определены и предложены?

2. В эпоху всесиятия массовой квазикультуры и торжества релятивистски-игровых настроений в так называемых элитных культурных сообществах находится ли место СЕРЬЕЗНОЙ литературе с ее пафосом неповторимой человеческой личности, психологизмом, с ее совестными интенциями, с ее трагедийностью? Приходится констатировать: на планете вымирают поэты и поэзия, место больших мыслителей и художников занимают всевозможные кастаньеды и коэлюю. Это пугает. Можно ли жить без ИСКРЕННЕЙ литературы и философии? Могут ли выжить литература и философия? Нужно ли это? (В конце концов, когда Миф сменялся Историей, это пахло концом света, но он не наступил, и сам Миф не умер, то прекрасно, то безобразно возвращаясь к нам...) Если литература нужна, то какой ей быть? И как ей себя вести? Вполне серьезные люди рассуждают о том, что литература исчерпала себя, сказала все, что могла и хотела сказать, — и повторять за великими бессмысленно. Да и кому это нужно в контексте пресловутой деволуции человека?

3. В современной России впервые за 200 лет национальная литература не участвует ни в "воспитании народном", ни хотя бы в воспитании элиты общества. Напротив, эта самая элита не любит серьезной, ОБЯЗЫВАЮЩЕЙ литературы, не заинтересована в ней кровно. К чему это приведет? Вам известно, в каком прискорбном положении находятся ныне писатели, насколько они деморализованы и маргинализированы, особенно в провинции, из которой и вышли почти все светочи литературы XIX–XX веков. Должно ли государство помогать ей — или мы это уже проходили? А если все-таки должно, то как? Или же все не так уж и плохо, и "образуется само собой"?

Ответы

Дорогие друзья!

Анкета составлена в таких глобальных масштабах, что мои ответы, особенно по № 1, только скользнут по поверхности.

1. Вашу тревогу я полностью разделяю. Человечество впервые может само себя погубить. Какой-нибудь идиот с огромными средствами разрушения всегда найдется. Можно, впрочем, надеяться, что островки жизни и культуры уцелеют и потрясенные люди, как после потопа, сделают несколько шагов к лучшему. Или, при другом сценарии, вырождение христианской цивилизации отдаст гегемонию Китаю, и из сложившегося тупика китайцы будут вылезать на свой, китайский манер, за который я не ручаюсь.

Мне кажется очень важным понять, что все отдельные принципы, как они ни заманчивы (свобода, справедливость и т. п.), становятся разрушительными, когда перестают быть касательными к незримому кругу гармонии. Сталкиваясь друг с другом, они сплетаются в венок культуры. Вырвавшись из него и устремившись в дурную бесконечность, по логически безупречной колее, подобной теории Раскольникова, они кончаются бессмысленными убийствами. В романе Достоевского дело ограничилось двумя жертвами, Бакунин требовал трех миллионов голов, Ленин практически это осуществил, но сортиров из золота не построил. И тогда из крови, пролитой мучениками и фанатиками идеи, выросли драконы, упивающиеся самим запахом человеческих мучений; они хорошо описаны Даниилом Андреевым. Все эти "уицраоры" пользуются отдельными идеями как дубинками, из этого вытекает общая задача защитников культуры: отстаивать первенство духовной цельности против каких бы то ни было абстракций. Вспомним слова, которые цитирует Шмеман: ""Принципы — это то, чем люди заменили Бога", писал какой-то англичанин. Принципы должны быть поставлены на место. Надежда на это не умирает во мне".

2. Единой читательской аудитории никогда не было, так же как нет единой публики концертов, художественных выставок, кинотеатров. Мне было 15 лет, когда меня захватил Шекспир, а в 20 я погрузился в Тютчева, Толстого и, наконец, Достоевского, который до сих пор мой любимый романист. И сегодня Достоевский одних влечет, других пугает. Оглядываясь назад, я вижу, что меня захватывали книги, написанные в пору великих кризисов, когда "порвалась цепь времен" (Гамлет) и творческое меньшинство пыталось как-то найти, где выход из кризиса. Но если оружие слишком сильно бряцает, то музы молчат. Есть ли сегодня условия для глубоких книг? Хотя бы в жанре дневника? Есть дневники Пришвина, Шмемана... Есть ли условия для великих стихов, для современных псалмов, подобных псалмам Давида и хокку Басе (они писались в очень тревожное время)? Есть, по-моему, "Сонеты к Орфею", и "Дуинские элегии" Рильке не ниже Давида.

3. Элита — это не министры и не олигархи. Пушкин называл высшее общество светской чернью. Элитой был сам Пушкин. И в конце концов влияние Пушкина оказалось сильнее, чем влияние графа Уварова с его "самодержавием, православием и народностью". Сегодня правят не отдельные лица, а дух наживы. Есть признаки, что этот дух слабеет, что сыновья олигархов, окончившие Оксфорд или Сорбонну, начинают искать чего-то поглубже. Культура сама себя защищает, заражая людей, вдохновляя защитников. В 1939 году я назвал Достоевского величайшим русским писателем и был за это осужден кафедрой русской литературы и не допущен в аспирантуру за антимарксистское выступление. Но Достоевскому это не повредило. Не повредит и защита молодежи от трудного чтения. Кому нужно, прорвется к Достоевскому. Увлечь, разъяснить может учитель. А заставить читать то, что пугает, — безнадежное дело. Те, кому нужен Достоевский, найдут его, как я нашел Достоевского в эпоху Большого террора.

РЕЛИГИЯ И КУЛЬТУРА В СТАНОВЛЕНИИ ЛИЧНОСТИ И КУЛЬТУРНОГО КРУГА

Григорий Соломонович Померанц

*российский философ, культуролог, писатель, эссеист, член
Академии гуманитарных исследований.*

Если человеку суждено заболеть паскалевским страхом бесконечности, то ужас бездны у него может вызвать тангенсоида. Так именно случилось и со мной. Я сидел над учебником тригонометрии и смотрел, как тангенсоида ныряет в бесконечность и выныривает с каким-то числом в зубах. И вдруг почувствовал всей своей шкурой, как лечу и пропадаю в физической бесконечности космоса. Сумею ли вынырнуть из нее, как тангенсоида? Все во мне зашаталось, вплоть до внутреннего пространства, которое я только начал выстраивать, чтобы не поддаваться уверенному голосу первого встречного, и уже положил в основу реплику, до сих пор любимую: вы можете меня расстроить, но не играть на мне. Чем больше я входил в ощущение песчинки, летящей в бесконечность, тем безвозвратнее все теряло смысл. Можно было сойти с ума. Мне было шестнадцать лет, и я понял, что эта проблема мне не по зубам. Разберусь потом. И я отложил вопрос о месте человека в бесконечности, пока не поумнею.

Между тем, я продолжал строить свой внутренний мир, учился различать уровень, где оставалось что-то навсегда, от поверхностных впечатлений. В сочинение «Кем быть» закончил словами, очень огорчившими учителя: «Я хочу быть самим собой». Недовольство Ивана Николаевича было первой угрозой на пути, который я выбрал. Потом пришлось держать удары посильнее.

Шли годы террора. Я нашел способ уходить от воя газет и ходил раз в неделю на Пречистенку, в музей новой западной живописи. Это был мой храм. Про Бога я знал, что его нет, но Туман над Темзой нельзя было отрицать, и я погружался в него, или стихи Тютчева: тени сизые смешались, звук умолкнул, цвет уснул...

Но Тютчев оказался расколотым надвое. Он то чувствовал природу как великую любовь, в которой тонули все страхи, то заражал окружающих страхом «мыслящего тростника»: «природа знать не знает о былом, ей чужды наши призрачные годы, и перед ней мы смутно сознаем себя самих лишь грезой природы...» Тютчев ввел паскалевский страх в русскую классику, захватил им Толстого, и Толстой, начитавшись материалистических брошюр, в которых человек конечен, как камень прятал от себя веревку, чтобы не повеситься, и ружье, чтобы не застрелиться. В двадцать лет эти сцены захватили меня больше, чем смерть Анны Карениной. Я испытывал тогда первый взлет творческих сил, который долго не повторялся, и принял вызов метафизического страха.

Логически человека в бесконечности решалась не в мою пользу. Любое конечное число, деленное на бесконечность, равно нулю. Следовательно, я нуль, и вся история человечества – горсточка нулей. Это просто, как дважды два четыре. А мне нужно было дважды два пять (так я впоследствии прочел в «Записках из подполья»). Я и решил не обращаться к логике, а просто перекрывать в уме абсурдную проблему: «если бесконечность есть, то меня нет; а, если я есть, то бесконечности нет». Через двадцать лет я узнал, что это напоминает метод перехода от помраченного сознания к просветленному в буддизме дзэн. Оторванный и о образа Бога, и от вне образной мистики, я изобретал деревянный велосипед и изобрел что-то достаточно неуклюжее, отдаленно напоминавшее решения, предлагавшиеся, начиная с VIII в. До Р.Х. После трех месяцев перекатывания проблемы в уме, она раскололась, и в мелькнувшем свете вдохновения сложились две мысли: 1) мое сознание не ограничено моим телом. Каждое сознание – точка в которой вселенная вся себя сознает. Мое тело – весь бесконечный космос и 2) мои жизненные цели человечества как-то вплетаются в круговорот космоса и необходимы в его структуре. Вторую идею впервые я выразил очень неуклюже. Из уважения к прошлому я сохранил это уродство в книге «Выход из транса». Интересно, однако, другое: озарение не создает словесных структур. Оно озаряет то, что складывается в уме. Как ни озаряй ум неандертальца, он не родит ничего больше примитивного мифа. Сейчас, познакомившись с несколькими великими культурами, я повторил бы слова Кришны Арджуне: «Если бы я перестал действовать, исчезли бы все миры. И поэтому – сражайся, Бхарата!» Это имеет смысл и вне спора с ранним буддизмом.

Как ни был мой деревянный велосипед, он пригодился мне в 42-м к северо-западу от Сталинграда. Во мне всплыла психическая травма ранения и контузии, испытанных несколько раньше, и полчаса я никакими доводами не мог победить страх. Наконец, пришла в голову простая мысль: я не испугался бездны пространства, времени и материи, стоит ли бояться нескольких Хейнкелей? И сразу всплыла память полета над метафизическим страхом: глыба фронтового страха, придавившая меня к земле, стала таять, как сахар в чае. Через две минуты, все еще дрожа от пережитого, я встал и пошел, куда мне было назначено.

С чувством полета над страхом я прошел всю войну. Но, к сожалению, после войны оно перестало выручать. Фронтовиков очень успешно отучали от фронтового мужества. Три года я не находил выхода из клетки советской системы. Наконец нашелся выход: вниз. На Лубянке, и в Бутырках, и в лагере мне дышалось свободнее, чем в сталинском большом оцеплении, - как мы, шутя называли мнимую свободу. На прогулках между вахтой и столовой я учился этике диалога и раз навсегда взял себе второе место, уступив первое тем, кто рвались на него. Это сказало и после лагеря, в поздно пришедшей любви. Мне нужна была королева, которой хочется служить.

Я нашел ее, завоевал ее любовь и был бесконечно счастлив. Но на самой вершине счастья королева умерла на операционном столе. Я пережил малое свето-представление: несколько секунд синее небо, расколовшееся на куски, падало на землю. Потом падение небесного свода остановила надежда: еще шла борьба за жизнь. Смерть наступила через сутки.

После похорон, закрыв глаза, я увидел Иру, что-то мне говорившую. Слов не было слышно, но я понял их как заботу о пасынках. Надо было вывести их из отчаянья. Сперва мы просто жили и забывались вместе. Потом накануне первого января, я воспользовался опытом медитации и две недели упражнялся - сказать про себя «с новым годом, с новым счастьем», - и не заплакать. В канун Нового года мне это удалось. Я повторил тост надежды со всей полнотой чувства за столом. Обряд помог. Вместе с пасынками я вытащил из отчаянья самого себя. Галлюцинации, преследовавшие меня два месяца, сразу кончились. Я был здоров. Новые сознания наплывали, чередуясь, - то карамазовский бунт, то поиски другого образа Бога, чем тот, против которого Иван бунтовал.

Так прошло полгода. Потом мой младший пасынок затащил меня к Александру Гинзбургу, будущему правозащитнику, а тогда печатавшему в тридцати самиздатных экземплярах стихи, не попавшие в журналы. Я услышал о больной поэтессе, жившей на станции Отдых. В воскресенье я туда поехал. Одним из первых было прочитано стихотворение «Бог кричал»:

Бог кричал. В воздухе плыли
Звуки страшней, чем в кошмарном сне.
Бога ударили по тонкой жиле,
По руке или даже по глазу. По мне.
.....
Бог выл с искаженным от боли ликом,
В муке смертельной сник.
Где нам услышать за нашим криком
Бога живого крик?
Он всемогущ. Он болезнь оборет,
Вызволит из огня
Душу мою. Или взыв от боли,
Он отсечет меня.
Пусть. Лишь бы сам, лишь бы смысл вселенной,
Бредя, не сник в жару.
Нет, никогда не умрет нетленный.
Я за него умру.

Недавно я услышал, что мысль о бесконечном сострадании к страдающей твари можно найти у Исаака Сирина. Но дело не в авторитете. С Сирином или без него, это стало моим credo. Я дополнил его только еще одной деталью: Бог топит наше общее страдание в творчестве и дает Иову приобщиться к своей творческой радости. Мне кажется, через кризис и отчаянье родились и святыни субглобальных цивилизаций, положивших основу современному миру. Почему-то всем им предшествовала свободная мысль, отбросившая традицию или на свой лад ее толковавшая. Потом философия, не сумев создать нового нравственного порядка, запуталась в сомнениях. Начался общий духовный кризис, и уши нехотя открылись откровению (в Индии – местному населению, в других краях – пришедшему со стороны, ломая племенные границы). В глубоком отчаянии от неустойчивости общества умирал Конфуций: люди не слушали его добрых советов. Учение его утвердилось через пятьсот лет, после кошмара циньского террора.

Гаутама был потрясен зрелищем старости, болезни и смерти. И буддизм передал это чувство кризиса десяткам и сотням тысяч. Ученики Христа разбежались с Голгофы.

Но пройдут такие трое суток
И столкнут в такую пустоту,
Что за этот страшный промежуток
Я до воскресенья дорасту.

Пастернак, вжившись в образ Магдалины, безошибочно выбрал слова. Только через пустоту, через бездну приходит воскресение святынь, обновленных отчаяньем. Это пережило меньшинство, но оно повлекло за собою народы. Сходство пути цивилизации с путем личности мне просто увиделось, но потом я вспомнил идеальные типы Вебера. Его характеристики цивилизаций очень напоминают характеристики литературных героев. Субглобальные цивилизации – это своего рода новые соборные личности, сменившие племенные соборы. А личность – тоже своего рода соборное единство, раскрывающееся пообразному в откликах на вызовы судьбы. Если бы Иван Карамазов сказал только «все позволено» - это был бы не Иван, а его черт.

Между гарантией и шансом

Александр Архангельский

кандидат филологических наук, профессор кафедры информационной политики и информационных исследований ГУВШЭ, член Академии Российского Телевидения, автор, ведущий и руководитель информационно-аналитической программы телеканала «Культура» «Тем временем», автор и ведущий цикла документальных фильмов «Фабрики памяти: Библиотеки мира», писатель.

Старая преподавательская шутка. «Накануне 1917 года Россия стояла на краю пропасти. После 1917 года она сделала огромный шаг вперед»... Сто лет назад мы оказались перед чудовищной развилкой. Все задачи, решение которых давало шанс на мирное развитие, были долгосрочными. Превращение расхристанного пролетариата в цивилизованный рабочий класс. Переход из тотальной общины к фермерству по датским образцам. Эволюция самодержавия в конституционную монархию. А процессы, которые в России назревали и отчасти шли, вели к скоростному обвалу, который все вменяемые силы отодвигали врозь – и тем самым приближали как могли. Государь – семейственностью, кадровой чехардой и распутинщиной, Столыпин – своими виселицами, левые интеллигенты – словоблудием, священники – надеждами на черносотенцев.

При всем тотальном различии контекстов мы опять перед той-же развилкой. Задачи долгие; горизонты короткие; все действуют врозь. Большинство представителей элит убеждены, что модернизация – проблема управленческая; «правильная» тактика ведет к победе, «неправильная» – к провалу. Между тем, как показало проведенное под руководством Александра Аузана исследование «Культурные факторы модернизации», после Второй мировой на путь модернизации вступило полсотни стран, но преуспели только те, кто неуклонно работал с ценностями, с национальной картиной мира. Сохраняя своеобразие и при этом меняясь. Гонконг, Япония, Тайвань, Сингапур и Южная Корея. Не западные страны, а восточные. Не вестернизированные. Косные. Традиционные. Но, решившиеся на долгие перемены. И не потерявшие себя.

Сегодня часто приходится слышать, что причина успеха данной группы стран – в исповедуемой ими конфуцианской этике. Но пока они не предъявили миру столь убедительный результат, никто не знал, что конфуцианская этика способствует модернизации. Наоборот, господствовало устойчивое мнение о «неподвижности», «неизменности» и однотипности «азиатского пути». Тут связь скорей обратная: модернизационный потенциал конфуцианства выявлен в процессе прорыва, благодаря тому, что с культурно-историческим опытом здесь осознанно работали, взаимодействовали с ним. Более того, выход на устойчивую траекторию экономического развития сопровождался во всех этих странах снижением дистанции граждан по отношению к власти, ростом статуса ценностей самовыражения, самореализации, личной ответственности за свою судьбу. Чем шире эти ценности распространялись в обществе, тем устойчивей становилась траектория экономического развития. И наоборот. Там же, где элита не работала с гуманитарной сферой, с ценностной шкалой, ничего не получилось. Самый поучительный пример – Аргентина.

Это значит, что модернизация предполагает запуск долгосрочного социокультурного процесса; если перед глазами работника стоит образ общины, а вы понуждаете его к фермерству, не надейтесь на торжество столыпинской реформы. Если честно заработанные деньги не являются мерилем успеха, производительность труда не вырастет, как ни повышай зарплату. Вопрос не в том, учитывать ли культурные факторы модернизации, а лишь в том, как с этими факторами работать. Революционно обнулять или поступательно взаимодействовать.

Сегодня нет недостатка в утопиях культурных революций, имеются трактаты об охранительной «суверенной модернизации»; общего понимания того, что нам необходима поступательная культурная эволюция – нет. Как нет системных практик, основанных не на сохранении и не на разрушении, а именно на обновлении любой реальности. В том числе реальности социокультурной. Зато есть избыток архаических институтов, основанных на

поддержании и воспроизводстве эталонных образцов. И нарастающий вал авангардных практик, которые демонстративно разрывают с косными образцами.

Архаична Академия наук, и никакие попытки ее реформировать ни к чему хорошему не ведут; авангардным является проект «Сколково», уникальную модель которого невозможно тиражировать; революционна природа пермского культурного проекта. Задача в том и заключается, чтобы предъявить стране и миру возможность резкого единоличного прорыва, а не в том, чтобы поставить дело научных инноваций на конвейер. Архаике найдется место в обновленной России; штучный авангард заставляет шевелиться остальных, но если не создать идеологию ненасильственного обновления всей сферы общественных, экономических практик, культурных установок, то крайне сложно будет выйти на траекторию модернизации без колоссальных потрясений, без нового русского раскола.

В отличие от архаики, социальный модерн предполагает изменение реальности, последовательную работу с устоявшейся традицией, обновление ценностей и институтов. В отличие от авангарда, он не отрицает устоявшиеся модели только потому, что они существуют давно. Он воспроизводит, как сам стиль модерн, который когда-то быстро распространился по всей Европе. Авангардный «Черный квадрат» навсегда остается одним-единственным «Черным квадратом», сколько бы авторских копий Малевич ни сделал. Архаические «Грачи прилетели» Саврасова не могут быть изменены, их невозможно варьировать, только повторять. А дом, построенный в стиле модерн, может быть маленьким или большим, дорогим или дешевым; он может находиться в столицах или в глухой провинции. В этом отношении российская традиция модернизации не враг, а в некоторых случаях союзник.

Чтобы проверить, причем в максимальном приближении к реальности, насколько верны наши предположения и тезисы, было проведено социологическое исследование, основанное на опросе соотечественников, живущих и работающих в модернизированных странах или в западных компаниях, представленных в России. То есть в тех условиях, которые должны возникнуть в случае успешного запуска модернизации в России. Исследование было проведено весной 2011 года Центром независимых социологических исследований в России (Санкт-Петербург), США (штаты Мэриленд и Нью-Джерси) и ФРГ (Берлин и Северная Рейн-Вестфалия). Два главных исследовательских вопроса, сформулированных авторами:

- Существуют ли специфические культурные черты, принципиально отличающие российского работника от его коллег в ведущих странах Запада?
- Какова связь между выявленными чертами и процессами экономической модернизации?

Авторы считают, что при исчезновении внешних социально-политических, экономических и прочих институциональных барьеров молодой «креативный класс» легко раскрывает свои модернизационные возможности, на равных конкурируя с западными коллегами в рамках устоявшихся правил. И никакие факторы традиционности им в этом совершенно не мешают; наши культурные установки вполне совместимы с модернизированной средой обитания. (Хотя культурные установки помогают российским работникам в большей степени строить карьеру предпринимателей на малых инновационных предприятиях, чем карьеру исполнителей в крупных корпорациях). А у тех, кто закончил американскую или европейскую школу, никаких специфических установок в сфере трудовой и организационной этики нет; культурная принадлежность к «русскому миру» выражена не в особенностях социального поведения, в том числе экономического, а в особом эмоциональном, эстетическом, бытовом обиходе.

Значит, если не ломать, не обнулять традицию, не идти на колоссальные цивилизационные риски и культурно-политические издержки, связанные с практикой «культурной революции», но просто убирать барьеры и втягивать людей в модернизационные процессы, то зрелая часть «креативного класса» сумеет вписать свои сложившиеся ценности и установки в новую среду и новую реальность. А что до следующего поколения, то оно станет носителем модернизационных ценностей, если удастся превратить российскую школу в институт ненасильственной гуманитарной модернизации.

Между тем, если в поздней советской модели культурно-образовательной политики торжествовал тотальный идеологический подход, то сегодня ставка сделана на столь же тотальную прагматику. Литература, история, художественное воспитание последовательно

смещаются на периферию образовательных процессов. Но все замеры говорят о том, что, снижая количество часов на историю и литературу, мы не получаем взамен роста научно-технических знаний. И при этом только школа может решить политическую задачу формирования общероссийского гражданского сознания, без чего невозможно сохранение и развитие единой территории, государственного тела России. И только школа (что подтвердили и результаты прилагаемого социологического исследования) может заново и без революционных потрясений сформировать систему ценностей следующего поколения, связав установки начинающейся модернизации с культурно-исторической традицией. Ответственны за это в первую очередь история и (в силу специфики русской культурной традиции) литература. Именно они призваны формировать картину мира, сознание сложного человека, свободного и ответственного россиянина. А сложный человек для сложного общества – это главное условие модернизации.

Именно поэтому участникам XIX ежегодной Ассамблеи Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), проходившей в апреле 2011 года, была предложена для обсуждения тема «Культура, будущее России, ее место в мире». При этом под культурой понимались не только и не столько искусство, литература, театр, сколько вся сеть общественных институтов, порождающих, сохраняющих, изменяющих, разрушающих и снова создающих смыслы. То есть и школа, и кино, и телевидение, и правовая традиция, и язык, и религия, и наука, и университетская среда, и военная мысль, и политическая философия. Все, что формирует ту картину мира, которая стоит перед глазами общества в целом и каждого гражданина в частности; все, что определяет наше отношение к реальности. А от этого отношения напрямую зависит, какие решения политиков пройдут, а какие упрутся в невидимую преграду, и либо увязнут в трясине, либо дадут непоправимую трещину.

Представители политической, дипломатической, военной элиты вместе с социологами, литераторами, педагогами, учеными гуманитариями размышляли над тем, действительно ли существует русская культурная матрица, которая ограничивает (или предполагает?) модернизацию.

Почему мы убеждены, что сегодня вопрос о культуре приобретает политическое значение? По той простой причине, что культура формирует ту картину мира, которая стоит перед глазами большинства и с которой оно подсознательно сверяет все свои жизненные решения. Все, что расходится с картиной мира, отторгается; все, что совпадает, получает эффект усиления. Есть американская картина мира, в ней индивидуализм стоит на первом месте, гордость за свободную Америку – на втором, вера в то, что каждый может попытаться сам построить свою судьбу – на третьем, но и про веру в Бога забывать не следует. Есть скандинавская картина мира, коллективистская, во многих отношениях зеркально противоположная американской. Только попробуй противопоставить себя гражданскому обществу, самоуправляющемуся коллективу – мало не покажется; высшая ценность – не рисковать, не выламываться из общего ряда, а умение договориться обо всем и железно соблюдать договоренности. Есть республиканская французская; есть умеренно-монархическая испанская; есть либерально-католическая в Чили... Те политические, экономические, военно-стратегические, инженерные, экологические решения, которые запросто проходят в США, потому что соответствуют общепринятым взглядам данного общества, будут отвергнуты в Дании или Швеции. Равно как и наоборот. Тот хомут, который по шее французам, будет немедленно сброшен чилийцем. Поэтому сейчас, когда модернизация кажется единственным шансом для России выскочить из цивилизационного тупика, необходимо выяснить: какова же наша картина мира? в чем заключается наша традиция? каковы ее константы и есть ли они в принципе?

Сработать быстро – не получится. Собственно, поэтому и нужен новый общественный договор, что только на его основе можно попытаться выиграть у истории катастрофически сокращающееся время. Если отказаться от него – есть твердая гарантия, что ничего не выйдет. Если попытаться выбрать лозунг «перемены без насилия», то никаких гарантий нет. Ни плохих, ни хороших. Есть только шанс. Но, как говорится, Абрам, дай Богу шанс, купи лотерейный билет.

«Мир управляется не одними только интересами»

Александр Архангельский

кандидат филологических наук, профессор кафедры информационной политики и информационных исследований ГУВШЭ, член Академии Российского Телевидения, автор, ведущий и руководитель информационно-аналитической программы телеканала «Культура» «Тем временем», автор и ведущий цикла документальных фильмов «Фабрики памяти: Библиотеки мира», писатель.

В России власть упрощает картину мира, которая должна быть в голове современного человека, с ее точки зрения. То, что происходит с образованием, вы сами видите. Это не просто экономия на спичках, это совершенно точно стремление упростить картину. Образование должно спрямить мозги, а не усложнить их. Хотя на самом деле современный человек должен быть предельно сложным, **иначе он не может в этом мире жить и действовать.**

– Почему, когда иностранцы говорят о нашей стране, они вспоминают Льва Толстого, Чехова, но практически никогда не называют современных знаковых имен?

– Если говорить о литературе, то, конечно, последний роман, который произвел на западного читателя невероятное впечатление и перевернул мирозерцание целого поколения, это был «Доктор Живаго» Пастернака. Роман, который вернул в этот расхристаный мир ощущение, что христианская вера жива. Хотя, может быть, она не всегда церковная. Что русский мир трагичен, но и величественен. Несомненно, свою роль в «продвижении» романа «Доктор Живаго» сыграл тот политический скандал, который сопровождал его публикацию. Но скандал был быстро забыт, а книга осталась. Вы ее найдете в любом захудалом книжном магазине Европы и Америки. В любом магазине можно найти книжки Улицкой, только что перевели в Америке того же Сорокина.

Но, конечно, сегодня нет ни одной книги, которая бы до глубины души потрясла западного читателя. Но одной литературой дело не исчерпывается. Есть до сих пор еще русский театр, есть, несомненно, кино, например, Тарковский, есть много чего еще. Нет тех произведений, тех имен, которыми, как паролем, открывались бы двери в какие-то иные миры. Я имею в виду русских имен для Запада. Сказывается недостаточный интерес к русской теме и отсутствие моды. Но и отсутствие такого глубинного предложения. Предложения, скорее, конъюнктурные.

– Ваши коллеги, например, считают, что в России сегодня сложилась некультуротворная ситуация, которая, по сути, тормозит появление ярких личностей.

– Думаю, дело не только в этом, может быть, не столько в этом, сколько в самой России, где сложилась ситуация разгуманитаривания. Когда ни общество, ни элита, я сейчас имею в виду не только политические элиты, но и элиты экономические, научные, не ощущают, что смыслы управляют миром, а не интересы. Нет этого полноценного ощущения. А когда нет вокруг ощущения, что именно смыслами управляется мир, то все, что связано со смыслами, сдвигается на периферию общественного внимания. А все, что сдвигается на периферию общественного внимания, начинает хиреть.

Для того чтобы появился Пушкин, мало было предшествующего XVIII века, когда накапливался опыт прямого разговора о самых важных вещах на русском художественном языке. Но нужно было, чтобы Карамзин и Жуковский подготовили русскую публику к тому, что в литературе будет происходить самое главное.

Главное не в культуре, а вообще в жизни. Без такой совместной веры в то, что от культуры ценности, от картины мира, которая встает у нас перед глазами, зависит, в конечном счете, и успех цивилизации, без этого никакая отдельная творческая личность ничего сделать не может. Это как корабль. Вы построили прекрасный корабль, отличный, самый совершенный. Но ветра нет, паруса неподвижны, и нет движения.

– Но, может, проблема заключается в пресловутой свободе творчества, когда больше никто ничего не контролирует и не навязывает?

– Я не думаю, что дело в этом. Более того, я-то как раз думаю, что не случайно последняя русская книжка, которая произ-208 Русский язык как следствие модернизации и как форпост традиции вела интеллектуальный переворот в мире, написана писателем, сформировавшимся в другую эпоху, до революции, в свободном мире. И сумевшим пронести в себе эту русскую свободу сквозь все препятствия советской эпохи. А дальше начинается постепенное захирение. Русская культура оказалась очень мощной. Она под советским покровом прожила очень долго, под цензурным покровом сумела продержаться. Но и она начала в конечном счете задыхаться, у нее началась асфиксия. И в следующих поколениях она стала более худосочной.

То, что мы сегодня имеем, это скорее следствие, а не причина. Следствие не того, что рухнула цензура, а следствие того, что слишком долго душили культуру подушкой. Цензура вещь не полезная. Полезная вещь – это напряженное отношение к смыслам. Что было в советскую эпоху, несомненно, это было наследием всей предшествующей русской культуры. Это то, что люди понимали в массе своей, что от смыслов зависит и производство, и прорывы в науке, и, в конечном счете, комфортная среда обитания для каждого отдельного человека. Что человек рожден не для того, чтобы заработать денег, наесться и умереть. А он зарабатывает для того, чтобы жизнь вокруг него была чуть полегче, и это освободило бы ему время для познания самого себя и мира вокруг себя.

– Тогда у общества существовали идеалы. А как с ними обстоит дело сейчас?

– Думаю, что сильного проявления таких идеалов нет. Хотя в последние несколько лет я вижу, как такие запросы начинают спонтанно проявляться, причем, в самых разных слоях. Например, молодой человек, работающий на хорошей должности в крупной компании, мне рассказывал о том, как он и большинство его друзей в свободное от работы время стараются помочь людям, которым не повезло в этой жизни – инвалидам, бедным. Благотворительность перестала быть какой-то формой пропаганды всего хорошего и светлого. И стала частным делом людей. В этом, думаю, проявляется некоторая тоска по идеалам, по тому, что выходит за рамки непосредственно бизнесинтересов. Мы видим, как гражданские какие-то движения возникают. Не политические пока, во всяком случае. Это борьба за право человека жить на своей земле, не считаясь с бюрократическим бизнесом.

Конечно, история с защитой Химкинского леса не такая простая. Но мы видим, что все-таки она объединила людей. Не потому, что они хотели себе урвать кусочек этого леса, а потому, что они искренне хотели защитить природу вокруг себя. Достаточно поместить в интернете какой-то пост – с призывом помочь кому бы то ни было, – и тысячи людей откликаются сразу, я вас уверяю. Это тоже тоска по идеалу. Эта тоска проявляется и в других формах. Может быть, пока не связанных на сегодняшний день с литературой, хотя уверен, что это будет, но связанных с практическим действием. Это не романтики, это прагматики. Это молодые прагматики, которые ощутили, что им мало этой прагматической жизни. Они хотят еще какую-то другую жизнь прожить. И эта жизнь открывается им в гражданском действии, в помощи тому, кому в этой жизни не повезло.

И, наконец, конечно, не случайно то, что люди достаточно обеспеченные, достаточно успешные, вдруг стали задумываться – а как устроена политическая система. Они не пошли на марш несогласных. Но они пошли в дорогие кафе, где начали разговаривать о том, а как надо устроить жизнь так, чтобы она была более справедливой. Началось это смысловое брожение. И я уверен, что на культуре это скажется.

– Как бы вы оценили реакцию на такое брожение со стороны власти?

– Власть ведет себя разнонаправленно. С одной стороны, она последовательно упрощает картину мира, которая должна быть в голове современного человека. То, что происходит с образованием, вы сами видите. Это не просто экономия на спичках, это совершенно точно стремление упростить картину. Образование должно спрямить мозги, а не усложнить их. Хотя на самом деле современный человек должен быть предельно сложным, иначе он не может в этом мире жить и действовать.

Власть не мешает инициативе, если эта инициатива кем-то проявляется. Но сама не особенно содействует. Более того, я вижу, как она лукаво перекадывает на чужие плечи ответственность за те решения, которые она сама принимать не хочет, но осуществления которых

все равно добивается. Яркий пример – передача музейного имущества религиозного назначения религиозным организациям. Давайте прямо скажем, это сброс ответственности за музеи и за здания, которые они занимают. При этом государство не хочет само эти музеи закрывать. Оно хочет, чтобы это сделала церковь. Через шесть лет, когда церковь получит те здания, на какие сегодня подала заявки, ей станет не хватать средств на то, чтобы эти здания содержать. Но музеи уже будут закрыты. А общественное раздражение будет направлено на церковь, а не на власть. В общем, это довольно циничное отношение.

Но при этом другая часть элит начинает сознавать, что именно в сфере культуры, в сфере человеческого сознания, в сфере идеальных установок заключен секрет успеха или неуспеха русской цивилизации в XXI веке. Все чаще приходится слышать разговоры о том, что не одними интересами управляется мир, что надо присмотреться к культуре, к ее практикам. Может быть, именно здесь мы найдем ответ на вопрос – почему не идет модернизация? И мне кажется, что это единственно возможный вариант.

– Но можно ли вообще использовать такое понятие, как модернизация культуры, или это все-таки термин из другой области?

– Можно говорить о культурном факторе в модернизации. Модернизация, если говорить нормальным русским языком, – это обновление всех сторон жизни ради того, чтобы вокруг человека была комфортная среда, комфортная для его активной деятельности, для его проявления. Для того чтобы он мог проявить себя как яркая и неповторимая личность. Для этого нужна другая экономика, другая инфраструктура. Когда мы говорим о модернизации, то имеем в виду, что культура сформировала у человека определенную ценностную шкалу, определенную картину мира, которая стоит у него перед глазами. И если не соотнести цели и задачи модернизации с этой картиной, модернизация работать не будет.

Вообще, в мире она началась после войны, и я думаю, что только процентов десять стран, которые вступили на путь модернизации, добились успеха. Все остальные провалили свою модернизацию. Успешно она проходила только там, где не было ни ломки о колени существующих культурных традиций, ни попытки эти культурные традиции раз и навсегда заморозить. Там, где понимали, что есть своеобразие, с этим своеобразием нужно срифмовать все предстоящие перемены, что человек должен осознать себя в этих переменах, узнать в них свою традицию, свой культурный опыт. Там, где пошли этим путем, модернизация была успешной.

– Мне приходилось слышать мнение, что модернизация в нашей стране невозможна до тех пор, пока значительная часть людей живет взглядами 20-х, 50-х, 70-х годов, и только незначительный процент живет днем сегодняшним.

– Есть очень простой разговор, который понятен каждому. Ты можешь оставаться каким хочешь, но подумай о своих детях. Если мы хотим счастья своим детям, тогда мы должны создать вокруг себя такую среду, которая позволит им развиваться, оставаясь самими собой, и вписываться на равных в развитый мир. И когда люди так ставят вопрос, они понимают, что надо что-то менять, надо меняться ради детей. Ради себя, наверное, они делать этого не будут, ради себя уже, наверное, сил нет. Слишком долго людей втягивали в разного рода эксперименты, слишком долго их трясло и колотило. Но я вас уверяю, я как отец вам это могу сказать, когда ты думаешь сам про себя, ты можешь быть пессимистом, а когда ты думаешь про детей, ты обречен быть оптимистом. Когда ты думаешь сам про себя, ты можешь махнуть рукой и сказать – а, на мой век хватит, когда ты думаешь, как будут жить твои дети, ты вздохнешь, перекрестишься и двинешься в путь. Потому что если ты не двинешься в путь, детям будет худо, а если детям будет худо, то и тебе будет нехорошо.

– Насколько справедливо говорить о существовании русской культурной матрицы?

– Можно говорить об этом как о проблеме, потому что часто, слишком часто понятие матрицы используют для того, чтобы оправдать отказ от любого движения. Вот есть матрица, мы в этой матрице лежим, и из этой матрицы не выскочим. Она сформирована раз навсегда, мы ее сейчас опишем и будем соблюдать, а если мы не хотим перемен, то уж, извините, это не мы не хотим перемен, а матрица не допускает. Но хочется поставить вопрос об этой матрице: существует ли она на самом деле или это наше представление о ней. И с чем мы имеем дело – с матрицей или все-таки с инерцией, которую нужно учитывать, но можно и преодолеть.

Моя точка зрения – мы имеем дело с традицией. Это не матрица. Традиция – это великая сила инерции, она очень важна, потому что в машине должен быть мотор, но должен быть и тормоз. И если не будет тормоза, машину просто занесет на первом же повороте. Но в машине не могут быть только тормоза, потому что в противном случае машина никуда с места не сдвинется и просто сгниет. Поэтому вопрос стоит так – есть эта матрица или нет. Если есть, то опишите нам ее, объясните, откуда она взялась, и почему она такая уж неизменная. Или это медленно меняющаяся традиция. Мне ближе второе понимание. Это медленно меняющаяся традиция.

– Для того чтобы сегодня улучшить ситуацию в культуре, достаточно ли просто в нее вкладывать деньги?

– В культуру деньги вкладывать надо, вопрос в том, как и во имя чего. Для начала давайте скажем, что можно у культуры хотя бы не отбирать лишние деньги. Например, во всем мире действует особый налог на добавленную стоимость для книгоиздателей. И это в самых развитых странах. У нас, в не самой развитой стране, такой налоговой льготы нет. Другое дело, что это опасная привычка – просить у государства денег. Государство, вообще-то говоря, должно поддерживать и художника, и издателя, и продюсера. Государство должно поддерживать своего гражданина. Оно должно поддерживать его право иметь доступ к современной культурной информации. И вот когда мы так ставим вопрос, понятно, что государство может вкладывать, например, в массированные закупки книг современных русских авторов для региональных библиотек, не подкупая тем самым автора, не вступая в сделку с издателем, но вкладывая деньги в читателя. Тем самым оно будет поддерживать и книгоиздание, но только косвенно. Оно может также инвестировать в рекламу российских фильмов. Может перекладывать налоги, полученные от показа иностранных фильмов, в производство своих, как это делают, например, во Франции. Но просто с ложечки кормить художника – не стоит. Во-первых, художник превратится в младенца и перестанет двигаться, а во-вторых, конечно, государство, как только начнет кормить художника с ложечки, то вскоре ему скажет: а ты, давай, делай вот так, так и так. А это конец любой культуре.

– Насколько справедливо представление о том, что конкурентная битва будущего будет заключаться в конкуренции личностей? Способна ли Россия выдержать такую конкуренцию?

– Примерно год назад в «Российской газете» была напечатана замечательная статья Даниила Дондурея и Кирилла Серебренникова о том, какие цели, собственно говоря, стоят перед современной культурой. Они говорили о том, что эта цель – создание сложной человеческой личности, потому что примитивная человеческая личность просто не впишется в этот современный мир. Конечно, предстоящая конкуренция будет конкуренцией личных стратегий, это будет конкуренция индивидуальных сложностей. Но на эту индивидуальную сложность, конечно, должна работать и сложность предшествующей традиции. Нам предстоит не противостоять этой индивидуальной сложности, а работать на нее. И только те страны, которые умеют это делать, будут успешны в своем развитии. Все остальные безнадежно проиграют.

О так называемых российских культурных матрицах

Даниил Борисович Дондурей

кандидат философских наук, главный редактор журнала «Искусство кино», культуролог, член Совета по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте России, член Совета при Президенте Российской Федерации по культуре и искусству.

Когда ты сталкиваешься с тем, что гаишник, стоящий на «хлебном» повороте дороги, сотрудник налоговой службы, специально делающий ошибки при выдаче обычной справки, или судья, выносящий «нужное» решение после формального соревнования сторон, руководствуются одними и теми же интересами, связанными не с самим этим делом, не с его содержанием, а с проектируемой в связи с ним их личной добычей, то понимаешь: материальная и символическая составляющие нашей культуры представляют собой единое целое. Тут безотказно и автоматически срабатывают некие универсальные, уникальные, неформальные, пронизывающие все и вся правила и способы деятельности. Именно их, блестяще описанных Гоголем и Салтыковым-Щедриным, ты легко узнаешь во многих повседневных ситуациях и живых картинках 2011 года.

Эти малоизученные константы всеобщего действия непонятным образом, но буквально, тотально воспроизводят элементы каждому с рождения знакомой системы жизни – в экономике, в действиях власти, в разрешениях морали, в типе личности, способах поощрения и наказания, в тех самых условиях существования, в которых, к примеру, «властьсобственность» у нас всегда пишется в одно слово, а губернаторов, точно так же как и некогда воевод, сажают «на кормление».

Система российской жизни (СРЖ) на самом деле – это целостный, очень устойчивый, идущий сквозь века мир часто неосознаваемых культурных предписаний и поведенческих практик. Он давно отлажен, достаточно эффективен, постоянно изменяется, принимает самые современные облики, приспособляясь к любым вызовам времени. При этом в качестве внеисторических (точнее, протоисторических) констант социального действия эти неформальные практики в сущности не исследованы, концептуально не отрефлексированы, даже табуированы. Но каждый ребенок в России прекрасно знаком с этими правилами, автоматически и прагматично ими пользуется, поскольку, в отличие от своих западных сверстников, прекрасно знает, что говорить можно одно, думать другое, делать третье, подразумевать четвертое, а в голове держать еще десятки разных контекстов. И все это, в конце концов приводит к повсеместному пользованию теми самыми сверхустойчивыми образцами действий, которые Александр Архангельский называет «матрицами» российской культуры.

Прежде чем высказать несколько своих гипотез на эту сверхсложную междисциплинарную тему, я хотел бы обратить внимание на два, как мне кажется, напрямую связанных с этим методологических обстоятельства.

Во-первых, во всех начальственных, экономических, политических и социальных пространствах у нас принято воспринимать культуру исключительно в узком смысле этого понятия – только как создание особых произведений, разного рода артефактов, предназначенных для сферы досуга. Как жизнь художественных идей и гениев. Культура, по всеобщему убеждению, – это все то, что относится к попечению Министерства культуры, контенту телеканала «Культура» и т.д. Существуют какие-то негласные конвенции относительно того, чтобы не использовать это понятие в широком смысле, как «выращивание», как производство, трансляцию и усвоение смыслов – ценностей, представлений, архетипов, способов поведения, норм, запретов, стереотипов, традиций.

Не привязывать их к объяснению реальной, эмпирической, «настоящей» жизни. Культура – это как бы все то, что осталось после экономики, политической деятельности, внешней и оборонной политики, после социальных отношений. В этом плане она даже не связывается с той или иной концепцией человека. Такая негласная методологическая договоренность есть практически у всех – у граждан, у администраций, у правозащитников, у специалистов по национальной безопасности, у дипломатов, художников, ученых и, конечно, у макроэкономистов, в большинстве своем либералов. Нет привычки рассматривать массовое функционирование общественно значимых представлений, а следовательно, и оценивать работу «фабрик мысли». Даже когда у

нас речь идет об образовании, оно не воспринимается как технология трансляции культуры, пространство операции со смыслами. Именно поэтому, когда наши лидеры говорят о развитии страны, последняя сфера, которая, на их взгляд, ориентирована на интеллектуальные функции, на формирование личности – это образование. Практически никогда – культура.

Во-вторых, невнимание к культуре в ее широком смысле приводит к тому, что три связанных один с другим острейших кризиса современного массового сознания в России редко рефлексированы нашими СМИ, не воспринимаются как насущные гражданские и политические драмы. А ведь стоящие за ними процессы, взаимоусиливая друг друга, ведут к очень серьезным проблемам общественного развития.

Речь, конечно, идет о колоссальном мировоззренческом кризисе, который в постсоветское время уже привел к своего рода распаду нашей страны на две ментально конфликтующие общности. Одна – самая большая (от 60 до 80 процентов населения), живет в этакое – по сути понимания происходящего – протофеодальном времени. Она не считывает цивилизационные вызовы 2011 года, просто не способна это делать. Другая часть граждан – по сотням социологических исследований, проведенным в последние 10 лет, – это от семи до 25 процентов населения – те, кто в мировоззренческом плане действительно живет в наши дни. Остальные не определились. Я имею в виду, в частности, такие характеристики, как массовое представление об экономическом устройстве нашей страны. Почти две трети соотечественников до сих пор не принимают рыночные отношения, частную собственность, ненавидят своих работодателей, 57 процентов во время кризиса 2008 года хотели бы немедленного введения жестких государственных цен, госконтроля за хозяйственными отношениями, до половины населения согласны на пересмотр проведенной в 1990-е приватизации, на национализацию. Подавляющее большинство соотечественников сохраняет огромное уважение к социализму, устоям жизни при советской власти. Трудно было бы представить, чтобы в 1937 году люди бы столь же положительно относились к монархии, Николаю II и свергнутому строю.

Сегодня на воспроизводство и утверждение социалистических отношений работают практически все культурные институции нашей страны, большинство СМИ, от радикальных левых до либеральных ньюсмейкеров, таких, например, как кумир российской интеллигенции Леонид Парфенов. Это относится, конечно, и к образу Иосифа Виссарионовича. В апреле 2011 года лишь около трети населения не принимало исторических заслуг Сталина перед родным отечеством.

И наконец, более 70 процентов россиян считают нынешнюю жизнь несправедливой!

Есть не менее показательные оценки и ценности, имеющие прямое отношение к культуре. Например, в ноябре минувшего года в Москве было проведено исследование отношения столичных жителей к инородцам, к иноверцам. На каких-то символических демонстрируемых уровнях оно достаточно политкорректно. Москвичи знают, что надо публично говорить. Но когда им задаются контрольные вопросы: «Вы согласны, чтобы эти люди жили с вами на одной лестничной клетке?» – более 60 процентов не хотели бы, чтобы представители другой национальности, культуры, вероисповедания, традиции существовали с ними «дверь в дверь». И самое показательное – не хотят иметь рядом «чужих» даже больше, чем тех, кто болен СПИДом, кто вернулся из тюрьмы, больше, чем наркоманов, бомжей или хронических алкоголиков. Вот реально работающие коды идентификации больших социальных групп, идеологические костыли национальной идентификации.

Люди не подпитываются актуальными духу времени идеалами, адекватными моделями будущего, не получают мотиваций по поводу того, ради чего стоит жить. И самое главное: массовая культура, не говоря уже об авторской, не принимает нынешнюю жизнь! По сути не справляется со своей основной миссией. В качестве мощного тормоза в этом плане действуют экономические механизмы финансирования СМИ через рекламу. Уже 15 лет они вынуждены зарабатывать на так называемой негативной селекции содержания как наиболее рентабельной технологии.

Второй кризис, конечно, еще более табуированный, напрямую связанный с мировоззренческим, – это кризис морали. Здесь у нас ситуация еще хуже, чем в идеологии, поскольку в настоящее время российское население никому не доверяет: 59 процентов граждан – только собственной семье. У нас сегодня в сущности отсутствует чувство социальной солидарности. На телевидении в программе «Брачное чтиво» (канал ДТВ) муж заказывает слежку за своей женой, жена – за мужем. Итоги выявления «картин мира» молодых людей в возрасте от 18 до 35 лет, того, как они понимают свою жизнь, ее перспективы – приговор моральной атмосфере нашего общества. Более 60 процентов опрошенных в конце 2010 года считали, что их личное жизненное благополучие не зависит от собственных усилий, от настойчивости личных действий, от твоего трудолюбия, одаренности, ответственности. Молодые строители

инновационного общества воспитываются как рантье и субъекты разных видов государственной опеки.

И, наконец, третий кризис нынешнего состояния культуры – психологическое здоровье российского общества. Кроме самоубийств, где мы, как известно, находимся на втором месте в мире, по многим другим аналогичным показателям – также в лидерах. И по количеству самоубийств среди подростков в возрасте от 10 до 17 лет, и по заболеваниям органов чувств, и по потреблению героина, объему детской порнографии в интернете, по количеству смертей на 10 тысяч населения... На психике в первую очередь сказывается то обстоятельство, что подростки лишены героев, идеалов, положительных романтических прообразов. По депрессии они могут соревноваться только со своими дедушками – мужчинами старше 55 лет, которые умирают не только от «паленой» водки, травматизма или пренебрежения к собственному здоровью. Есть очень интересные международные исследования, согласно которым наши пожилые люди мужского пола уходят из жизни в том числе и в результате психологических факторов, в частности, от отсутствия... жизненного драйва. У них исчезают, изнашиваются индивидуальные практики успешного обыденного существования.

Если столь очевидные кризисы в сфере культуры публично не рефлексированы, то тем более вне пристального внимания нашего общества остаются те ее основания, которые можно отнести к национальной ментальности. Она полностью огорожена, закована в латы академических штудий по разным аспектам этнографии и антропологии. Обозначу лишь некоторые свои гипотезы, касающиеся основной темы – неформальных протоисторических культурных констант российской жизни, слепки которых мы легко можем увидеть в настоящем времени.

Одна из особенностей программирования нашей национальной жизни – она словно избегает знания о самой себе. Будто и не нуждается в достоверной информации относительно собственной природы, скрытых механизмов деятельности, того, что называют «русской спецификой». Тут часто заведомо негативная оценка срывает как негласный запрет на соответствующие исследования. Не случайно же у нас так мало работ, безоценочно анализирующих технологию российской коррупции или рассматривающих реальные функции и эффективность воровства. Достаточно начать с очевидного: с протофеодалного по своей сущности функционирования власти. В России она не только беспредельно персонифицирована, но и находится выше всех других систем управления. Причем этот принцип утверждается не в законах, декларациях, а на практике. В соответствии с этим формируются многие социально-психологические архетипы поведения российских граждан, связанные с ответственностью, выработкой программ, с реализацией задуманного. Вот мы обсуждаем с кинематографистами, как нужно разумно потратить три бюджетных рубля, и единственное, что они могут предложить: давайте напишем письмо президенту или премьеру. Их никто этому не учил, но такой способ аппаратного мышления постоянно воспроизводится. Они прекрасно понимают, что человек у нас не воспринимается как живой, самостоятельный, вдохновленный или разочарованный, несмотря на все заверения великой русской литературы Золотого и Серебряного века о том, что он гордый, сильный и «всемирно отзывчивый». По действующей культурной модели индивид часто находится в невидимой крепостной зависимости, является исключительно объектом социального попечения.

Очевидно непереносимое сосуществование в нашей культуре двойного сознания, двойного языка, двойного мышления, присутствия двух народов в составе одного. Обязательное российское «два в одном»: нужно гордиться государством и одновременно воровать у него, служить ему и его ненавидеть. Нужно быть уверенным, что мы окружены, особенно на Западе, хитрыми и злокозненными врагами, но при этом хотим туда переехать, если в России становится особенно тяжело жить.

Тут, можно сказать, повсеместна «жизнь по понятиям», а мир специфического тюремного сознания – мощный, многомерный, касающийся отдельного языка, связей, реакций – есть способ неписанного доверия, возникающий в ответ на недоверие в официальных отношениях, зафиксированных в законах и постановлениях. Пресловутое «договоримся» пронизывает все сферы экономических, политических, социальных связей, а основные институты мысли ежесекундно воспроизводят этот специфический по своему происхождению тип сознания зоны.

Все мы знаем огромное неструктурированное количество поведенческих предписаний, спрятанных в метафорическом словосочетании «специфика российской культуры». Тут и упование на «авось», на «как-то все образуется»; повсеместное устройство фасадов; желание не сделать, а «доделать», «дойти», «досмотреть», «достроить»; ответственность не за взятые тобой обязательства, то есть не моральная, а персоналистская, в первую очередь перед начальством; неуважение к закону, но приятие лжи; терпимость к некоторым формам воровства, к демонстрации насилия; коррупция как доверительная коммуникация; доведение любого дела до

кризиса и затем – мобилизация, его героическое преодоление; хамство и алчность под прикрытием «душевности»...

Самое простое и ошибочное тут – обидеться на очевидную негативность описания этих моделей, посчитать их «очернением» и в очередной раз отказаться от серьезного, безоценочного изучения эффективно действующих в каждом миллиметре российской жизни практик.

То, что некоторые исследователи называют матрицей, на самом деле всего лишь образ тех воспроизводящихся устойчивых кодов, формирующих культурное пространство российской реальности, которые пока трудно как-то назвать. Может быть, это особые ментальные (мотивационные и поведенческие) комплексы, которые условно разнесены по академическим наукам. Они существуют где-то в диссертациях, в специальных книгах, но вы не найдете публично рефлекслируемых текстов, которые бы обучали людей успешно осваивать правила все той же жизни «по понятиям». Не было даже попыток собрать своего рода культурологическую «таблицу Менделеева» подобных неформальных образцов деятельности. А она, мне кажется, все-таки может быть создана. Люди же замечательно ими в своей обыденной жизни пользуются. Странно было бы думать, что их сила в формальной неописанности, в табуированности.

Я убежден, что российский этнокультурный мир невероятно креативен. Не случайно самый выдающийся профессиональный художник в нашей стране – по своим возможностям, ресурсам, творчеству, результатам – это, конечно, бухгалтер! Выдающийся профессионал, он буквально творит невидимую родную реальность. И все участники экономических связей готовы воспринимать мастерство его порой фантастических отчетов. Находятся в сложных конвенциях по считыванию тех подчас несуществующих миров, которые он с блеском «рисует».

Мне непонятно, почему мы не пытаемся осмыслить колоссальные ресурсы каждого элемента этой культурной системы? Ведь только тогда мы сможем целенаправленно, эффективно и с большой пользой для страны заниматься ее продуктивными трансформациями.

«В России сейчас некультуротворческая ситуация»

Даниил Борисович Дондурей

Настоящее время, видимо, один из немногих периодов отечественной истории, когда нация живет без идеалов. Это является следствием и одновременно влечет за собой целый ряд моральных поражений и болезней. А значит, и интеллектуальную, эмоциональную, художественную обессточенность. При этом срабатывают, чувствуют себя вольготно в своих худших проявлениях российские этнокультурные особенности.

– Согласны ли вы с утверждением, что Россия начала терять свою культуру? И что мы живем тем культурным наследием, которое осталось от прошлого?

– Такие резкие утверждения правомерны лишь в определенном контексте, но и при этом носят достаточно ограниченный характер. Культуру нельзя терять, тем более потерять. Она всегда существует, непрерывно воспроизводится. Речь идет, надеюсь, не о культуре в узком смысле слова, когда к ней относят в основном артефакты высокого достоинства – произведения искусства, традиции, обстоятельства, связанные с созданием великих творений, селекцию и жизнь гениев. Очень редко даже в этой ограниченной версии культуры речь заходит о потреблении ее благ, продуктов и услуг.

На самом деле культура – это вся система программирования человеческой деятельности в данном этносе, на определенной территории или конкретном отрезке истории, связанная с ценностями и нормами этого этноса, моральными принципами, образцами поведения, идеалами, стереотипами, национальным характером и целым рядом других мировоззренческих вещей. К культуре мы можем отнести и действующую в этот момент идеологию как картину мира, и, безусловно, этнические матрицы, например, саму природу того, почему «то, что русскому хорошо, то немцу смерть». Это и разного рода предписания, ограничения, табу. В этом смысле культура постоянно пульсирует, видоизменяется. Но при этом она никуда не исчезает. Ни один народ без нее жить не может. Теперь о том, что касается традиционных представлений – создаем ли мы признанные в мире шедевры, благодаря которым любой школьник от Кейптауна до Рейкьявика, от Гонконга до Сиэтла знает, кто такие Толстой, Чехов или Чайковский? Такого уровня произведений мы уже не

производим. Необходимый для этого колоссальный креативный потенциал утерян. В России сейчас – непродуктивная, некультуротворная ситуация: у нас большая драма с мировоззрением. При этом срабатывают, чувствуют себя вольготно в своих худших проявлениях российские этнокультурные особенности. В частности, такие архетипы, подсознательные приоритеты, как нелюбовь к труду, жажда того, что описывается замечательным русским словом «халява», патернализм, страх свободы, надежда на «авось», иждивенчество. Воспроизводятся программы, которые по существу не соответствуют тем идеалам культуры, которые здесь же действовали в XIX и в начале XX века.

– Но любовь народа к «халяве», кстати, не только русского, была и прежде – в XVIII, XIX и XX веках.

– Произошел очень значимый процесс, связанный с тем, что общественная мораль больше не табуирует эти поведенческие модели как негативные, в качестве отрицательных свойств личности, больших социальных групп, целых сословий, да и народа в целом. Плутство, коррупция, казнокрадство, конечно, существовали и в XVI, и в XX веке. Достаточно вспомнить русско-японскую войну 1905 года, когда несколько миллионов пар обуви, поставленных армии, оказались без подметок. Тем не менее отношение к этим явлениям никогда прежде не было в обществе таким нейтральным, терпимым, как сейчас. По большому счету, морально обществом не осуждаемым.

Как и все этнокультурные системы, Россия – уникальный культурный мир, связанный, среди прочего, с двойным языком, двойной моралью, с двойным типом сознания, с двойной судебной системой...

Кстати, это ее креативное преимущество. Чтобы быстро ориентироваться в нашей жизни «по понятиям», нужно уметь считывать довольно сложные коды. Сейчас важные культурные запреты сняты, смикшированы, официальные нормы действуют более расширительно, чем раньше. Насилие, например, символически не оценивается как негативная, неправильная, скрываемая, «нехорошая» практика. Психологически люди к этому привыкли, притерпелись.

– В России всегда существовала система контроля за сознанием. Но в то же время очень многие знаковые произведения создавались вопреки этой системе контроля, как бы противодействуя ей.

– Конечно. Во все времена в нашей стране существовали беспрецедентные системы контроля над инакомыслием, которых в Европе и в других социокультурных системах последние века не было. У нас всегда существовала жесткая вертикаль, когда власть находилась над всеми сферами человеческого общежития, над моралью, правопорядком, экономикой – над всем. Эта схема при всех режимах воспроизводится со времен монголо-татарского ига. Но именно в последние 15 лет общество – вот это суперновость – лишено идеалов, желаемых образцов, которые прежде в какой-то форме, в каких-то масштабах были у интеллигенции. Таких «старых» идеальных устремлений, как, скажем, раскрепостить народ, вывести его из неволи государства, предоставить человеку возможности для развития – подобных устремлений, сильно переживаемых большинством, сегодня нет. Можно сказать, нет вечного, очень важного потенциала российской культуры – «энергии заблуждений». Не осталось гуманитарных заблуждений, свойственных Золотому веку русской культуры, с 1820-го по 1890 годы. И эпохе величайших русских утопий, которые существовали следующие 40 лет, в Серебряный век, с 1890-го по 1930 годы, пока Сталин все это не утопил в крови. Сегодня ничего подобного – видимых и невидимых смысловых рек – в сущности, нет.

С другой стороны, русская культура по природе своей очень креативная, мощная, наполненная, когда сталкивается с проявлением явного тоталитаризма. Современный тоталитаризм куда более хитрый, сложный, нерелефлексированный. Зачастую он использует самые современные технологии, позволяющие обществу выпускать весь интеллектуальный и психологический пар. Сегодня появилось много новых институций, в которых можно говорить абсолютно свободно все что угодно – об авторитаризме, несвободе, состоянии судов, спецслужб, Кремля. Но объем несвободы от этого только увеличивается, уходит в подсознание, в повседневные практики. Новые пиартехнологии распространения значимых смыслов требуют от художников нового мышления. Старые технологии, которые мы знаем по прошлым временам от Державина до Мандельштама и Эфроса, уже не срабатывают. Задействованы другие запреты: разрешения, другая энергетика, другие художественные горизонты, другие коммуникационные системы.

– Но во всем мире существуют пиартехнологии, которые власть использует в своих интересах.

– Безусловно. Только обращаю ваше внимание, что в течение, например, одного предыдущего столетия принципы самого существования, я имею в виду, конечно, не только экономику, но всю систему жизни, ни в одной стране мира не пересматривались настолько тотально, как у нас. Сначала в 1917-м году, потом в 1992-м. Нигде не было полной смены всех оснований устройства социума. В России действовала мощнейшая идеологическая мясорубка – культурная, социальная, мировоззренческая, моральная, эстетическая... Эта мясорубка жестко заменяла одну систему жизни на другую. В результате сегодня, как никогда раньше, потеряв многие источники своей энергии, эта система оказалась содержательно обесточена. Люди в нашей стране не знают, ни в какое время, ни при каком общественном строе, ни с какими идеалами они живут. Часть страны хочет окончательного отторжения социализма, другая – обожает телепрограммы Парфенова и концерты Пугачевой с их ностальгией по прежним устоям.

Существует масса специальных программ на телевидении, которые неявно, тонко, но настойчиво продолжают показывать, что Россия живет в окружении врагов или что либеральная революция виновна в несправедливости происходящего. Очень много таких форматов, производством которых заняты главные «фабрики мысли» – я имею в виду, конечно, телевидение, радио, интернет. Но и элиты не могут создать произведения высокого искусства. Просто не в состоянии это сделать, потому что в наших головах накоплены горы мировоззренческого мусора. Вот и экономисты думают, что могут внедрять универсальные представления о правильной экономике без учета национальной специфики или психологического состояния общества. В нашей стране десятки миллионов еще, к сожалению, живут по схемам 30-х, 50-х, 70-х, 90-х годов. Не больше 20 процентов населения по своим представлениям, картинам мира находится в настоящем времени, в 2011-м. А шесть из каждых семи человек – в прошлом. Они просто не считают вызовы современной жизни, не понимают, как теперь она устроена. Почему, например, не надо ненавидеть своего работодателя. Не понимают, почему воровство – не «эффективная технология», а халявное мышление приведет страну к неотвратимому отставанию в развитии.

– Это означает, что мы говорим скорее не о какой-то варваризации страны в культурном плане, а скорее о растерянности и распутье, на котором сейчас находится большинство населения.

– Я бы с вами согласился только отчасти. Проблемное пространство, на которое я, безусловно, пытаюсь обратить внимание, касается в первую очередь деятельности российских элит. Они сегодня оказались не способными переварить то, что произошло на рубеже 90-х годов. Не смогли предложить идеалы, образцы поведения, сами образы будущего. Не справились с макрозадачами, связанными со снабжением родного народа, всей гигантской этносоциокультурной общности, жизнеспособными программами. Более того, на мой взгляд, не осознают той расширяющейся галактики опасностей, которая в связи с этим постепенно накрывает всю нашу систему жизни. Элиты не считают эти опасности, не ощущают их значимость. Ну, какие-то продвинутые люди, конечно, говорят, что без модернизации нам никуда. Но на самом деле общество по большому счету не осознает истинную причину стагнации в той степени, в какой оно понимало надвигающуюся опасность во время войн или тоталитарного насилия. Шансов выиграть главную, на мой взгляд, конкурентную битву будущего – за качественную, развитую, сложную личность – пока у нас нет. А следовательно, и конкуренцию за адекватное времени развитие культуры. За это, конечно, отвечают все силы общества, но в первую очередь элиты. Они не смогли должным образом напугать высшую политическую власть, не убедили экономистов, что никакие правильные западные модели в нынешних культурных, моральных и мировоззренческих условиях производства смысловых пустот и имитаций выжить не могут.

– Достаточно ли для изменения ситуации просто вкладывать в культуру деньги? Или нужно, быть может, искусственно создавать энергию заблуждений, о которой вы говорили?

– Это все неэффективно. Энергию заблуждений создавать вообще нельзя. Она озникает сама собой, из тысячи факторов. В общем-то, я, видимо, не совсем точное выбрал определение – «энергия заблуждений». Может, более точным словом является культурная утопия. Но

современная утопия представляет – порождает, программирует – куда более сложные процессы, чем это было 100 лет назад.

Мне кажется, что переждать сложившуюся ситуацию уже невозможно – возникает ощущение, что речь идет уже не о жизни, а о выживании. Сегодня нужно невероятно интенсивно заниматься «системной модернизацией системы». На это следует бросить все интеллектуальные силы. Нельзя рассчитывать только на экономические изменения или на что-то, связанное с социальными или политическими благами, предоставляемыми человеку. Нужно взглянуть по-новому на все – политическую систему, гражданское общество, мировоззрение, мораль, российскую культурную матрицу. В плане состояния морали, мне кажется, наша страна в худшем состоянии находилась только в эпоху Гражданской войны.

Но ведь не случайно же эта тема никогда не обсуждается всерьез. Вы не найдете ни одного выступления лидеров или представителей политической элиты России на эту тему. Ни одного экономического текста, где бы речь шла о том, что чувство всеобщего недоверия всех ко всем – важнейший экономический, мультисистемный фактор. Он не позволит что-либо в положительном плане изменить, в первую очередь в экономической сфере. Очевидно же, что экономика и ценностное состояние общества связаны напрямую.

Как лечить все эти болезни, если даже диагнозы не поставлены? Общество адекватно не осознает, что с ним происходит. Во многом мы не знаем той реальности, в которой живем. А значит, ведем себя как дети. Закрыв глаза – и реальности с ее проблемами просто нет. Гигантские ресурсы, территория, население, история, имиджи позволяют и будут позволять еще какое-то количество лет так существовать, самим себя обманывать. Но, я думаю, мы, несмотря на темпы роста автомашин в семье и количество выездов на Запад, мы не должны подвергнуть сомнению тот факт, что наша система жизни сегодня подвержена колоссальной и многомерной и скверно изученной пока болезни.

Число зверя. Этничность как человеческая форма животного состояния

Сергей Эрлих
историк, издатель, публицист

Битва. Триумфальная арка Константина. III век н.э. Рим



Похищение Европы

Разгром нацистской Германии надолго снял этническую тему с европейской повестки дня. Несколько послевоенных десятилетий она оставалась уделом маргиналов.

Идеи этнократии были реанимированы при развале «лагеря социализма». На территории СССР с их помощью были развязаны локальные вооруженные конфликты. В Югославии случилась полномасштабная война, умиротворенная натовскими бомбардировками

Сербии.

В конце 80-х – начале 90-х можно было думать, что этническое обострение – побочный результат крушения неэффективной коммунистической модели. Тогда в ходу были рассуждения, что, дескать, будь в СССР европейский уровень жизни, никаких межнациональных конфликтов не было бы. Вот сейчас перейдем к рынку и демократии и заживем единым человеческим общежитием.

Жизнь опровергла вульгарно экономические рассуждения перестроечных антимарксистов. Благополучные европейцы также попали под дурное этнократическое влияние восточноевропейских «лимитрофов».

Первый шок случился в 1999-м, когда на парламентских выборах в Австрии второе место заняла основанная в 1955 году бывшими нацистами Партия свободы, возглавляемая «потомственным нацистом» Йоргом Хайдером. В 2002-м лидер ксенофобского Национального фронта Франции Жан-Мари Ле Пен вышел во второй тур президентских выборов. В нынешнем составе Европейского парламента самая многочисленная фракция (270 голосов из 754, или 35,8 процента) принадлежит Европейской народной партии, ориентированной на этнические ценности.

Этническое перевозбуждение западных европейцев выливается в сепаратистские движения. Одним из результатов сепаратизма стал – консультативный пока – референдум об отделении Венеции, обитатели которой вспомнили, что у них была своя средневековая республика, от Италии (16–21 марта 2014 года). А вот жители Шотландии и Каталонии в ближайшее время (соответственно 18 сентября и 9 ноября 2014 года) будут уже не консультировать центральную власть, а изъявлять суверенную волю о независимости от Соединенного и Испанского королевств. Причем каталонский парламент объявил референдум в одностороннем порядке, не считаясь с мнением «центра».

Утверждения, что «их» сторонники этнократии, в отличие от «наших», цивилизованны и не допустят насилия, порождены религиозной верой в западное «Беловодье» людей с душой и талантом, задавленных духовной атмосферой родины. Они не учитывают уроки европейской истории, согласно которым при благоприятной для этнократов внутренней и международной конъюнктуре рассуждения о «понаехавших тут» не раз переходили в действия, не имеющие ничего общего с представлениями о цивилизованном поведении.

Россия долго оставалась в стороне от этнократических тенденций. Но с недавних пор и она присоединилась к братству народов, озабоченных идеями крови и почвы. В ходе геополитической

схватки за Украину во внешнеполитической риторике «интернациональный долг» впервые с 1917 года сменился долгом этническим. Очевидно, что лозунги защиты всего полиэтничного населения братской Украины от бесчинств радикальных националистов гораздо эффективнее обеспечили бы выполнение внешнеполитической задачи. Появление «этнических» призывов нельзя объяснить нетворческой реактивностью кремлевских пропагандистов, дающих симметричный ответ победителям Майдана. Мы наблюдаем, как внешнеполитическими средствами решаются внутрироссийские задачи укрепления «морально-политического единства». Всенародное одобрение спецоперации по защите русских «соотечественников», удостоверенное подписями худруков высокохудожественных театров, свидетельствует, что цель единения власти и народа достигнута.

Подключаясь к европейскому тренду, российское правительство перестает быть единственным европейцем в стране. Европа также перестает быть тем, чем она являлась для образованного российского сословия со времен даже не Пушкина, а его прадеда-арапа. Похищение Европы, которую мы потеряли, осуществляется соединенными усилиями западных и восточных европейцев.

Мечта о безграничной Европе от Лиссабона до Владивостока в очередной раз рухнет на наших глазах. Нынешняя разруха в головах крошит мир по этническому принципу. Опыт двух мировых войн показывает, чем чревато стремление привести этнические границы в соответствие с государственными, а также расширить жизненное пространство своего этноса.

Желаем ли мы повторения того, чему мать-история учила нас в прошлом веке? Вопрос риторический. Надо постараться преодолеть нынешний опасный тренд. Этнические ценности должны быть поставлены на приличествующее им место милой биографической подробности. Основная европейская ценность – права человека – должна стать истинным критерием практики на востоке и западе Европы.

Сцена битвы на стеле Римуша. 2300–2250 до н.э. Гирсу (ныне Телло, Ирак)



Зооботаника

Задача изменить стремительно этнократизирующийся мир не может быть решена без попытки его объяснить в животрепещущем аспекте этнического духа времени.

Не будем спорить, от кого произошел человек. Но даже сторонники божественного происхождения вряд ли станут отрицать, что животное начало сильно сказывается в нашем поведении. Работы

Конрада Лоренца о сходстве поведенческих моделей людей и зверей представили убедительные аргументы в пользу этой точки зрения. Член нацистской партии с 1938 года, Лоренц имел возможность приобрести богатый эмпирический материал для своих теоретических выводов.

Зигмунд Фрейд утверждал, что выход из животного состояния в человеческое произошел благодаря трем запретам: на кровосмешение, на каннибализм, на человекоубийство. Нарушители первых двух вызывают столь сильное омерзение, что можно считать эти табу рубежами обороны человечности. А вот подавляющее число случаев человекоубийства до сих пор не осуждается групповой моралью.

Это утверждение утратит свою парадоксальность, если мы вспомним, что истребление людей происходит прежде всего во время войн, когда убивающие «чужих» рассматриваются «своими» в качестве героев. Войны – это противоборства больших групп: государств или в случае гражданских войн сил, борющихся за государственную власть. Количество признаков, по которым человекоубийцы сплачиваются в большие группы, ограничено. Известны случаи, когда участники войн объединялись на основаниях религии и классов. Но большинство

межгосударственных войн и значительная часть гражданских велась по этническому (субэтническому) принципу.

Таким образом, этническое самосознание является основной сферой, где не очень человеческое искушается очень животным.

Данный тезис не означает, что осознание своей этнической принадлежности и верность ее культурным проявлениям неизбежно ведут к человекоубийству. Мы знаем множество примеров мирного сосуществования народов, живущих «чересполосно». Кроме того, не только этническая одержимость, но также религиозная и классовая становятся причиной войн и других видов насилия. То есть дело не в этничности, а в одержимости. Но данное уточнение не снимает вопроса, почему коллективное расчеловечивание и массовое человекоубийство происходят прежде всего под этническими лозунгами.

Этничность выступает древнейшим, то есть наиболее близким к звериным повадкам, видом человеческой солидарности. По причине «природности» ее миф строится по аналогии с методами выведения «чистокровных» домашних животных. Этимология сменяющихся со временем этнических форм: род, племя, народность, нация (лат. *natio*, от *natus* – «рожденный») – свидетельствует, что представители одного этноса считают «своих» кровными родственниками, имеющими общего тотемного предка. Поэтому гражданские войны, в отличие от межгосударственных, именуется братоубийством. Изначальное зоологическое понимание кровной общности с переходом к земледелию дополняется ботанической метафорой общей почвы – родины, отечества, на которой «коренной» этнос произрастает спокон веков.

В связи со страхом и трепетом, порождаемыми причащением к «зооботанической» святыне этничности, мы понимаем, что при всех разглагольствованиях о «духовных скрепах» язык и культура остаются «вторичными половыми признаками» этноса. О справедливости такого утверждения могут, например, свидетельствовать общеизвестные случаи, когда сторонники кровно-почвенного подхода отказывают выдающимся прозаикам и поэтам, писавшим на русском языке, в звании русского писателя по причине их инородного происхождения.

Обязательные компоненты мифологии этноса – «почва» и «кровь» – соотносятся с низшими слоями ментальной триады древних греков (растительный, животный, разумный уровни), сформулированной в трудах Платона и Аристотеля. Миф этничности локализован в тех безличных пластах психики, которые Фрейд именовал «оно» (*id*), а Юнг – коллективным бессознательным. Отсутствие в структуре этнического сознания индивидуализирующего «разума» свидетельствует, что известное сравнение со стадным чувством адекватно описывает природу этнического национализма.



«Взятие Дапур». Храм фараона Рамсеса II (1279–1213 до н.э.). Фивы, Египет

Готтентотская мораль

Этничность, сознаваемая как общность людей, связанных кровью и почвой, формирует пресловутую готтентотскую мораль: «Когда забирают у нас – это плохо. Когда забираем мы – это хорошо». Нравственный принцип, оказавшийся у наивного готтентота на языке, занимает центральное место в умах тех, кто одержим ценностями этничности. Согласно этнической этике вполне оправданными выступают так называемые двойные стандарты поведения. То, что считается недопустимым в отношении «своих»: обман, притеснение, грабеж, насилие, убийство, – может применяться к «чужим», ради блага «своего» этноса.

Даже в тех случаях, когда деяния против чужаков нарушают национальный уголовный кодекс, этническая мораль зачастую оправдывает их интересами нации. В 2004 году лейтенант азербайджанской армии Рамиль Сафаров, пребывая в Будапеште на курсах программы «Партнерство во имя мира», зарубил топором лейтенанта армянской армии Гургена Маргаряна. В Венгрии азербайджанца приговорили к пожизненному заключению. В 2012-м правительство Азербайджана изъявило желание закупить венгерские государственные облигации на сумму 3 миллиарда евро. В качестве жеста доброй воли венгры отправили Сафарова для отбытия пожизненного заключения в Азербайджан. Убийцу встречали на родине как национального героя. Он был выпущен из-под стражи прямо в бакинском аэропорту, помилован президентом страны, пожалован званием майора и одарен квартирой. Все эти мероприятия торжественно освещались в СМИ. С точки зрения «своих», лейтенант Сафаров совершил не преступление, а подвиг – отомстил «чужим» за национальное унижение оккупации «исконно азербайджанского» Карабаха[1].

Моральное оправдание уголовных преступлений «своих» в отношении «чужих» не исключение, а скорее правило этнического сознания. «Они» всегда злоумышляют и совершают злодеяния первыми. Нападая на них сегодня, «мы» только восстанавливаем историческую справедливость, нарушенную ими в палеолите, или же предупреждаем их неминуемую будущую агрессию. «Их» вина перед «нами» всегда больше «нашей» перед «ними». Двойные этнические стандарты формируют убеждение, что представители других этносов являются либо людьми не как мы, либо не совсем людьми, либо нелюдьми, животными.



Роспись амфоры. V век до н.э. Греция

Амнезия Мнемозины

Готтентотская мораль проявляется и в избирательности исторической памяти. Все народы помнят все нанесенные им с незапамятных времен этнические обиды, но на удивление быстро забывают собственные прегрешения. Специфической амнезии Мнемозины посвящены два замечательных

фильма – израильский «Вальс с Баширом» (2008, режиссер Ари Фольман) и польский «Колоски» (2012, режиссер Владислав Пасиковский).

Фильм Фольмана любопытен тем, что это, можно сказать, документальная мультипликация. Герой, отождествляемый с автором, участником Ливанской кампании 1982 года, мучится обрывочными воспоминаниями о каких-то вспышках света над ночным Бейрутом. Но не может вспомнить ничего конкретного. Чтобы избавиться от кошмаров, он начинает встречаться с сослуживцами и выспрашивать их, что же все-таки происходило при выполнении национального долга? Товарищи или тоже ничего не помнят, или не хотят вспоминать. В процессе этих тягостных разговоров к герою благодаря ассоциативным зацепкам приходит, если можно так выразиться в данном случае, озарение. Он извлекает тщательно спрятанное в подвалах подсознания воспоминание о том, что же произошло в ночь с 16 на 17 сентября 1982-го. Союзники израильтян – христианские фалангисты – устроили резню в лагере палестинских беженцев Сабра и Шатила. Резня происходила на виду у израильских войск, оцепивших лагерь и осуществлявших освещение местности. В процессе расследования этого дела израильским парламентом военные дали показания, что не подозревали о кровавых планах фалангистов. Думали, что состоится рутинная проверка документов.

В картине Пасиковского два брата обращаются к истории евреев, проживавших в польском селе до войны. В результате они узнают из архивных документов, что дом, полученный ими в наследство от покойных родителей, который они считали принадлежащим многим поколениям своего рода, на самом деле принадлежал евреям. Старожилы утверждают, что ничего не помнят об обстоятельствах смены собственника. По-фрейдовски реконструируя их оговорки, братья устанавливают, что евреи были убиты не гитлеровцами, как считалось, а с разрешения оккупантов собственными односельчанами. И их отец был одним из организаторов локального холокоста. Сельчане встревожены этим историческим открытием. Ничего личного. Просто в Польше действует закон о реституции. И родственники убитых евреев могут потребовать возвращения недвижимости. Нынешние владельцы исповедуют принцип: «Нет человека – нет проблемы». Они символически распинают одного из братьев на воротах дома, предпочитая оставаться без него и без истины.

Появление этих фильмов вызвало на родине авторов однозначную реакцию. Их обвиняли в выполнении заказа врагов, соответственно Израиля и Польши. Им поступали угрозы. Рецензенты утверждали, что предложенные художественные интерпретации не соответствуют исторической действительности.

Евреи и поляки относятся к числу народов, приписывающих себе статус невинной жертвы. Они настойчиво требуют покаяния от других, пребывая в уверенности, что им, в свою очередь, не в чем каяться.

Не каждому достает мужества «идти против своих». Создатели «Вальса с Баширом» и «Колосков» пошли против виктимных представлений большинства соплеменников. Фольман и Пасиковский, следуя путем древнееврейских пророков, предлагают начинать решение проблемы этнической нетерпимости в первую очередь с себя.

Персональная ответственность – это всегда трудное движение от природы к культуре, от стадной этничности ко всегда одинокому человеческому состоянию. Но именно этот тяжкий духовный труд и делает говорящую обезьяну человеком.

Сильный жрет слабого

Преобладание этнического подхода приводит к тому, что отношения в мировом сообществе наций-государств во многом повторяют те, что складываются в мире животных. Принцип «сильный жрет слабого» до сих пор лежит в основе международных отношений. Гуманизация внешней политики (все-таки уже почти семьдесят лет человечество обходится без мировых войн) вызвана не столько моральным прогрессом, сколько развитием технологий уничтожения. Изобретение ядерного оружия сделало бессмысленным вооруженное выяснение отношений между крупными хищниками. Но с мелкими безъядерными зверьками большие политические животные не церемонятся. Уже в ядерную эру США, СССР и его преемница РФ не раз осуществляли вооруженные вторжения.

На этом человекоубийственном фоне повсеместные торговые войны, ограничения на въезд для граждан недружественных стран и т.п. воспринимаются едва ли не как проявление цивилизованности.

Игра на этнических чувствах позволяет верхам решать не только мобилизационные задачи внешнеполитического противостояния. Эксплуатация этничности является инструментом манипуляции низами в сфере внутренней политики. С помощью «национальной гордости» правящие классы не раз переключали вертикальное социальное недовольство в безопасное для них горизонтальное этническое направление.

Не помнящие родства

Основанное на этнической морали право сильного доминирует на протяжении всей мировой истории. Но если бы звериные принципы были единственным регулятором общественной жизни, человечество никогда бы не вступило в информационную цивилизацию. Мы, как и наши далекие предки, жили бы враждующими стаями в пещерах и питались сырой человечиной. Развитие технологий немыслимо без международного общения. Даже самые могучие и многочисленные народы нуждаются в постоянных творческих заимствованиях. Попытки автаркии всегда сопровождались отставанием от стран, склонных к обмену людьми и идеями.

Благоприятные условия обмена создавались благодаря преодолению животного страха перед чужаком. Во-первых, за счет медленного расширения понятия «свой», надстраивания над старыми этническими формами новых, более обширных. Во-вторых, путем постепенного «очеловечивания» представлений о чужаке. Благодаря формированию различных видов внеэтнической морали (религиозной, государственной, корпоративной, классовой и т.д.) стало возможным существование полиэтничных государств. Точнее, сама возможность феномена государства во многом связана со смягчением звериного этнического сознания. Моноэтническое государство во все времена представляло исключение из правил.

Государствообразующими стали прежде всего те народы, которые сумели умерить этнический ригоризм. Отказ от непримиримого отношения к чужим позволил расширять ряды в первую очередь путем включения в свой правящий слой верхушки покоренных племен. Низы чужаков, лишившихся собственной элиты, со временем также становились своими.

У крупных наций, возникших в результате интеграции многих и зачастую этнически далеких народностей, родственные и свойственнические отношения значительно слабее, чем у народов небольших и тем более крошечных. С бытовой точки зрения можно позавидовать, скажем, сплоченности евреев или армян, не говоря уже о народах-аулах Дагестана. Их взаимовыручка, несомненно, помогает им выживать в зачастую не самом благожелательном окружении. Но если бы большие народы вроде русских были столь же повсеместно завязаны на родстве и кумовстве, то они никогда бы не создали свои империи, подобные бескрайней российской. Способность интегрировать в понятие «свои» разнородные составляющие связана с необходимостью ослабить природные кровные узы – за счет увеличения роли пресловутых «духовных скреп». Зависть иванов, не помнящих родства, к абрамам и рамзанам, кровным родством живущим, – это неизбежная плата за создание крупнейшей державы в мировой истории. Это цена важного шага в направлении от молекулярной оптики родни к космическому мировоззрению рода человеческого. Полиэтнические образования прошлого, именуемые империями, – это противоречивый, непоследовательный, но неизбежный этап становления проектируемой энтузиастами всечеловеческой империи духа.

Два начала – персонально-человеческое и этническая «групповуха» – противоборствуют в душе каждого из нас. При ответе на сакраментальный вопрос: «Сколько человека в человеке?» – мера вовлеченности в свою этничность свидетельствует о «числе зверя» – доле животного начала в структуре личности.

Неверно приравнивать персональную по своей природе человечность к эгоистическому индивидуализму, так же как стайную этничность к альтруистическим соборным ценностям. Известно, как этнические верхушки под лозунгами защиты народных интересов обустроивают свое индивидуальное благополучие. Странникам человечности соборность отнюдь не чужда. Но

мыслят они ее поверх этнических барьеров, включая в понятие «свои» все население нашей планеты.

[1] См.: Буртин. Шура. Топором и пером. Почему, чтобы стать совестью нации, надо стать врагом народа. – «Русский репортер», 2013, № 45. <http://rusrep.ru/article/2013/11/10/aylisli/>



«Битва на Куликовом поле». Из рукописи «Сказание о Мамаевом побоище». XVII век

Этническая нация или нация гражданская?

Право силы пока доминирует на межгосударственном уровне. Но во внутренней жизни некоторых государств еще на заре индустриальной эпохи была осуществлена смена кровно-почвенных вех этничности. На основе двух начал нашей души в конце XVIII века были сформулированы два противоположных принципа нации: «французский», основанный на правах человека, и «немецкий», взывающий к мистическому «народному духу». Французская модель гражданской нации в самой полной мере воплотилась, как это ни парадоксально, во внутренней политике «мирового жандарма» наших дней – США. Модель немецкой этнической нации в наиболее чистом виде была реализована у себя на родине и почти во всех странах Восточной Европы во второй четверти прошлого века.

История показывает, к каким последствиям приводит последовательная реализация идей этнической и гражданской наций.

Этнократические режимы, установившиеся во многих европейских странах после первой мировой войны, принесли неисчислимые несчастья не только этническим меньшинствам, но и в огромной мере своим народам, ради счастья которых вроде бы действовали лидеры радикального национализма. Потери, понесенные тогда, во многих отношениях не удалось восполнить до сих пор. При всей экономической мощи вполне гражданская современная германская нация так и не смогла вернуть себе передовые позиции в мировой культуре, которые она занимала до прихода к власти гитлеровских этнократов.

В противоположном направлении развивались межэтнические отношения в США. Здесь на основе гражданской нации удалось преодолеть тяжелейшее наследие геноцида индейцев, рабства и сегрегации негров. Наличие социальных лифтов для талантливых чужаков является залогом динамичного развития американского общества, в том числе и в таких определяющих сферах информационной цивилизации, как наука, литература, промышленные виды искусства вроде бродвейских мюзиклов и голливудских фильмов.

Неустанно проводя глобальный конкурс «Алло, мы ищем таланты!», американская гражданская нация усиливает свою мощь и благосостояние. Благодаря последовательному неэтническому подходу Америка по числу нобелевских лауреатов за всю историю премии в 2,5 раза превосходит следующую за ней Великобританию и в 10 раз – Россию. Когда с нескрываемой завистью утверждают, что богатые «пиндосы» покупают мозги, хочется спросить: а что, кроме ксенофобии, мешает делать это другим небедным странам? Например, стране, которая поставила абсолютный олимпийский рекорд по затратам на проведение Олимпийских игр в Сочи.

«Проксения» американцев распространяется даже на такую плотно закрытую во всех странах от чужаков сферу, как политика. Достаточно назвать имена иммигрантов в первом поколении: Бжезинского, Киссинджера, Олбрайт. Символом возможностей карьерного роста для «пришельцев» является избрание президентом США сына чернокожего кенийца, внука знахаря – Барака Хусейна Обамы. Подобная нравственная победа оказалась по силам только еще одной гражданской нации – французской, избравшей себе в президенты «подъевреенного» венгра Саркози.

В Америке есть межэтнические конфликты интересов. Есть и засилье так называемых WASP – белых англосаксонских протестантов. Но по сравнению с другими странами этничность здесь в меньшей мере влияет на возможности карьерного роста, что обеспечивает большие возможности развития американского общества. Межэтнические проблемы мирового лидера порождены не принципом гражданской нации, а тем, что этнический национализм и здесь обнаруживает свое присутствие.

Следует отметить, что и почивший в бозе СССР в ряде отношений также был гражданской нацией. Посещая по издательским делам институты Академии наук, вузы, музеи, я постоянно общаюсь с коренными москвичами – башкирами, казахами, армянами и другими представителями бывших советских народов. Можно предположить, что такое широкое представительство различных этносов в образованном и правящем классах было одним из факторов динамичного развития СССР в первую половину его существования. Смею считать, что на гибель Советского Союза в немалой степени повлияла заложенная при его основании бомба замедленного этнического действия. Сконструированные благодаря «ленинской национальной политике» этнические «социалистические нации» стали теми швами, по которым разошлась плоть супердержавы. Обстоятельства развала СССР показывают, что скорость впадения в звериную архаику обществ, одержимых этничностью, во много раз опережает долготелные усилия очеловечивающей модернизации.



Пабло Пикассо. «Герника». 1937

Мыслящий тростник и народ-звереносец

В последнее время все большее число образованных русских не стесняются ксенофобских заявлений. Этнический поворот представляет измену вековым ценностям русского народа. В силу своей имперской природы русские всегда были удивительно малоэтничны. Об этом свидетельствует легкость, с какой в российскую элиту массово включались представители как западных, так и восточных народов. В значительной мере благодаря такой открытости русские и сумели создать не только самую обширную империю в истории человечества, но и культуру мирового значения, ставшую интегральным выражением проблематики разрозненных европейских наций.

Примечательно, что спровоцированное верхами «обострение дружбы народов выше обычного» (М.Делягин), которое в державе Романовых пришлось на конец XIX – начало XX века, стало одной из важнейших причин ее гибели. Национальная карта была разыграна и при крушении СССР. Подыгрывая в последнее время ксенофобии низов, российская власть создает предпосылки повторения кровавых трагедий большевистской революции и реактивной перестройки в виде не менее кровавого фарса.

Немалая доля ответственности за такой тренд лежит на образованном классе. Не важно, какими соображениями руководствуются «креаклы» – искренним страхом перед нашествием варваров или циничным стремлением подзаработать на спросе на ксенофобию. Важно, что и те и другие отступают от ценностей проекта Просвещения, который предусматривает вытягивание народа-звереносца из его природного состояния.

Напрасно надеяться, что вечный зов крови, оросившей Европу во время второй мировой, не может раздаваться в наши дни. Дневники и письма современников свидетельствуют, что даже в середине 30-х годов мало кто представлял, какие испытания предстоят человечеству всего пару лет спустя. Сегодня мы наблюдаем страшные сближения с началом той чудовищной эпохи.

Поэтому трудно считать рациональной позицию брезгливого помалкивания многих интеллигентов-интеллектуалов. Понятно, что страшно идти против своих. Но будет еще страшнее, когда «число зверя» повсеместно овладеет массами.

Не стоит оправдывать свое бездействие тем, что народную стихию невозможно остановить. Ее нельзя утихомирить только в том случае, когда идейные провокации со стороны горстки патологических типов и платных работников ксенофобского труда не встречают противодействия большей части мыслящего тростника – тех, кто гуманитарной профессией призван пробуждать те самые чувства добрые в том самом народе. Процесс, увы, пошел. Но он – пока – обратим.

«Культура снимает с людей скафандры одиночества»

Павел Лунгин

Русский режиссер, сценарист, Народный артист РФ, офицер ордена Литературы и искусства во Франции (2005), лауреат премии Федерации еврейских общин России (ФЕОР) "Человек года - 5765" в номинации "Кинематография" (2005). Режиссер фильмов «Остров», «Царь».

Люди потеряли смысл, цель в жизни. Они чувствуют себя одинокими, обиженными. Они чувствуют себя как-то неуютно. Они не объединены в народ. Видимо, ситуация эта дошла до того, что проблема общих национальных ценностей, объединяющих Российскую Федерацию в единую страну, оказалась под вопросом.

- Сегодня, когда говорят о современной культуре, часто начинают ее жалеть. Говорить, что раньше было все хорошо, а теперь все плохо, и дальше будет только хуже.

- Я бы поставил вопрос по-другому. Почему Ассамблея Совета по внешней и оборонной политике посвящена вопросам культуры? Казалось бы, что общего? Но вопросы культуры сегодня выходят, как ни удивительно, на первое место. Ведь никто не понимает на самом деле до конца, что такое культура. Культура – это не просто книги, театры или люди, смотрящие телевизор. Культура – это та незримая духовная связь, которая объединяет общество, делает из людей народ. Вот говорят – русская культура, говорят – французская культура. То, что делает из французов – французов, это и есть их культура. Также как то, что делает из русских – русских, это наша культура. Речь идет о том, что в стране так мало занимались этой самой культурой, что в результате распалась связь между людьми. Связь, которая существует и объединяется общими ценностями и общими смыслами. Пропали сейчас в России общие смыслы. Непонятно, куда идем. К материальному благополучию? Оно приходит ко многим: улицы полны машин, люди ездят за границу. Но дело в том, что люди потеряли смысл, цель в жизни. Они чувствуют себя одинокими, обиженными. Они чувствуют себя как-то неуютно. Они не объединены в народ. Видимо, ситуация эта дошла до того, что проблема общих национальных ценностей, объединяющих Российскую Федерацию в единую страну, оказалась под вопросом. Поэтому я очень рад, что СВОП (Совета по внешней и оборонной политике), понимает это и считает, что его дело, его долг – говорить о культуре.

- А как обстоит дело в России с общими интересами?

- В СССР действительно были общие интересы у людей. Они заключались в усилении могущества страны во имя социализма, коммунизма. Человека все время насильственно втягивали в эту систему, создавали иллюзию, что он живет ее интересами. А сейчас человек не живет интересами государственной системы. Капитализм не предусматривает объединения людей во имя укрепления мощи государства. Более того, сам принцип капитализма состоит в том, что ты сам за себя, ты должен доказать, что ты умнее, что ты талантливее, что ты хитрее, ловчее. Мир живет по принципу простой биологической экспансии – это естественная форма жизни. Но что такое Россия? Те люди, которые читали Толстого, Достоевского, Чехова, которые вобрали их в себя, они и есть российские люди. Для всего мира Россия ассоциируется с ее культурным наследием. Школа, которая учит математике, а не учит литературе, – это школа, которая ставит под удар, как это ни парадоксально звучит, нашу обороноспособность, единство и целостность нашего общества и мира. Сейчас люди чувствуют себя отдельными атомами, которые плохо складываются в единое целое. И эти атомы не соединяются. Культура же снимает с людей скафандры их одиночества. Поэтому не случайно, что все европейские страны вкладывают огромные деньги в развитие культуры, вроде бы в такие бессмысленные вещи. Когда я жил во Франции, я видел, какие огромные деньги вкладывает в культуру французское правительство. Причем де Голль почувствовал необходимость таких вложений еще в 50-е годы. Это и защита французского языка, и обязательное преподавание французской литературы во всех школах. Французские школьники учат наизусть куски прозы и километрами французские стихи. Огромные деньги вкладываются в театры, в кино. Для того чтобы французское кино противостояло американскому, этому империализму на уровне искусства. Деньги вкладываются в мастерские для

художников, в мастерские для писателей. Это целенаправленные политические задачи, которые решаются уже много лет. Мы же все время думаем об экономике, о ценах на нефть. Культура финансируется всегда по остаточному принципу. Но оказалось, что без культуры эта экономика, эта нефть не выполняют свою функцию.

– Павел Семенович, вы, когда заговорили о России, то с ходу назвали имена – Чехов, Толстой. Но почему таких знаковых для мировой культуры имен нет сегодня?

– Тарковский в кино. Имен везде мало. Мало великих писателей. Смотрите, выбор лауреатов Нобелевской премии по литературе с каждым годом все слабее. Наверное, это процесс общемировой. Все меньше великих фильмов, которые потрясают тебя до глубины души. Хотя они есть. Ведь на Западе так серьезно поддерживают культуру, потому что у них она тоже в слабом состоянии. Она пошатнулась под ударами дешевого кино, развлекательного интернета. Культура все-таки была делом элиты, создавалась представителями элиты. Элитой же потреблялась, и только потом шла в массы. Сейчас элиты меньше занимаются культурой. А наша элита, я считаю, катастрофически не интересуется культурой. Они в душу не берут эту культуру. И народ копирует это отношение.

– Как вы относитесь к такому понятию, как американская мечта? Нужна ли «русская мечта» России?

– Необходима. А иначе ради чего живут люди? Они же не живут для того, чтобы купить новую машину или новый шкаф. Через литературу, театр, хорошие фильмы проходит мечта о русской душе, о русском характере, о некотором идеализме русских, о жертвенности, о возможности жить общими интересами. Но мечта о справедливости, к сожалению, закончилась революцией, которая многое перечеркнула. Однако инерция культурной России была так велика, что даже после революции эта культура инерционным ходом шла и давала великих поэтов – Мандельштама, Пастернака, Ахматову, Цветаеву. Говорю о масштабах. Масштаб Бродского, последнего нашего великого поэта. Но это все инерция, которая шла еще из XIX – начала XX века. Чтобы эта линия не прервалась, чтобы Россия не стала просто сообществом экономически сосуществующих людей, необходимо серьезно вкладываться в культуру. Государство частично это понимает: большие дотации даются кино, театрам. Но это понимание все равно робкое. Власти не до конца осознают критичность сложившегося положения.

– Можно ли говорить, что в нашем обществе сохранились какие-то идеалы, или сейчас настало время исключительно прагматизма?

– Мне кажется, что если идеалы и существуют, они существуют в мире отдельного человека, под его скафандром. Они сейчас не объединяют людей. Им бывает даже неловко, они вынуждены свои идеалы скрывать, чтобы не казаться смешными, глупыми, наивными. Мы заражены общемировым вирусом. Не надо думать, что это происходит только в России. Наши кинозрители – молодежь от 14 до 18–20 лет, они ходят в кино только на развлекательные фильмы. Взрослые в кино вообще не ходят. Люди раньше вспоминали фильмы, которые видели в детстве. Эти фильмы стали вехами, отметками, их общими воспоминаниями о жизни. Это очень интересное явление, которого сейчас мы абсолютно лишены. Поэтому у нас происходят удивительные вещи. Например, не пользуется успехом драма, которую любят во всем мире. У нас нет фильмов о современной семейной жизни, об отношениях людей, нет фильмов, которые говорят о конфликте отцов и детей, у нас даже детективы не имеют успеха, молодежь опростилась до того, что она перестала считывать сложный сюжет. Ходят на скетчи, на это у них интеллекта хватает. Все это говорит о том, что образованность стала не престижной, английский язык учат не для того, чтобы на нем читать художественную литературу, а чтобы работать в какой-нибудь фирме. Быть культурным человеком стало почти стыдным.

– Неужели все настолько критично?

– Общество очень тонко реагирует на те ценности, которые ему транслируются элитой. Когда изменится отношение к культуре со стороны элит и государственных мужей, народ тут же начнет реагировать, это совершенно очевидно.

– Но ведь одним вложением денег здесь не обойтись.

– Прежде всего надо думать об этом. Можно ли окончательно вылечить эту духовную болезнь, я не знаю, но то, что ослабить ее можно, это точно. Пора увидеть опасность, поставить задачу и постараться решить ее. В результате нашего культурного дефицита Россия может расщепиться на два народа – те 5–8 миллионов, которые продолжают жить в культурном мире и разделять общекультурные ценности, и другую, большую Россию, которой они кажутся абракадаброй. Модернизация касается и духовной сферы. Я так понимаю ее задачу: объединение этих двух России.

– Но во все времена интеллигенция традиционно считала, что власть оказывает недостаточное внимание культуре.

– Нет, раньше проблема заключалась в том, что власть слишком много внимания уделяла слову. Мы жили во времена цензуры, и в XIX веке, как вы знаете, и в XVIII веке, когда наказывали Фонвизина, когда царь сказал Пушкину: я буду твоим цензором, когда при советской власти выгоняли людей из Союза писателей, арестовывали. Однако даже в этой суровости цензуры по крайней мере был интерес и внимание к культуре, власть верила в силу слова. Сейчас – пиши что хочешь, говори что хочешь, делай что хочешь, нет никакой реакции, ни положительной, ни отрицательной. Вообще никакой реакции. Поколение старших кинорежиссеров практически перестало работать после того, как исчезла цензура. Я много думал об этом. О том, почему этим талантливым людям, не хочу называть их имена, после того, как ушла цензура, было нечего сказать. Возможно, потому, что им не хватало не запретов, а пристального внимания к их творчеству. Это сложная и противоречивая тема. Я просто пытаюсь сказать, что даже когда существовало неравнодушное, злобное цензурирование – это все равно было выражение интереса власти к культуре. Сейчас этого нет – пиши что хочешь, все равно это никого не волнует. Это нематериально. Материальная сила – это только деньги. Но когда деньги стали единственной целью и материальной силой, оказалось, что люди распадаются на отдельные элементы. У французского писателя Мишеля Уэльбека есть сильная вещь, которая называется «Элементарные частицы». Вот мы в России тоже становимся элементарными частицами.

Культурный капитал

Почему любители оперы зарабатывают больше любителей поп-музыки?

Михаил Соколов,

кандидат социологических наук, доцент Европейского университета в Санкт-Петербурге, научный сотрудник Центра независимых социологических исследований

Существует много исследований, которые показывают, что в большинстве стран люди, которые много активно участвуют в потреблении высокой культуры (ходят в оперу, разбираются в живописи, могут поговорить о литературе и кинематографе), более успешны в жизни, чем те, кто этого не делает. Они, в среднем, удачнее женятся и удачнее выходят замуж — и в том смысле, что более счастливы в браке, и в том, что их партнеры зарабатывают больше денег. У них более благополучная карьера. Они здоровее и живут дольше. И все это — даже по сравнению с менее культурными детьми из того же примерно социального слоя, с которыми они ходили в одну и ту же школу и один и тот же университет.

Есть две теории о том, почему «культурность» — слово, которое означает практически то же, что социологический термин «культурный капитал» — оказывает столько благотворное воздействие. Согласно одной из них, психологической, культурный капитал просто сигнализирует о каких-то важных характеристиках индивида. Например, интерес к живописи и поэзии связан с интеллектом. Чем человек умнее, тем шире круг его интересов, и тем ему интереснее, в частности, искусство. С другой стороны, чем он умнее — тем больше шансов, что он добьется успеха в жизни. Это теории предполагает, что, хотя никакой прямой связи между вкусом к поэзии и карьерой нет, зная, что кто-то ради собственного удовольствия переводит Рильке, можно делать ставки на то, что и в профессиональной жизни он будет успешен. Талантливые люди талантливы во всем.

Все было бы хорошо, если бы не два обстоятельства. Во-первых, связь между интеллектом и культурным капиталом, измеренная с помощью тестов и анкет, оказалась слабой или вообще незначимой. Во-вторых, содержание культурного капитала быстро меняется. Так, чтобы сойти за культурного человека, старшее поколение в России обязано было разбираться в балете, а нынешнее — в артхаусном кино. Если и то, и другое — просто сигнал, сообщающий об интеллекте, то как почему происходит такая смена курса? И, кроме того, почему в культурный капитал в современном мире не входит то, что вроде бы наиболее прямо сигнализирует об умственных способностях, например, знание математики? Сегодня можно признаться в хорошем обществе, что ничего не понимаешь в дифференциальном исчислении (да и что таблицу умножения забыл — тоже, в общем, можно), и это сойдет с рук, но перепутать Моне с Мане — это смертный приговор.

Зачем человеку-хищнику оперный театр

Есть вторая теория, социологическая, объясняющая, как связана опера и успешная карьера. Первый социолог, который попытался проследить, как активное потребление высокой культуры связано с жизненным успехом, был американец норвежского происхождения Торстейн Веблен, который рассматривал искусство как элемент образа жизни праздного класса. У Веблена была теория о том, что в каждую эпоху есть класс-хищник, члены которого каким-то образом оповещают других хищников о своих успехах. Вначале есть воинствующий класс, который просто отнимал у других средства к существованию. Принадлежность к этому классу определялась тем, что его члены могли существовать на награбленное. Но доказывать другим, что вы на самом деле к этому классу принадлежите, чревато неприятными последствиями, потому что если каждый хищник будет на поле боя доказывать свою принадлежность к классу, они неизбежно истребят друг друга. Однако хищники быстро открывают для себя, что совершенно не обязательно выходить на поле боя, чтобы распознать своего. Можно просто показать, сколько вы уже награбили. Когда вы демонстрируете кучу золота, все видят, насколько вы успешны в хищническом качестве. Так в эпоху Великого переселения народов, у каждого из франкских, вестготских, бургундских или других варварских королей была казна. Золото из этой казны не расходовали ни на какие цели, кажущиеся нам сегодня осмысленными, но возили с собой и при каждом удобном случае демонстрировали. Оно было символом силы и удачи своего обладателя. Если враг после проигранной битвы захватывал обоз с казной, это было страшно не тем, что потерявший золото беднел, а тем, что от него отворачивались бывшие соратники, чувствовавшие, что и боги войны от него отвернулись.

Потом классом-хищником стал капиталист. Для этого класса-хищника деньги — это основной его ресурс, как для варварского короля — военная сила. Варвар заставляет работать на себя угрозами, капиталист навязывает заведомо невыгодные условия труда на якобы свободном рынке. Способность зарабатывать деньги — это показатель успешности нового класса-хищника, но возить их с собой на телеге становится уже сложно. И тогда на помощь приходит «культура праздности». Именно поэтому успешные «хищники» и особенно их дети в нашем мире занимаются вещами, которые заведомо бесполезны, и заведомо ни о чем не сигнализируют: классическая филология, история искусства, философия... И чем больше лет в жизни вы можете посвятить таким вещам, тем выше вы стоите в обществе. Крестьянин или пролетарий не могут позволить себе отправить взрослого сына или дочь в школу, тем более, в колледж. Бедные растят детей для того, чтобы те их обеспечивали в наступающей старости (Веблен писал во времена, когда никакого

всеобщего пенсионного обеспечения в Штатах, естественно, не было), а старость при их образе жизни наступает рано. Позволить себя взрослому иждивенца бедная семья не сможет, даже если захочет. Добровольно отказаться от дополнительной рабочей силы может только сравнительно процветающее домохозяйство. Но и тут люди победнее хотят, чтобы их дети изучали что-то практичное, вроде инженерного дела, права или медицины. И только совсем богачи согласны на классическое образование, которое заведомо не приносит никакого дохода. В капиталистических обществах самый высший класс характеризуется не просто богатством, а потомственным богатством. Членство в нем требует не денег вообще, а старых денег, таких, которые переходят по наследству много поколений. Отсюда архаизм в быту – свидетельства обеспеченности предков – и запрет на всякое образование, которое может принести непосредственную пользу. Это показывает, что индивид ничего не добился сам, а, значит, все, что имеет, унаследовал. Есть прекрасное исследование классовой системы обобщенного американского городка 30-40х годов Ллойда Уорнера, в котором показано, как вера американцев в возможность сделать самих себя парадоксальным образом соседствовала тогда с почтением к старой аристократии и презрением к тем, кто только что выбился из низов. «Янки-сити» (в действительности, Ньюберрипортом, штат Массачусетс), правила наследственная элиты, по большей части происходящая от капитанов XVII-XVIII веков, которые занимались океанской торговлей еще в колониальные времена. Ее члены не были самыми богатыми людьми и не всегда возглавляли муниципалитет, но никто не сомневался в их доминировании, и все нувориши втайне мечтали, что если не они сами, то их дети и внуки войдут в эту высшую касту. Одна из частей «Янки-сити» как раз посвящена культурному конфликту, возникшему вокруг нового мэра города, Бигги Малдуна, ирландского мигранта, сколотившего состояние честным трудом и сделавшего политическую карьеру, но отказавшегося признать превосходство элиты с Хай-стрит, сохранившего замашки простого работяги и высмеивавшего людей, не работавших ни дня в жизни. Чувства большинства жителей городка были двойственны, но в конечном счете Малдун проиграл. Человек, который реализовал американскую мечту, обнаружил, что втайне Америка мечтала совершенно о другом – она боготворила не поднявшихся из грязи, а тех, кто никогда этой грязи не касался. Великий Гэтсби открыл для себя то же самое, хотя он и пытался играть по правилам и даже покупал для своей библиотеки настоящие книги, а не декоративные переплеты.

Праздничный класс проявляет себя не только во вкусе к бесполезному образованию. Та же установка проявляется в отношении к интерьеру, одежде, женской красоте. Везде непрактичное и бесполезное ставится выше практичного и полезного. Более того, праздничный класс транслирует свой вкус вокруг себя. Естественно – говорит Веблен – алюминиевая ложка ничем не хуже серебряной. Но в нас воспитан вкус, который заставляет нас любить серебряную. Этот вкус заставляет нас смотреть на людей, которые родились с такой ложкой во рту, снизу вверх.

Композиция культурного капитала — во Франции, США и других местах

Выражаясь более современным социологическим языком, культурный капитал сигнализирует о принадлежности к статусной группе, к определенному слою общества, в который вы должны быть допущены, чтобы получить доступ к наиболее ценным социальным ресурсам. Ее члены заводят друзей и ищут супругов среди себе подобных. Внутри нее же циркулирует информация о наиболее привлекательных экономических возможностях. Эта группа охраняет свои границы за счет престижного культурного потребления, за счет того, что люди ходят в оперу и читают книги. Когда они встречаются с человеком не своего круга, они его отталкивают, и делают это с чистой совестью – ведь они чувствуют, что ими движет не стремление монополизировать доступ к экономическим — благам, а похвальные рефлексии культурного человека. Монополизация все равно происходит, но она происходит как бы сама собой, без всякой задней мысли.

Исторически культурный капитал современного типа в западных обществах появляется в Ренессансной Италии в XV веке. До него интерес к высокой культуре в нашем смысле слова встречается время от времени, но воспринимается скорее как личная причуда, не как что-то принудительное. Мы узнаем между делом, что один из английских епископов в XIII столетии собирал античные статуи, и страшно сетовал, когда корабль, везший из Италии пополнения для его коллекции, затонул. Летописец сообщает об этом не то, чтобы с неодобрением, но с некоторым отстраненным непониманием. После XVI века его мотивы уже не вызвали бы ни у кого в западнохристианской Европе изумления. Единая высокая культура, частью которой является восхищение изящными искусствами вообще, и античностью — распространяется по Европе. Ее границы отчасти начинают размываться только в XX столетии, да и то не везде. Во Франции, например, мы и сегодня находим традиционную высокую культуру почти в полной неприкосновенности. «Культурный капитал» как термин ассоциируется сильнее всего с французским социологом по имени Пьер Бурдьё, который с помощью этого понятия пытался решить большую марксистскую загадку: как получается, что дети богатых становятся богатыми, а дети рабочего класса остаются рабочим классом, при том, что большинство состояний не наследуется, а школьная система построена так, что все ученики получают вроде бы совершенно одинаковое формальное образование? Бурдьё отвечает: есть культурный капитал, который транслируется очень рано. Дети из французского высшего класса приходят в школу умея читать и писать, причем некоторые учились читать по Прусту. Учителю, естественно, с ними легко и приятно. Совершенно невольно, он выделяет их как способных и даже блестящих. Они становятся любимцами, им уделяется больше внимания, они хорошо справляются с экзаменами и выходят с прекрасными аттестатами. В итоге они идут дальше по жизни с полным ощущением, что они всего добились сами, и в общем — все в это верят. И дети рабочего класса, которые учились в той же самой школе и не успевали, тоже думают, что те дети пробились, потому что они обладают большим дарованием.

История в других западных странах немного другая. Например, в Америке, которая была очень похожа до середины XX века на Европу, культурный капитал стал развиваться в другую сторону. Вместо единообразного «хорошего вкуса» наиболее ценным свойством стала всеядность, про которой культурный человек может поддержать беседу с практически любым собеседником. Во Франции говорить о Модильяни — правильно и хорошо, о Клее — еще лучше, а вот признаваться, что вам нравится местный аналог Айвазовского — лучше не надо. В Америке идеально, когда вам нравится и Модильяни, и Клее, и местный аналог Айвазовского, и сам Айвазовский (вдруг нужно будет поддержать беседу с русским?), а также какое-то количество фолк-живописцев (вдруг надо будет коммуницировать с Native American?) Потому что в этом случае — с кем бы вы ни столкнулись — в вас почувствуют родственную душу,.

Что случилось в России? Судьбы интеллигенции сквозь призму теорий стратификации

Большая загадка — это то, что происходит в России сегодня. В позднем Советском Союзе культурный капитал использовался так же, как во Франции. Была группа, обозначавшая себя как интеллигенцию, и гордившаяся, если могла похвастаться многими поколениями образованных предков. Образование заменяло ей деньги. Старых денег, разумеется, ни у кого не было (а новые, если они и были, демонстративно расточать не представлялось возможным), но вот старое образование кое у кого имелось, и афишировать его не воспрещалось. Отдельные представители этой группы стихийно развили аналогию со старыми деньгами еще дальше, настаивая на том, что принадлежность к интеллигенции определяется очень ранним воспитанием, и подлинный интеллигент — это тот, чье образование остановилось еще в средней школе, а культурность закреплена на уровне рефлексов. Интеллигенция очень строго оберегала свои границы. Тому, кто хотел сойти за своего в ее кругу, надо было постоянно готовить себя к необходимости выдерживать долгие изнурительные разговоры о вокальных данных певиц из Мариинки. Очевидное отличие от Франции состояло в том, что интеллигенция не включала в себя политическую и административную элиту, и вообще не была — и уже точно не чувствовала себя — доминирующей социальной группой. Культурность могла обеспечить вращение в кругу людей, которые при случае предложили бы вам работу в музее или НИИ — но, скорее всего, не в обкоме. Тем не менее, складывается впечатление, что между административно-экономической элитой и интеллигенцией намечалось явное тяготение — дети второй, по крайней мере, часто стремились оказаться в окружении первой. Восленский обнаружил среди детей членов сталинского Политбюро директоров библиотек и театральных режиссеров. Кто знает, что было бы, если бы СССР просуществовал еще лет тридцать. Несмотря на спорадические попытки советской власти стереть различия между умственным и физическим трудом, в реальности образовательная система и высокая культура в СССР все больше работали как машины классового воспроизводства, и работали они на интеллигенцию. На самых желанных факультетах самых недоступных вузов учились блатные дети двух видов — дети номенклатуры и дети преподавателей этих вузов и их интеллигентных друзей. А ничто так не способствует сближению, как совместные годы студенчества.

Но в 90-е годы распространилось ощущение, что культурный капитал стремительно теряет значение, которое он имел прежде. Было ли это так на само деле — опять же, до сих пор покрыто тайной. Данные по другим постсоветским странам (самые масштабные исследования проводились в Венгрии) демонстрируют, что там группы, приобщенные к высокой культуре, пережили трансформационный период куда благополучнее большинства прочих. Они быстрее находили новую работу, их дети чаще выбивались в новые элиты, и ощущение от десятилетий кризиса у них было менее тягостным. Венгерский опыт, разумеется, нельзя автоматически проецировать на Россию. Тем не менее, похоже, что российская ситуация развивается в сторону конвергенции со всеми прочими. После периода потери интереса к нему, непрacticalное высшее образование вновь начинает пользоваться спросом. Самые дорогие специальности в Москве и Петербурге в последние годы — уже не экономика и юриспруденция, а экзотические гуманитарные программы типа востоковедения. Те отрывочные российские данные, которые существуют в отношении жизненных траекторий, также показывают, что обладатели высокого культурного капитала по-прежнему в среднем преуспевают больше других, хотя это не вполне осознается ими самими. Советскую и постсоветскую интеллигенцию роднит склонность преувеличивать драматизм своего социального положения. Что, впрочем, не нивелирует значение культурного капитала, но делает его только действеннее. Главная хитрость дьявола классового воспроизводства состоит в том, чтобы убедить всех, что его не существует — или, хотя бы, что он таится не там, где его надо искать в действительности.

Литература:

Веблен, Торстейн. 1984 (1899). Теория праздного класса. Москва: Прогресс

Уорнер, У. Ллойд. 2000 (1959). Живые и мертвые: Исследование символической жизни американцев. С.-Петербург: Университетская книга

Bourdieu, Pierre, and Passeron, J.-C. 1990 (1977). *Reproduction in Education, Society and Culture*. London: Sage

DiMaggio, Paul and John Mohr. 1985. "Cultural Capital, Educational Attainment, and Marital Selection". *American Journal of Sociology*, 90:1231-1257.

Lamont, Michele, and Annette Lareau. 1988. "Cultural Capital: Allusions, Gaps and Glissandos in Recent Theoretical Development." *Sociological Theory* 6:153-68

Borocz, Jozsef and Caleb Southworth. 1996. "Decomposing the Intellectuals' Class Power: Conversion of Cultural capital to Income, Hungary, 1986" *Social Forces*, 74:797-821